

OG MANDINO

THE CHOICE

BANTAM BOOKS

NEW YORK • TORONTO • LONDON • SYDNEY • AUCKLAND

ОГ МАНДИНО

ВЫБОР

В этой книге Ог Мандино с присущим ему оптимизмом утверждает, что у любого человека всегда есть выбор. Тот, кто живет, страдая от невежества, нищеты и жалости к себе, никогда не исследовал свои возможности к лучшей жизни, поскольку не ведал, что у него есть выбор. Ог Мандино дает шанс каждому. Следуя его вдохновенным советам, каждый, даже законченный неудачник, может переломить судьбу и открыть для себя путь к сияющим вершинам успеха и всеобъемлющего счастья.

Для широкого круга читателей.

*Посвящается очаровательной леди,
которая много лет назад научила меня
истинному смыслу слова “любовь”...
моей сестре Джеки*

Я выше всего того, что может случиться со мной. Все это — скорбь, превратности судьбы и страдания — за моей дверью. Я в доме, и ключ у меня.
Чарльз Флетчер Лумис

Человек создает или не создает себя. При -правильном выборе он восходит все выше. Как существо, наделенное , силой, разумом и любовью, как господин собственных мыслей он держит ключ для каждой ситуации...
Джеймс Аллен

Глава первая

Мой единственный календарь — пейзаж за окном, и другой календарь мне не нужен. Листья кленов на моем холме сейчас стали мертвенно-бледными и ломкими, жестокие морозы, ударившие на прошлой неделе, стерли с них неистовые краски осени.

“Трудись усердно и будь готов, когда призовет Господь”, — написал великий мудрец девятнадцатого века Тайрон Эдварде. И его слова, и аналогия с этими листьями, завершающими свой жизненный круг, тяжким грузом ложатся мне на сердце. Я сижу здесь, в моей студии, и молю Бога дать мне силы совладать с моей ужасной тайной.

Я ожидаю смерти в ближайшие девятнадцать дней.

Я пишу это повествование, подгоняя себя, поскольку, честно говоря, не представляю, сколько дней, сколько часов оставлено мне. Случится ли это на День Благодарения?¹ Возможно. На Рождество? Сомнительно. Но совершенно неизбежно, что свежий снег, который вскоре покроет опавшие листья, ляжет ковром и на моей могиле, не успеет новый год начать отсчитывать дни.

Сражен ли я неким тяжким недугом? Нет. Лишь четыре месяца назад, после ежегодного осмотра, доктор Сканьо уверял меня, что “все системы работают нормально” и что я являюсь владельцем одного из самых здоровых сорокадвухлетних тел, которые он наблюдал за многие годы.

Планирую ли я свести счеты с жизнью? Избави Бог. Если и есть человек, который искренне радуется жизни, то это я.

Так откуда же это ужасное ощущение нависшего рока, откуда эта уверенность в близком рубеже (какое подходящее слово) моей жизни, которая подгоняет торопливый перестук пишущей машинки? В конце концов, кто из нас имеет гарантии, что завтра увидит расцвет? Возможно, дочитав до конца эти страницы, ты поймешь.

Очень надеюсь, что к тому времени, когда — если — я закончу эти краткие мемуары, у меня самого будет более отчетливое представление обо всем, что случилось со мной вслед за тем памятным утром шесть лет назад, когда я внезапно изменил весь ход моей жизни. Пойми, читатель, решение было моим и только моим, и пусть дни мои сочтены, я бы принял то же решение, случись прожить жизнь заново.

Каждый день каждому из нас приходится выбирать сотни раз, и в большинстве случаев выбор столь рабски привычен, что делается автоматически, почти как вдох и выдох. Что съесть на завтрак, что надеть на себя, какой дорогой идти на работу, какие счета оплатить,

¹ В США — четвертый четверг ноября. — Здесь и далее прим. пер.

какие отложить в сторону, какие телепрограммы посмотреть, что сделать на работе, как поприветствовать друга или недруга — ничто из этого не хранится в памяти больше часа.

Но время от времени мы обязаны делать иной выбор, принимать решение, на которое будем оглядываться с любого жизненного плато и которое будем вспоминать с горечью неудачника или с радостью триумфатора — так сильно оно может повлиять на последующие годы. Редко кто планирует или предвидит заранее эти поворотные пункты жизни. Да и что можно планировать, если большинство человеческих существ годами бредут по жизненному пути не только без конечной или даже временной цели, но даже без дорожной карты?

Многие, слишком многие не представляют, где они и куда идут, и их жизнь превращается в простую борьбу за существование. Они всегда на краю бездны, всегда в глухой обороне. Если жить приходится именно так, выбор крайне ограничен.

Только не у меня! Не у Марка Кристофера, самого молодого вице-президента регионального отделения страховой компании “Сокровищница”, отвечающего за восемьдесят четыре местных филиала по всей Новой Англии² и руководящего семью сотнями агентов и младших менеджеров. Не у Марка Кристофера, который, сверх того, был внештатным профессором Северо-восточного университета и вел занятия раз в неделю, если только не уезжал в командировку.

Честно говоря, у меня не было пределов для роста. Мое отделение продолжало лидировать по объемам сделок четыре года подряд, и перевод в штаб-квартиру в Чикаго был неизбежен. Я до сих пор помню то благодарственное письмо, которое получил от Дж. Милтона Хадли, основателя и действующего президента страховой компании “Сокровищница”, когда он прочитал очень лестную для меня публикацию в “Бостон Глоуб”. В этой пространной и богато иллюстрированной статье автор наградил меня прозвищем, которое с тех пор прилипло ко мне — Мистер Успех.

Произнося речи на наших собраниях, я всегда цитировал пассажи из книг величайших авторов и столпов успеха. А на Рождество и день рождения каждый работник любого из подчиненных мне филиалов мог рассчитывать на подарок от меня, на вдохновляющую книгу, которая, несомненно, поспособствует его карьере, — то были книги Наполеона Хилла, Франка Беттджера, Доротеи Бранде, Максвелла Мальтца, В. Клементя Стоуна, Нормана Винсента Пила. Мистер Успех — подходящее прозвище, думал я, для человека, точно знающего свои цели и умеющего достигать их.

И вдруг в одно незабываемое утро я начал новую жизнь. Это

² Общее название штатов Мэн, Нью-Гемпшир, Вермонт, Массачусетс, Коннектикут и Род-Айленд на северо-востоке США.

было обычное воскресное утро, подобное сотням других. Едва зазвенел будильник, я проснулся и проворно нажал кнопку” чтобы шум не побеспокоил Луизу. Я тихо выскользнул из постели и подошел к окну. Тот ливень, который предвещал вчерашний телепрогноз, так и не материализовался. Звезды еще не погасли, и тонкий серп луны лишь сейчас начал устало ретироваться за деревья. Все предвещало начало прекрасного летнего дня. Новая Англия просыпалась во всей своей красе.

Я принял душ, побрился и надел мою любимую форму для гольфа — майку с номером Арнольда Палмера и подходящие по цвету бежевые брюки, за которые я выложил в спортивном магазине девяносто баксов, — и на цыпочках спустился на кухню.

Пока закипал чайник для утренней чашки растворимого кофе, я сбегал в гараж, нажатием кнопки открыл ворота, пробрался между велосипедами и двумя автомобилями и вынес на дорожку сумку с клюшками для гольфа. Обычно они хранились в моем шкафчике в клубе, но я лишь в четверг вернулся со съезда страхователей жизни на Бермудах, где умудрился немного поиграть в гольф на лужайке рядом с нашим отелем “Принцесса Саутгемптона”. Сейчас, когда подъедут приятели, я буду готов. По традиции, воскресные игры в нашем клубе начинались ровно в семь.

Я проглотил свой апельсиновый сок и две витаминные пилюли “одна-таблетка-в-день” и занялся кофе и пончиком. Короткий клаксон фургончика, который привезет троицу моих приятелей, раздаст-ся минут через двадцать.

Прихлебывая кофе, я наблюдал за стайкой малиновок, без устали вьющихся вокруг клена в углу нашего дворика. В конце концов, словно повинуюсь таинственному сигналу, они одновременно расселись на нижней ветке — каждая птаха на равном расстоянии от другой, каждая уважала территорию соседа, о чем порой забываем мы, люди. Однако и в полете, и на отдыхе их безумолчное щебетание в тишине утра сливалось в оглушительный клекот, который сделал бы честь любому малобюджетному фильму ужасов.

Потом я услышал нечто другое — шлепанье босых ног по коридору. Часы на кухне показывали 6.15. Кто там бродит? Вскоре я услышал шлепанье второй пары ног. Неужели оба мальчика захотели в туалет одновременно? Бывает.

Мои мысли вернулись к предстоящему матчу. На прошлой неделе я играл ужасно, но сегодня все будет иначе. Я постарался. На Бермудах я отработал мой не лучший удар и сейчас готов к бою. Я позволил телу расслабиться и начал практиковаться в искусстве “визуализации”, которое познал из книг множества мастеров успеха. Голая техника. Просто представь себя в роли человека, достигшего своей цели, каковой бы она ни была. Твердо придерживайся этой мысли, держи перед глазами этот образ,, и начнутся удивительные вещи. Этот

простой процесс многие годы помогал мне в делах, более важных, чем игра в гольф.

Я все еще мысленно отрабатывал удар, сидя спиной к лестнице, так что не видел, как они подошли ко мне. Но я слышал их, двух моих сыновей. Они проговорили в унисон:

— С Днем отца³, папочка! — И я оказался в объятиях. Так обнимать могут только шестилетние и двенадцатилетние. И оба одновременно поцеловали меня в щеки.

Тодд, мой младшенький, держал в руках белый конверт, на котором сам написал “Папе”. Он вручил конверт мне с такой гордостью, с какой обычно рассказывал о пятерке в школе. Я открыл конверт и осторожно извлек открытку, на которой было написано: “Самому Лучшему Отцу в мире”. И подпись теми же крупными, неумелыми каракулями: “С любовью, Тодд”.

Затем мой двенадцатилетний сын, явно чувствуя, что он перерос подобные сентиментальные глупости, вручил свой конверт. Открытка была точно такой же — “Самому Лучшему Отцу в мире”. Тодд, прежде чем старший брат шикнул на него, объявил:

— Мы купили их на наши собственные деньги, папочка!

Я обнял и поцеловал обоих, бормоча, как я им благодарен. После нескольких минут светской беседы Тодд зевнул, и я предложил обоим идти досыпать, потому что время еще слишком раннее. Мальчики даже не рассматривали это предложение. Они планировали сидеть со мной, пока я не уеду играть в гольф, и не собирались отказываться от своего плана. Вскоре они уже сидели за столом, хихикали и пожирали огромные порции непристойного цвета витаминизированной каши.

Пока я смотрел и слушал их двоих, странное чувство охватило меня. Возможно, это лишь иллюзия, навеянная утренним туманом, просачивающимся сквозь застекленную дверь, но Глен, мой двенадцатилетний, похоже, вырослел прямо у меня на глазах. Или, возможно, я просто посмотрел на него как следует, впервые с незапамятных времен. Он был такой ладный и — о, счастье — все больше и больше походил на свою мать. Боже, он уже вырос. Был даже намек на усики над верхней губой, руки казались огромными, голос начал ломаться. За долгими часами в офисе и университете плюс игрой в гольф по выходным я совершенно не заметил постепенный переход от младенца, которого я некогда купал каждый вечер, к молодому человеку, который сейчас сидит передо мной. Ужасная мысль словно током ударила меня: лет через пять он отправится в колледж, а лет через десять почти исчезнет из моей жизни.

Я переключил внимание на Тодда, который по слогам разбирал

³ Третье воскресенье июня.

надпись на гигантской коробке с хлопьями. Он уже в первом классе. Но не вчера ли я расхаживал из угла в угол перед родильной палатой, дожидаясь его первого крика? Куда делись эти шесть лет? Он оторвал взгляд от коробки, и я увидел, какие у него огромные карие глаза — точная копия матери. Впервые я обратил внимание, как порьжели его волосы — почти тот же цвет, что у его бабушки, которую ему не дано было увидеть. Моя мать обожала бы и баловала их обоих.

Тодд посмотрел на меня и нахмурился.

— В чем дело, папа? Тебе не понравились открытки?

Я уверил его, что открытки великолепны, что это лучшие открытки, какие я только видел. Затем прозвучал клаксон. Парни приехали. Я встал, еще раз обнял моих мальчиков и направился к гаражу. Они следовали за мной. Когда я дошел до дорожки, Тодд сказал:

— Удачной игры!

А Глен прокричал:

— Надеюсь, ты победишь!

Я помахал им и двинулся к поджидающему автомобилю. Боб вышел, чтобы открыть заднюю дверцу фургончика и положить туда мои ключи. Я проговорил “доброе утро” и прибавил еще несколько слов. Боб нахмурился, раздраженно покачал головой, затем сел за руль и захлопнул дверцу. Взревел мотор, и машина умчалась.

Я остался на дороге в моей майке с номером Арнольда Палмера и соответствующих брюках, с трудом понимая, что сделал минуту назад. Мои двое облаченных в пижамы мальчишек следили за мной от гаража, озадаченные не меньше меня.

Наконец Тодд бросился по дорожке и повис у меня на шее. Я уткнулся лицом в его волосы, пока он не отстранился и не спросил:

— Папочка, почему ты плачешь?

Что я мог сказать в ответ?

Как мог объяснить, что оплакиваю все те часы, дни и годы, которые провел за проектами, деловыми совещаниями и игрой в гольф, едва не пропустив тот момент, когда мои двое малышей станут взрослыми мужчинами и покинут меня навсегда?

Глава вторая

На следующее утро я продиктовал письмо Дж. Милтону Хадли. Тридцатидневное предуведомление об отставке. Через четыре дня, как я и ожидал, в офисе раздался телефонный звонок, и я услышал знакомый голос.

— Марк, что происходит?

— Привет, Марта. Как поживает лучшая секретарша в стране?

— Речь не обо мне. Что у тебя стряслось?

— Ничего. Я в наилучшей форме. Ощущение такое, будто гора с плеч. Я даже не понимал, как тяжела ноша, пока не сбросил ее.

— Мистер Хадли прочитал твое письмо.

— И?..

— Он хотел бы встретиться с тобой в своем особняке, и как можно скорей.

— Я согласен, но это ничего не изменит. Я уже все решил.

— Марк, нет нужды убеждать меня! Я знаю тебя лучше, чем он. Больше пяти лет я пыталась переубедить тебя по нескольким другим вопросам. Боже! Невозмутимый, непоколебимый, неподкупный мистер Кристофер! Тем не менее он хочет видеть тебя — для твоего же блага, конечно.

— Конечно. Где он?

— В Лос-Анджелесе, читает речь в Американской ассоциации банкиров, но к ночи вернется.

— А какой распорядок на завтра?

— Как всегда, ни одной свободной минуты. Но отменить можно все, что угодно.

— О'кей, я буду около полудня. Моя секретарша сообщит о времени прибытия, как только закажет авиабилет.

— Лимузин будет ждать тебя в аэропорту О'Хара.

— Отлично.

— Марк?

— Да, Марта?

— Ты круглый дурак! — И послышались короткие гудки.

Двадцативосьмикомнатный особняк Дж. Милтона Хадли стоял на небольшом возвышении над озером Мичиган. Огромная, обшитая тиковым деревом библиотека занимала в доме целое крыло. Почему он называл это помещение библиотекой, оставалось загадкой для каждого: не было видно ни единой книги, за исключением Библии в кожаном переплете, принадлежавшей, по преданию, самому Джорджу Вашингтону. Мистер Хадли — не “читатель”, как объяснял он многим допущенным в это святилище, он — “делатель”.

Сам хозяин восседал за огромным, покрытым восточным орнаментом письменным столом, прямо под парадным портретом генерала Эйзенхауэра в полный рост. По слухам, мистер Хадли был крупнейшим спонсором обеих президентских гонок Айка⁴, ему предлагали пост посла в Италии, но он отказался, объявив, что не любит макароны и оперу, а Рим за три месяца нагонит на него смертную тоску.

По левую руку от мистера Хадли сидел как всегда суетливый Моррис Розен, вице-президент и главный юрист страховой компании “Сокровищница”, по правую — Вилбур Глэдстоун, вице-президент и главный ревизор. Когда я пожал всем руки, мистер Хадли указал на пустое кресло лицом к нему и остальным — прямо под перекрестный огонь всех троих.

⁴ Аик — прозвище Дуайта Эйзенхауэра (1890—1969), 34-го президента США (1953—1961).

Старик никогда не был силен в светской беседе. Он наклонился вперед, поправил очки в золотой оправе и прочистил глотку.

— Марк, ты — ценнейшее достояние нашей компании. Я всегда говорил, что наши богатство и сила не в деньгах, а в людях, подобных тебе, в героях на линии огня. Все двенадцать лет, что ты среди нас, ты творил чудеса — и ты еще совсем молодой человек. Потрясающе! Я очень горжусь тобой. За прошлый год твоё отделение принесло страховых договоров почти на миллиард долларов, а текучесть кадров у тебя, наверное, самая низкая по отрасли. Ты создан для этого бизнеса, и мне даже думать противно, что все эти годы твоей самоотверженной работы пойдут прахом.

Он раздраженно порывлся в стопке бумаг на столе, нашел мое уведомление об отставке и помахал им как веером.

— В твоём письме нет ни слова, почему ты хочешь уйти из компании. Мне кажется, ты обязан по крайней мере объяснить. Не затруднит ли тебя рассказать нам по секрету, что же привело тебя к такому внезапному решению? Решение, полагаю, внезапное?

Во время полета из Бостона я пытался предугадать все возможные вопросы, набросал на листе бумаги мои ответы и уточнял, тщательно подбирая слова и снова менял их, пока они не устроили меня. Но сейчас, перед лицом этого великого и глубоко уважаемого мной гения, который всего за пятьдесят лет создал компанию с фондами в два с лишним миллиарда долларов, перед лицом человека, достижения которого занимают две полные колонки в толстом томе “Кто есть кто в Америке”, все иначе.

Я заставил себя смотреть ему прямо в глаза.

— Сэр, с самого прихода в компанию я посвятил почти все свои силы продвижению моей карьеры, решению одной сложной проблемы за другой. Это словно игра, и эту игру я стремился и мог выиграть. Лишь недавно на меня снизошло, что в этой моей игре есть проигравшие, и эти проигравшие — трое самых дорогих мне и любимых людей, моя жена и сыновья. Цена, которую приходилось платить все эти годы, чертовски высока.

Мистер Хадли нахмурился и провел пальцами по розовому листку бумаги наверху стопки.

— Но мне так кажется, Марк, что ты способен вознаградить их жертвы и удовлетворить все их нужды так, что этому позавидуют девяносто девять процентов населения этой страны.

Я покачал головой.

— Боюсь, вы меня не поняли, мистер Хадли. Мое решение почти не связано с деньгами. Речь идет о времени. Где я был, когда мой старший сын играл свой первый матч за Детскую бейсбольную лигу? В Портленде, проводил совещание. Когда мой младший сын умоляет меня сыграть в пинг-понг или погонять мяч, что я обычно говорю ему? Что я слишком занят или слишком устал, но мы обязательно

поиграем завтра.

Да, я просто забывал, что у меня не бывает гарантированного “завтра”. Ни у кого из нас. Когда моя жена попала в ту ужасную автомобильную катастрофу, потребовалось семь часов, чтобы найти меня, потому что я был в окрестностях Нью-Гемпшира, обучал новых менеджеров. Знаете ли вы, что можно пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз за прошедший год — не считая последней недели — я обедал со всей семьей? Эти трое замечательных людей лишены мужа и отца! У них есть лишь машина для деланья денег, которая появляется на мгновение, чтобы сменить костюм и снова исчезнуть. Они заслуживают большего. Как и я. Пока еще есть силы, я хочу заделать этот провал и понюхать те розы, о которых все только и говорят.

Моррис Розен, главный юристконсульт, до этого яростно строчивший в своем блокноте, отложил перо и заговорил:

— Но не обусловлены ли некоторые из ваших проблем, связанных со свободным временем, вашими собственными приоритетами? Ведь вы преподаете по вечерам в университете? Это время не принадлежит страховой компании.

— Вы правы, Моррис. Кроме того, я много играю в гольф по уик-эндам. Все это вычеркнуто из моего расписания, как и преподавание. Я намерен прекратить эти безумные крысиные бега, в которые умудрился ввязаться, подсчитать свои достижения и оставить всем вам этот бесконечный марафон в погоне за радугой. Есть лучший способ жить, и я собираюсь найти его.

Мистер Хадли вздохнул.

— Золотые слова, Марк, но не забывай, что даже Торо⁵ в конце концов пришлось выйти из леса. Неужели эти идеи не умерли еще в шестидесятые? Как мне кажется, люди сегодня пытаются попасть в круг, а не выпасть из круга. Я так полагаю, ты обладаешь достаточной финансовой независимостью, чтобы свести к минимуму риск от столь драматической перемены декораций?

— Нет, сэр, совсем не так. Мы с Луизой не слишком беспокоились о дне грядущем, так что едва укладывались в мои доходы. Думаю, у меня около тридцати тысяч долларов в акциях и ценных бумагах, и это все.

Мистер Хадли впервые улыбнулся.

— Не кажется ли тебе, что это несколько необычное финансовое положение для человека, сделавшего столь блистательную карьеру на том, что убеждал других откладывать часть заработанного на чер-

⁵ Торо, Генри Давид (1817—1862) — американский писатель, один из основоположников идей новоанглийского трансцендентализма, проживший два года отшельником в лесной хижине.

ный день через систему накопительного страхования?

Я улыбнулся в ответ.

— Возможно, но я всегда был уверен, что лучше других смогу справиться с ненастьем, когда оно придет. У меня нет даже зонтика на случай дождя. Его улыбка растаяла.

— Но ты, конечно, накопил внушительные суммы в пенсионном и страховом фондах.

— Боюсь, нет. В прошлом году я занимал, сколько мог, и там, и там. У моего отца было два серьезных сердечных приступа, и он лежал в больнице почти пять месяцев. Больница плюс два специалиста и множество частных сиделок высосали все накопления и с пенсионного, и со страхового вкладов.

— И как здоровье отца?

— Умер, сэр. Мы потеряли его в прошлом декабре.

— Очень сожалею... и прошу простить за все эти личные вопросы. Я спрашиваю только потому, что действительно беспокоюсь о тебе. А как насчет дома? Состояние вложено в него?

— Нет, сэр. Строя отделение “Сокровищницы” в Новой Англии, мы переезжали из штата в штат семь раз. Тот дом в Бруклине, где мы живем сейчас, наше первое собственное жилье, и мы владеем им только два последних года. Когда мы покупали его, удалось получить лишь минимальную скидку, и если продавать его сейчас, дай Бог вернуть свои деньги, учитывая, что происходит на рынке недвижимости.

Мистер Хадли наклонился вперед и хмуро посмотрел на открытую папку на своем столе.

— А что думает... э-э... Луиза по поводу твоего решения?

— Честно говоря, сэр, она не очень верит, что я пройду через это. Провожая меня в аэропорт, она была уверена, что после нашего разговора здесь я передумаю. Но она надеется, что не передумаю. Долгие годы она вдохновляла меня и всегда была рядом, но не упускала случая напомнить, что, хотя выходила за меня замуж, чтобы делить вместе радости и горести, не вполне уверена, что последнее включает мое отсутствие за завтраком, обедом и ужином.

— У тебя двое сыновей, Марк?

— Два замечательных парня.

— И я так понимаю, ты намерен отправить их в колледж, когда придет время?

Я знал, что меня обрабатывает эксперт. Кроме того, я любил этого старика, и не было причин отгораживаться от него. Я просто кивнул.

Мистер Хадли несколько минут скреб подбородок.

— Должно быть, я что-то упустил, сынок. Тебе только тридцать шесть. У тебя впереди еще как минимум столько же лет, и большая их часть может быть весьма продуктивной. Кроме того, я знаю, ты —

рациональный и здравомыслящий человек. Это-то и сбивает меня с толку. Все, что у тебя сейчас есть, едва покрывает расходы твоей семьи всего на пару лет, если вы все четверо затяните пояса. Много лет “Сокровищница” была твоей жизнью и карьерой и неплохо платила тебе. На что ты собираешься содержать семью? Что именно ты планируешь делать остаток своей жизни?

Я колебался. Скажи я о своих планах, это, без сомнения, вызовет взрыв хохота у всех троих. Мистер Хадли ложно истолковал мое молчание и, похоже, решил, что наступил идеальный момент, чтобы пустить в ход орудия главного калибра. Он поднялся, обошел стол и положил руку на мое плечо.

— Марк, Сэм Ларсон, ты знаешь, хворает уже некоторое время. Сейчас он попросил отпустить его на пенсию, и мы согласились. Я предлагаю тебе его пост вице-президента по продажам с удвоением твоего текущего оклада и премиальных. Можешь приступить к работе немедленно. Конечно, тебе придется перевезти свою любимую семью в Чикаго и смириться с перспективой ежедневного общения со мной, но, полагаю, мы оба сможем пережить это. Пойми, пожалуйста, это не внезапное решение с нашей стороны. Мы уже давно осведомлены о здоровье Сэма, и твое перемещение на его место обсуждалось на двух заседаниях правления. Твое уведомление об отставке лишь заставило нас немного поспешить с решением. Что ты на это скажешь?

Что я мог сказать? Я был ошеломлен. С того дня, когда я, еще начинающий агент, продал свой первый страховой полис, это было моей целью: справиться, казалось бы, с непреодолимыми трудностями и взобраться на эту вершину. Власть, деньги, которые я не смогу полностью потратить, плюс прямая дорога к тому, чтобы однажды возглавить самую богатую и процветающую страховую компанию в мире. Моррис и Вилбур одновременно заулыбались и закивали, подавшись вперед в предвкушении.

— Вот так, Марк, — продолжил мистер Хадли, похлопывая меня по плечу. — Тебе не обязательно объявлять о своем решении сейчас. Уверен, ты захочешь обдумать и поговорить с Луизой...

Он остановился, потому что я покачал головой.

— Мне незачем говорить с Луизой, сэр. В аэропорту она сказала мне, что согласится с любым моим решением, даже если я передумаю. Но я не передумаю, мистер Хадли. Я очень благодарен за ваше предложение. Это большая честь для меня, но я вынужден отказаться.

Старик поспешно убрал руку с моего плеча и вернулся в свое кресло. Моррис и Вилбур разглядывали свои ботинки. Мистер Хадли застучал карандашом по большой мраморной пепельнице. Его глаза остановились на серебряной рамке на углу его стола — старая, пожелтевшая фотография его самого, покойной миссис Хадли и их чет-

верых детей.

Наконец он тихо произнес:

— Ну, в таком случае я не смогу поставить тебе высшую оценку за здравый смысл; тем не менее я восхищен твоей смелостью. Но скажи мне, ведь ты до сих пор не ответил, чем ты собираешься заняться в это свое свободное время? Как ты собираешься обеспечить тех, кто зависит от тебя? Чем ты намерен заполнить остаток своей жизни?

Ни один из троих не засмеялся, когда я сказал им. Нет, они выглядели так, будто я объявил, что планирую поутру спрыгнуть с вершины небоскреба имени Джона Хэнкока⁶.

Моя декларация независимости была коротка. Собрав всю свою браваду, я объявил:

— Я собираюсь стать писателем!

Глава третья

После того болезненного прощания в библиотеке мистера Хадли мы с Луизой сделали еще один смелый шаг, после которого даже ближайшие друзья и родственники не сомневались, что у нас не все дома.

Мы купили маяк!

Проводив Тодда и Глена в школу, мы с Луизой сидели за второй чашкой кофе, когда зазвонил телефон. На линии был Боб Бойнтон, менеджер филиала “Сокровищницы” в Кине, штат Нью-Гемпшир. Мы с Бобом сдружились за последние пять лет, хотя он был старше меня и по возрасту, и по опыту на рынке лет на двадцать. Больше всего мне нравилось в Бобе то, что он, называя меня боссом, никогда не допускал отеческой нотки в голосе, несмотря на мою относительно молодость. Он всегда вел свой корабль твердым курсом, и его филиал год за годом оставался среди лучших в нашем отделении.

— Марк, что-то я соскучился по тебе, — проговорил грубоватый голос.

— И я соскучился по тебе. Боб. Как дела?

— Просто превосходно. Похоже, этот год будет для нас рекордным.

— Ничего другого я и не ожидал от тебя.

— Марк, вы с Луизой все еще охотитесь за домом?

— Еще как! Назови любой городишко на севере Новой Англии, и я гарантирую, что мы побывали там в последние три месяца. Кля-

⁶ Хэнкок, Джон (1737—1793) — один из лидеров Американской революции; его подпись стоит первой под Декларацией независимости (1776). Небоскреб имени Джона Хэнкока (John Hancock Building) — высочайший жилой дом (100 этажей) в Чикаго, шт. Иллинойс.

нусь, мы проехали десять тысяч миль, но до сих пор не нашли то, что хотим, за цену, которую можем предложить. Ты знаешь Луизу. Она продолжает повторять: как только мы увидим предназначенный нам дом, сразу это поймем.

— Вы уже продали тот свой дом?

— Мы не только продали его; мы оформили все бумаги. К нашему счастью, покупатель — управленец в Ай-би-эм, которого перевели из Далласа, — не приедет сюда до первого февраля. Но через три месяца нам придется выметаться. Пока мы платим ему ренту, но уже недалеко время паники.

— Ну, тогда можешь расслабиться, старина, потому что я нашел твой следующий дом. Отсюда миль пятьдесят, между городком Джеффри и Джеффри-центром. Как только вы с Луизой увидите его, сразу поймете, что поискам пришел конец.

— Ты, смотри, подрабатываешь еще и толкачом недвижимости.

— Ты шутишь! Когда? От полуночи до рассвета? Тебе знакомо имя Джошуа Кройдон?

— Имя я слышал, Боб, но не припомню где.

— Ну, Марк, Джошуа Кройдон был блестящим натуралистом, а его детские книжки о естествоиспытателях просто великолепны.

— Конечно. Думаю, у Тодда есть некоторые из них. Но какое отношение имеет Джошуа Кройдон к...

— Джошуа, Кройдон умер шесть недель назад. Ему было семьдесят девять. Кроме того, у него был полис “Сокровищницы”, и я вчера отправился в окрестности Джеффри помочь его вдове заполнить извещение о смерти. Их дом стоит на вершине высокого холма, в четверти мили от сто двадцать четвертого шоссе. К дому прилегают три акра⁷ земли, на одном из которых мистер Кройдон развел огород. И овощи, и цветы. Плюс небольшая лужайка. Остальная часть холма заросла кленами и высокими соснами. Дому не меньше семидесяти лет, и он построен старым капитаном-китобоем, который некогда плавал из порта Бат, штат Мэн.

Семь комнат. Четыре очага. Оригинальные панели и деревянная отделка внутри. Дом полностью отремонтирован Кройдонами шесть лет назад. Новые полы и крыша. Есть еще большой сарай, который они использовали как гараж. Миссис Кройдон сказала мне, что собирается выставить всю усадьбу на аукцион. В ее возрасте она уже не может справляться одна. Я сказал ей, что, думаю, знаю покупателя, и она обещала подождать со звонком в агентство недвижимости, пока я не вернусь.

— Сколько? Она сказала?

⁷ 1 акр = 0,4 га.

— Девяносто пять тысяч. И дом стоит этих денег до последнего цента, даже на сегодняшнем застойном рынке. Но это еще не все. Изюминку я приберег напоследок.

— Как каждый хороший торговец.

— Нет, нет! Подожди и дослушай. Марк, ты всерьез объявил на той прощальной вечеринке, которую мы устраивали для тебя у Статлера, что собираешься стать писателем?

— Серьезней некуда.

— Ну, тогда слушай. В имении Кройдонов, в тридцати ярдах⁸ от дома стоит маяк!

— Что?

— Маяк, футов сорока — пятидесяти высотой.

— Боб, Атлантический океан в шестидесяти милях от Джеффри. Что, ради Бога, делает маяк на юго-западе Нью-Гемпшира?

— В самую точку. Миссис Кройдон сказала, что строитель, тот старый капитан, очевидно, хотел возвести монумент в честь его славных дней на старых шхунах. Таким образом, отойдя от дел, он выстроил себе маяк. Но, Марк, слушай дальше. Когда в дом въехали Кройдоны, Джошуа Кройдон не пожалел средств, чтобы превратить маяк в свою писательскую студию. Ты бы только взглянул! Все помещение до самого верха башни обшито сосновыми досками, а по центру поднимается кованая винтовая лестница. По всем стенам идут книжные полки, и до каждой можно достать со стремянки на рельсе. Там разместятся все твои книги!

— Так хорошо, что верится с...

— Позволь закончить мой рекламный спич. Как я уже сказал, дом стоит на холме. Если забраться по внутренней лестнице на вершину маяка, то там найдешь полностью застекленную комнатку с креслами и столиком вместо фонарей и линз, которые показывают курс заблудившимся судам. Встань в своем миниатюрном раю, и ты увидишь всего в шести милях гору Монаднок⁹. Даже у тебя дух захватит. А в ясные дни можно видеть высочайшие пики в Массачусетсе и Вермонте. На маяке есть даже собственный камин и котельная. Ты можешь писать там всю зиму, как это делал мистер Кройдон. Марк, как только вдохнешь этот сосновый дух и почувствуешь мир и спокойствие вокруг тебя, гарантирую, рука сама потянется за чековой книжкой! Ради себя самого, ради Луизы и детей ты просто обязан взглянуть на эту жемчужину.

Мы взглянули на него все четверо и влюбились с первого взгляда. Мы обменяли два наших автомобиля на полноприводной джип и приехали в наш новый дом в начале января в сопровождении двух

⁸ 1 ярд = 3 фута = 0,91 м.

⁹ Высочайшая вершина новоанглийского нагорья (965 м); с вершины видны все шесть штатов Новой Англии.

грузовиков, один из которых был наполнен сотней коробок моих книг. Перед домом стоял фургончик, и, подъехав ближе, я увидел рядом с машиной миссис Кройдон и ещё одну женщину. Миссис Кройдон представила свою дочь, которая приехала помочь ей собрать последние вещи и отвезти пожилую леди в ее новое жилище, в небольшую квартиру неподалеку от дома дочери в Нашуа.

Миссис Кройдон казалась еще более миниатюрной и хрупкой, чем во время нашей последней встречи в банке, ее голос часто срывался, когда она начинала говорить. Она грустно улыбнулась и сказала:

— Мы просто подумали, что следует немного подождать, потому что вы, как будто, обещали приехать до полудня. Почему-то мне показалось неправильным просто оставить ключи в почтовом ящике. Лучше, если я лично отдам их в ваши руки, мистер Кристофер, и пожелаю вам, вашей леди и вашим очаровательным детям найти здесь столько счастья, сколько выпало нам с Джошуа за тридцать лет.

Ее рука дрожала, когда она передала мне ключи. Затем она повернулась лицом к дому, и ее узкие плечи заметно вздрогнули. Она покачала головой.

— Нет больше Джошуа, некому было повесить рождественскую гирлянду на дверь. Я не знаю. Я просто не знаю. Как найти силы сказать “прощай” тысячам счастливых воспоминаний?

Она повернулась и обняла Луизу, которая едва сдерживала слезы.

— Миссис Кристофер, пожалуйста, послушайте старуху. Годы уходят так быстро. Радуйтесь каждому из них, радуйтесь каждому дню и молитесь своему счастью. Не рассчитывайте, что оно дано навсегда. И умоляю вас, заботьтесь о нашем доме.

— Обязательно, миссис Кройдон. — Луиза всхлипнула. — Мы обещаем.

Пожилая леди взглянула на пелену черных туч, которые нависли, казалось, в нескольких ярдах над вершиной холма.

— Мы выезжаем не слишком рано. Чувствую, пойдет снег. Ох! Едва не забыла! Пойдемте со мной, мистер Кристофер. Это не займет много времени.

Она схватила меня за руку и повела к сараю. Когда мы вошли через открытые ворота в мглистую тень, она указала в темный угол.

— Там вы найдете снегоочиститель, который совсем не помещает здесь. Мы купили его всего два года назад, и теперь он ваш. Кроме того, бывает трудно расчистить нашу длинную дорожку от дома до сто двадцать четвертого шоссе. Рекомендую позвать одного джентльмена из Джеффри по имени Билл Ланг. Его номер записан в телефонной книге. Он добрый и честный. Вы можете попросить его убирать снег, когда потребуется, — а это, поверьте мне, потребуется.

Я поблагодарил ее. Она снова взяла меня за руку.

— А сейчас пойдете к маяку, всего на минутку.

Дверь маяка была не заперта. Она потянула за ручку и ввела меня внутрь. Звук наших шагов гулким эхом гулял меж сосновых стен и оголенных книжных полок. Коллекции мистера Кройдона уже не было. Вся остальная мебель и лампы тоже были вынесены. На гранитном полу оставался лишь огромный письменный стол из сосновых досок, на котором разместился древний “Ундервуд”.

Слабый голос миссис Кройдон резонировал внутри помещения.

— Я поняла, что вы писатель, мистер Кристофер.

— Надеюсь им стать.

— Это самое трудное и одинокое занятие. Тем не менее самые счастливые часы моего мужа, я уверена, прошли здесь, за этим столом и этой пишущей машинкой, в окружении его книг, в поисках единственного правильного слова, призванного описать юным читателям то, что, он верил, является истинным отношением между Богом, природой и человеком.

Она наклонилась над пишущей машинкой и нежно погладила истертые клавиши.

— Поздними вечерами, — вздохнула она, — когда Джошуа работал над книгой, я всегда приносила сюда горячий чай, прежде чем отправляться в постель. Он отвлекался лишь для того, чтобы поблагодарить меня и поцеловать на ночь. Выходя за дверь, я всегда говорила одну и ту же фразу: “Сломай себе ногу!” Давным-давно я играла на сцене, мистер Кристофер. Именно этими странными словами актерский люд желал друг другу удачи.

Я кивнул.

— Да, я знаю. А скажите мне, миссис Кройдон, что означают все эти монетки, приклеенные к пишущей машинке?

— Ах, да. — Ее лицо засветилось. — Каждый раз, когда Джошуа заканчивал книгу, он приклеивал монетку к своей машинке. Их должно быть четырнадцать. Он говорил, это его медные зарубки, каждая означает еще одну маленькую победу в его битве с невежеством и нетерпимостью.

— Я знаю, что полюбил бы его. Вы пришлете кого-нибудь за столом и пишущей машинкой?

— О, нет! Они принадлежат дому. Они — такая же часть этого райского уголка, как стеклянная башенка наверху. Позвольте мне поднести их в дар от меня и Джошуа. Возможно, оставаясь здесь, они благословят вас на такую же плодотворную работу и внутреннее удовлетворение, каким был награжден Джошуа.

Повинуясь чувству, я обнял ее, и она приникла ко мне. Я чувствовал, как дрожит ее сухонькое тело. Наконец она посмотрела мне в лицо, прикусила губу и прошептала:

— Сломай себе ногу, мистер Кристофер!

Глава четвертая

К началу марта мы обустроились совсем неплохо. Вскоре Тодд и Тлен совершенно точно узнали, сколько времени можно засиживаться за завтраком, чтобы потом сбежать с холма и успеть на желтый школьный автобус мистера Фланнери. И каждый день, проводив детей, мы с Луизой принимались за следующее из, казалось бы, бесконечной череды необходимых дел, всегда сопровождающих переезд.

Позже, когда Луиза начала ежедневные поездки в Кин в поисках новых занавесок и сотен других хозяйственных мелочей, которые для каждого мужчины возникают словно ниоткуда, я начал распаковывать мои коробки и расставлять книги по полкам в маяке. Когда все они наконец встали по местам на уходящих вверх кольцах полок по стенам башни, вид трех тысяч томов в разноцветных обложках впечатлял.

Нижние полки, до которых я мог дотянуться с грубого гранитного пола, я оставил для моих любимых и самых ценных книг — для книг об успехе и о том, как достичь его. За последние десять лет — спасибо хозяину антикварной лавки, которую я нашел на улице Бостонского маяка, — я смог собрать более 70 первых изданий, в том числе “Лекции для молодых мужчин” Генри Уорда Бичера, “Помоги себе сам” Сэмуэля Смайла, “Оборванец Дик” Хорэйшио Алджера, “Акры алмазов” Рассела Конвела, “Как завоевывать друзей” Дэйла Карнеги, “Как победить трудности жизни” Александра Энтони и “Энергия позитивного мышления” Нормана Винсента Пила.

Задолго до того как опустела последняя коробка, я начал работу над моей книгой, счастливо отгородившись от внешнего мира благоухающими смолой сосновыми стенами моего маяка и тремя футами сугробов снаружи. За несколько дней я освоился с дребезжащим старым “Ундервудом” Джошуа Кройдона и начал выстреливать слова в достойном темпе — спасибо курсу машинописи, который я прошел по настоянию матери в старшем классе школы. Похоже, машинопись — один из тех навыков, которые, однажды приобретенные, остаются с вами навек, как езда на велосипеде или плавание.

Моя мать. Возможно, виной тому лишь воссоединение моих пальцев с клавишами после многих лет разлуки, но воспоминания о матери и о моей юности снова и снова вторгались в мои мысли, отвлекали внимание в те первые дни одинокого писательства.

Веснушчатая ирландка с темно-рыжими волосами и зелеными глазами, мать с самого детства убеждала меня, что однажды я стану писателем. “И не просто писателем, — с огромным энтузиазмом приговаривала она, — а великим писателем!” Как и когда зародилась у нее эта фанатичная идея о судьбе единственного сына, я никогда не спрашивал, но во всем поддерживал. И не только ради ее удовольствия, но и потому, что о радостью слушал ее яркие описания той

замечательной жизни, которая ждет меня, знаменитого автора. Она заставляла меня читать Киплинга и Эмерсона, пока мои одноклассники воевали с детскими стишками;

ради ее и собственного удовольствия я писал короткие рассказы с развязками в стиле О'Генри — задолго до того, как моим одноклассникам пришлось корпеть над первым школьным сочинением.

Между тем за время последнего школьного года наши планы начали осуществляться. Я подал заявление и был принят в университет штата Миссури, поскольку мы с матерью, изучив программы сотни колледжей, согласились, что именно в этом университете наилучшая школа журналистики в стране. Мой отец — хвала ему — всегда сидел тихо и с искрой гордости в глазах смотрел и слушал, как мы двое болтаем о моем будущем.

А затем, через шесть недель после моего окончания школы, бравое сердце матери перестало биться. Без предупреждения. Вот она готовит мне сэндвич с тунцом и салатом — и мгновение спустя лежит мертвая у моих ног. Без слова прощания. Молча.

Нашу мечту похоронили вместе с ней. Не в силах справиться с ударом судьбы и вопреки слезным мольбам моего отца, я отбросил все мечты о колледже и писательской карьере и вступил на ниву торговли, на которой и процветал, пока двое мальчишек в пижамах не принесли свои поздравительные открытки и не помогли мне заново оценить свою жизнь.

Писательство, я убежден, наименее привлекательная из всех творческих профессий. Лишь крошечная часть населения лепит скульптуры, рисует или сочиняет музыку, но пишет каждый — будь то письмо, приглашение в гости, список покупок или даже просто подпись на чеке. Поэтому не нужно долго искать человека с воспаленным самолюбием и верой, что он или она — при достатке времени и желания — произведет на свет приемлемую книгу или статью.

По умеренным оценкам, в любой из дней или ночей около полу-миллиона людей только в Соединенных Штатах заняты написанием собственной книги. Более сорока тысяч новых книг действительно публикуются каждый год, но грустная правда в том, что лишь горстка из них находит достаточно читателей, чтобы окупить расходы и издателя, и автора. Является ли писательство легкой дорогой к славе и успеху? Вряд ли. Недавний опрос, проведенный писательским фондом, выявил, что доходы большей доли публикующихся авторов не превышают пяти тысяч долларов в год!

К счастью, изо дня в день работая за старым “Ундервудом” Джошуа Кройдона, я не знал этой удручающей статистики. Я знал, что хочу писать, и взялся за дело со всей своей энергией. Моя -предпосылка была проста. Я верил — и верю сейчас — в то, что впечатляющий рост богатства нашей нации в первые полтора века ее существования в немалой степени обязан решимости и руководству уни-

кальной группы личностей, которые в своих книгах и лекциях проповедовали идею успеха и учили, как достигнуть его. Из поколения в поколение каждый ребенок в школе и дома узнавал об Американской мечте — узнавал благодаря книгам Коттона Мэзера (1663— 1728), Бенджамина Франклина (1706— 1790), Элберта Хаббарда (1856— 1915), Рассела Конвела (1843—1925), Хорэйшио Алджера (1832— 1899), Наполеона Хилла и многих других.

Во второй половине этого века многое изменилось. К худшему. Мы стали жиреть и благодушествовать, голоса прежних апостолов успеха стали не слышнее гласа вопиющего в пустыне и утонули в неумолчном хоре крикливых барышников, торгующих вразнос книгами, кассетами и курсами, которые “гарантированно” принесут вам неисчислимые богатства и посадят в кресло генерального директора, в следующем месяце или раньше. Подобно безумным диетам, эти быстрые и легкие решения любой проблемы, эти “патентованные средства” вскоре тонут в заслуженном забвении, как только люди пытаются с их помощью достигнуть желаемого.

В своей книге я намеревался возродить старые, забытые принципы успеха, технику его достижения — все то, что прекрасно помогало прежним поколениям и было столь эффективно для меня. Собранный из бережно сохраненных Луизой набросков к моим речам на совещаниях и цитат из истинных мастеров успеха, украшавших полки моей библиотеки в маяке, книга медленно и болезненно начинала приобретать осмысленную форму и направление. Я тщательно подготовил подробный план, охватывающий все конечные законы успеха, которые хотел включить в книгу, и выделил по главе для каждого. Каждая глава была написана, отредактирована, переписана много раз, страница за страницей, фраза за фразой, часто слово за словом. Мучительный труд. Мысли и идеи, столь ясные в моей голове, часто казались путанными или бессмысленными на бумаге. Переписать. Еще раз. И еще. Я не признавал компромиссов. Каждая глава должна быть достаточно сильной, обоснованной, поучительной и, сверх всего, увлекательной. В мире уже достаточно тусклых книг об успехе и о том, как достичь его.

Работа над книгой, я быстро открыл, совсем не то, что подготовка речей. Когда любая из глав наконец вызвала у меня чувство удовлетворения, я не слышал аплодисментов, никто не похлопывал меня по спине, не было оваций, криков восторга, не было комплиментов за прекрасно сделанную работу. Какое одинокое занятие! Никакой отдачи или одобрения, вся мотивация должна исходить только изнутри и быть достаточно сильной, чтобы преодолеть ужасные сомнения в себе, неуверенность и даже страх, которые всегда стоят рядом. Я должен был толкать себя, должен был верить в собственный успех, потому что не мог отступить, потому что пути назад у меня не было. Ни Дж. Милтон Хадли, ни “Сокровищница” не тропятся взять

меня на руки и приласкать, если я оступлюсь. Будущее трех самых главных для меня людей зависит от меня больше, чем когда-либо. Я ползком продвигался вперед, глава за главой, неделя за неделей, месяц за месяцем. Рабочее название моей книги не было ни намеренно привлекательным, ни гарантирующим коммерческий успех. Я назвал книгу просто:

“Лучший способ жить”.

Несмотря на ежедневную работу в маяке, я никогда не позволял себе забывать главную причину, не забывал, что я отошел от корпоративных крысиных бегов, чтобы быть со своей семьей и вдыхать аромат роз. Мы вместе культивировали огород Джошуа Кройдона и радовались появлению каждого ростка не меньше, чем радовались бы фонтану нефти на нашем холме. Помню, когда созрел наш первый помидор, я внес его в дом, словно бриллиант. Из каждого огурца и листа латука получался салат, вкуснее которого мы ничего не ели. Кроме того, я добровольно тренировал детскую бейсбольную команду Тодда.

По выходным, а нередко и ранним вечером, когда мальчики возвращались из школы, я оставлял свою пишущую машинку, и мы четверо, вооружившись дорожными картами, усаживались в наш джип и отправлялись на поиски нового чуда среди бесчисленных чудес Нью-Гемпшира. Какие драгоценные воспоминания!

Мы купались в океане на мысе Хамптон-Бич, брали напрокат лодку и катались под парусом по озеру Санапи, наблюдали за скачками и ели конфеты из хлопкового семени на ярмарке в Хопкинстоне, забирались в вагончике канатной дороги на вершину Вашингтона¹⁰, бросали монетки в колодец желаний в Санта-Виллидж, глазели на воспетое Готорном и увенчанное снегом “Великое каменное лицо”¹¹, катались на пароме вокруг островов на озере Уиннипесоки, опускались на колени перед огромным каменным алтарем Собора страждущих¹². Ради счастья семьи, мудрый человек должен наслаждаться домашним раем.

Еще в начале своей торговой карьеры я узнал, что ставить цели без плана и лимита времени столь же бесполезно, как двигаться без цели. Я поставил целью закончить книгу за десять месяцев, определив себе по две недели на каждую из двадцати глав. Я промахнулся. Крупно. Последняя страница “Лучшего способа жить” была написана накануне Дня Благодарения 1978 года. Мне потребовалось целых двадцать месяцев! Затем пришел черед Луизы. Она проверила все

¹⁰ Гора Вашингтон, 1911 м.

¹¹ Скала “Старик” в Белых горах.

¹² Мемориал жертв Второй мировой войны в Ринджее.

¹³ Столица штата Нью-Гемпшир.

ошибки и опечатки и перепечатала все начисто в трех экземплярах.

Во время одной из поездок в Конкорд¹³ мы купили последнее издание “Писательского рынка”, увесистый каталог, содержащий список всех американских издателей, имена главных редакторов и тематику книг, которые они публикуют.

Многие часы мы провели за обсуждением, кому из множества издателей отдать предпочтение, и в конце концов остановились на ведущем нью-йоркском издательском доме, вспомнив их недавний успех с изданием нескольких книг о принципах мотивации и помощи самому себе.

Я прекрасно помню то особенное утро, когда Луиза вручила мне аккуратно упакованный манускрипт, чтобы я отнес его на почту. Она поцеловала меня и сказала:

— Джошуа Кройдон гордился бы тем, как ты использовал его старую пишущую машинку.

Глава пятая

Мой энтузиазм и гордость по поводу окончания книги вскоре сменились ужасающим ощущением опустошенности, намного более тяжким, чем муки расставания с “Сокровищницей”. Все мы люди привычки, и работа над “Лучшим способом жить” стала такой неотъемлемой частью моей жизни, что я не знал, чем заполнить дни ожидания вердикта издательского совета с Пятой авеню.

Однажды утром, расхаживая по маяку, я пытался занять свои мысли развешиванием многочисленных семейных фотографий вокруг камина, когда Луиза вернула меня к реальности.

— Ну, муженек, — объявила она, — отложи свой молоток. У нас есть животрепещущие дела, которые не могут больше ждать.

— Я готов. Что угодно! Что угодно! Все, что ты пожелаешь.

— Ну... для начала рождественскую елку.

— О Боже, я был так поглощен книгой, что...

Она взяла меня за руку и повела к дивану. Когда мы сели, она опустила руку в карман фартука, извлекла сложенные листки бумаги и вручила их мне.

— Что это?

— Это, моя любовь, “списки желаний” наших сыновей. Если за долгие месяцы писательства ты несколько отупел, напомню, что каждый год они, ради нашего удобства, снабжают нас перечнем предметов, которые хотели бы получить в подарок на Рождество, а мы, по этим листкам, решаем, что купить каждому из них.

— Я готов. Куда едем за покупками?

— Ты лучше посмотри на списки, — уныло проговорила она.

На первом листке было написано “Глен”, ниже — только один пункт печатными буквами: пластинка Bee Gees, Лихорадка субботней ночи. На другом листке под именем Тодда тоже была только одна

просьба: новые бейсбольные перчатки.

Я покачал головой. — Ничего не понимаю. Эти двое всегда умудрялись перечислить две дюжины предметов, которые хотели бы получить, и хотя их желания этим не исчерпывались, нам было куда легче.

Луиза неотрывно смотрела на свои руки.

— Луиза?

Мне пришлось податься вперед, чтобы услышать ее.

— Думаю, парни понимают, что в этом году мы не сможем подарить им больше чем по одному предмету.

С трудом сдерживая слезы, она сжала мои руки.

— Я урезала их карманные расходы несколько месяцев назад и начала заворачивать им бутерброды, а не давать деньги на ланч. Кроме того, я стала жадной.

Я застонал, внезапно почувствовав себя ужасно глупым, неосмотрительным и беспомощным.

— Почему же ты не сказала мне раньше, милая? Я знал, что мы стеснены в средствах, но был так поглощен книгой, что держал это на задворках памяти.

— Потому-то я и не говорила тебе, Марк. Не хотела тревожить, пока ты писал. Тебе хватало забот. И не забывай, я всегда была единственным казначеем в этой семье с самого первого дня. Помнишь, в первые годы мы усаживались за кухонным столом и решали, какие счета оплатить, а какие подождут до твоей следующей зарплаты? Потом, когда ты получил повышение и твои доходы выросли, такие встречи стали реже и реже, пока необходимость в них не отпала. Многие годы мы просто оплачивали счета по мере поступления, и это позволяло тебе концентрироваться на твоей работе. Трудно отказаться от такой привычки, а я — леди гордая.

Я вздохнул.

— Ну, ладно, казначей, ты несла ношу достаточно долго. Дай понести и мне.

— У нас на счету и в копилке осталось чуть больше четырех тысяч долларов. Ровно столько, чтобы заплатить по закладной, за коммунальные услуги и купить продуктов на три месяца, если слегка ужаться.

— А как же рождественские подарки?

Она прижалась лицом к моему плечу.

— Не знаю, милый. Мы просто не можем предложить...

Я погладил ее волосы, стараясь найти нужные слова.

— Луиза, за последние два года я не заработал гор золотых. Мы делали все так, как договорились... и книга написана. Нам остается только положиться на веру, на ту самую веру, которая помогала нам справиться с любой проблемой и победить. Послушай меня. Мы сейчас вместе поедем за подарками для детей, как делали это обычно.

Ты примерно представляешь, что они хотят, кроме этой проклятой пластинки и бейсбольных перчаток?

— Им нужна одежда, Марк. Отчаянно нужна. Ты знаешь, как мальчишки вырастают из рубашек, штанов и ботинок, а я уже не помню, когда покупала им хоть что-то. Они начали выглядеть как пара всеми забытых сирот.

— О'кей, садимся в машину и отправляемся за покупками как всегда.

— Нет, Марк, — воскликнула она, качая головой. — Не как всегда! Мы не можем.

— Прекрасно, установим лимит. Сотня долларов на каждого ребенка, и со всей торжественностью поклянемся не тратить больше пятидесяти друг на друга. Идет?

— Идет, — согласилась она, не слишком весело улыбнувшись.

— Одно условие.

— Что еще?

— Ты сама упакуешь все подарки. Мы объявили маяк запретной зоной для наших сыновей, и он сделался складом подарков, которые мы с Луизой покупали в течение двух следующих недель. Мы делали покупки в Кине и Питерборо, а однажды даже произвели вылазку в Бостон, чтобы порыться в развалах в подвале нашего любимого универмага “Джордан Марч”. Ликующая толпа, трубные звуки рождественских гимнов, смех, сияющие лица детворы, церковные хоры на улицах — все это было лучшим лекарством от нашей грусти. Омрачали радость лишь болезненные решения, которые нам с Луизой приходилось принимать — обычно в шумных, переполненных ресторанах, — как поделить поровну наши ограниченные ресурсы между двумя мальчиками.

В последнюю субботу перед Рождеством я, по его просьбе, повез Тодда в Кип на встречу с Санта-Клаусом. Никогда не забуду то выражение любопытства и благоговейного ужаса на маленьком личике, когда он напряженно сидел на колене Санта-Клауса и запинаясь повторял, что весь год был хорошим мальчиком. Но самое незабываемое случилось потом. Когда мы выходили из магазина, он внезапно отпустил мою руку и побежал к витрине, где разместился самый большой плюшевый медведь, какого я когда-либо видел.

— Папочка, — закричал он, показывая пальцем. — Можно, я подарю его маме на Рождество?

— Маме? Медведя?

— Пожалуйста, папочка. Мама говорила мне, что у нее был медвежонок, когда она была маленькой девочкой, но у него оторвалась лапа, и он умер. Она долго плакала, она сама говорила. А сейчас она могла бы поиграть с новым другом. Пожалуйста! Я заплачу, когда вернемся домой. У меня в свинье-копилке есть денежки.

В кошельке у меня было только двенадцать долларов. Секунда

на раздумье. Поступая вразрез со строгим эдиктом моего казначея, я оплатил огромное животное кредитной карточкой, и нам, двум контрабандистам, чудом удалось спрятать огромный пластиковый мешок с незаконным медведем в сарае, не попавшись на глаза Луизе.

В сочельник, сразу после раннего ужина Луиза, попросив прощения и вооружившись двумя сумками оберточной бумаги и лент, удалилась в маяк для ежегодного ритуала упаковки подарков.

Оба мальчика еще днем повесили свои носки рядом с очагом в гостиной, и хотя Глен давно потерял драгоценную в своей невинности веру в святого Николая¹⁴, он ничего не делал, чтобы развеять доверие своего младшего брата. Когда мальчики ушли спать, я поднялся в нашу спальню, извлек из-под одежды в шкафу подарки для Луизы и беспомощно попытался их завернуть, как всегда провалив это простое задание. С ее подарками в руках я пересек холл и заглянул в комнату Глена. Кровать была пуста! Потом я вспомнил традицию, которую они завели, когда Тодду было только три. В рождественскую ночь они спят вместе, в постели Тодда.

Я прошел к комнате Тодда, осторожно открыл дверь и ступил внутрь. Как давно я не видел эти два личика в мягком полумраке спальни. Из радио на кухне чуть слышно лились звуки рождественского гимна. Внезапно, даже не понимая, что делаю, я рухнул на колени. Безмолвно я начал повторять Отче наш и в молитве вспоминал другого Младенца, который впервые спал этой ночью почти две тысячи лет назад. Ему не было так тепло, как двум моим мальчикам. Его колыбель была не так удобна, и Его бедные отец и мать были одиноки и напуганы в незнакомой деревне.

Тем не менее я сознавал, глядя на двух своих сыновей, что не стоял бы на коленях в эту особенную ночь, что меня не наполняли бы мысли о любви и благодарности за Божье благословение, если бы не родился тот Младенец... и я не мог не задуматься, что думал Его отец, глядя на Его спящее личико. Наконец я наклонился над кроватью и поцеловал Тодда и Глена. Потом спустился в гостиную и положил меньшую из упаковок для Луизы под елку и понес вторую в маяк. Падал легкий снежок, когда я вышел во двор.

Луиза была именно там, где я ожидал найти ее, — сидела на полу в окружении оберточной бумаги всех цветов и размеров. Она деловито резала ленты и мастерски завязывала банты на красиво упакованных подарках.

— Можно ли войти?

— Входи, входи, Санта-Клаус, твои подарки, какие есть, уже упакованы. И раз уж стоишь, не подбросишь ли еще полено в камин? Я сделал, как сказано, затем опустился рядом с ней.

— Мальчики крепко спят.

¹⁴ Санта-Клаус.

— Хорошо. Я почти закончила, — с гордостью произнесла она.
— Это что-то новое. Обычно ты занималась этим до трех или четырех утра.

Она усмехнулась.

— При двухсотдолларовом лимите в этом году мой артистический талант потребовался для значительно меньшего числа упаковок.

— Веселого Рождества, — сказал я, вручая подарок, который принес из дома. Она прилегла на мои колени, потом аккуратно сняла зеленую оберточную бумагу.

— Книга? — Она перелистала страницы. Все они были пустыми. — Чистая книга?

— Не совсем. Ты найдешь посвящение на первой странице.

Она открыла книгу и молча прочитала слова. Потом произнесла их вслух:

— Моей возлюбленной леди. Хотя в этой книге не напечатано ни слова, я обещаю, что в следующий раз поставлю автограф для тебя на книге, наполненной моими лучшими мыслями и моей любовью. Марк.

Она положила руки на мои плечи и отклонилась назад.

— Спасибо, милый. Я так тебя люблю и горжусь, что я — твоя жена. И не бойся разочаровать нас. Этого не случится. Ты знаешь, Марк, сидя здесь, среди твоих книг, я внезапно придумала прекрасное название для этого замечательного маяка.

— Название?

— Конечно. Почему нет? Если бы Ирвинг Уоллес или Уильям Бакли владели этим уникальным сооружением, они непременно прибили бы к входной двери большую медную табличку с названием.

— Понятно. Пусть я не продал еще ни слова, ты уже сравниваешь меня с Уоллесом и Бакли?

Она оттолкнула меня и вскочила на ноги.

— Так ты хочешь услышать название или нет?

— Давай!

Луиза прошла вдоль полок с моими любимыми первыми изданиями книг об успехе и провела пальцем по корешкам. Затем подняла обе руки над головой, указывая на ряды полок, и провозгласила:

— Отныне и присно, мистер Кристофер, этот маяк будет известен как Башня Успеха! И за этими стенами, уже наполненными знаниями и мудростью, ты продолжишь творить фразы, столь могущественные, что они станут маяками, освещающими путь для всего мира. Обещаю тебе!

Она достала из маленького холодильника бутылку “Шабли”, и мы выпили. Маяк был официально окрещен.

— Остается только надеяться, — вздохнул я под звон бокалов, — что мне достанется хотя бы десятая доля успеха моего предшественника. Знаешь, иногда, когда свистит ветер и поскрипывает эта

винтовая лестница, я готов поклясться, что вижу Джошуа Кройдона, пришедшего предъявить права на свой маяк.

— Да, кстати, я вспомнила. Не двигайся!

Луиза подбежала к старому письменному столу и вернулась со свертком, упакованным в золотую фольгу.

— Веселого Рождества, писатель! Я несколько минут взвешивал сверток в руках, прежде чем разорвать упаковку. Еще одна книга. Но не с чистыми листами, а старая, зачитанная. “Знакомые цитаты” Бартлета. Луиза внимательно следила за моим лицом, когда я открыл толстый том на титульном листе и застонал. Зелеными чернилами было выведено посвящение:

Джошуа Кройдону, 1947.

— Где ты достала это?

— Нашла в этом старом столе, на второй день после переезда. Миссис Кройдон оставила тебе письменный стол и машинку, и я уверена, она знала, что эта книга лежит в одном из ящиков, и хотела подарить ее тебе. Я прятала ее в моем гардеробе почти два года. Думаю, это самый подходящий подарок на первое Рождество после окончания твоей книги.

— Это же настоящее сокровище, — сказал я, поглаживая потертую обложку.

— Но это еще не все. Видишь эту закладку? Она была в книге на той же самой странице. Открой и посмотри.

Страница 926. Теми же зелеными чернилами, что и посвящение, обведена цитата из стихотворения Джеймса Элроя Флекера, британского поэта начала века, как я узнал позже.

Луиза взяла книгу из моих рук. Ее голос был чуть громче шепота.

— Хочешь услышать слова, которые обвел мистер Кройдон? Я кивнул.

— Тогда закрой глаза. Я подчинился. Потом подождал, как показалось, несколько минут.

— Ты готов? — спросила она. Ее голос эхом разносился по всему маяку. Я открыл глаза. Луиза стояла, опираясь на перила винтовой лестницы почти у вершины башни!

— Зачем ты туда забралась? — воскликнул я.

— Просто закрой глаза и слушай, тогда узнаешь зачем!

Я закрыл глаза и услышал...

Пускай смотреть в лицо удел не дан
и руку не дано тебе пожать,
но душу шлю сквозь времени туман —
ты мой привет не можешь не понять.

Глава шестая

Луиза и мальчики спят. Я сижу здесь, в маяке, разглядываю клавиши пишущей машинки. За этим занятием прошел почти весь день. Последующие дни были наполнены такой сердечной болью и горечью, что о них больно даже вспоминать, не то что описывать на бумаге. Но я обязан. Время уходит.

Наш почтовый ящик установлен у подножия холма, но однажды утром в конце февраля мистер Слаттери подъехал на своем почтовом фургончике по заснеженной дорожке прямо к дому и вручил мне объемистую бандероль в пеньковом мешке, с глубоким сожалением проинформировав, что за доставку с меня четыре доллара и шестьдесят четыре цента.

Я уплатил, отнес сверток на кухню и открыл. Луиза молча наблюдала. Официальное письмо от издателей было кратко. Они благодарили за предоставленную возможность рассмотреть мою книгу, но сожалели, что она не соответствует их текущим издательским планам.

Время обычно притуляет воспоминания о самых грустных моментах жизни, но я до сих пор очень живо помню, как ужасно засосало под ложечкой, когда я внезапно столкнулся с ошеломляющим фактом: “Лучший способ жить” отвергнут.

Луиза присоединилась ко мне за кухонным столом, но отмахнулась от отказного письма, не читая его. Ее больше тревожило жалкое состояние рукописи, которую она так старательно готовила.

— Марк, только посмотри на эти страницы. Почти все измяты или загнуты.

— Думаю, в этом наша вина, милая. Мы забыли вложить плотный конверт с обратным адресом и оплаченной доставкой. Наверное, нам нужно еще сказать спасибо за то, что они вообще потрудились послать нам рукопись.

— Нет проблем. Я перепечатаю заново. У нас есть еще второй и третий экземпляры, но я где-то читала, что издатели предпочитают читать оригиналы. И не нужно выглядеть таким несчастным. Просто Бог испытывает нас. Один отказ еще ничего не значит. Знаешь ли ты, что “Чайка по имени Джонатан Ливингстон”¹⁵ отвергалась двадцать раз, прежде чем была напечатана?

Всего пять дней спустя я отнес на почту свежеставленный экземпляр книги и отправил его следующему издателю из составленного нами списка. На этот раз мы вложили плотный конверт с обратным адресом и наклеенными марками. А тем же вечером после ужина я объявил, что нашел новую работу и начинаю завтра, с утра пораньше.

¹⁵ Известная повесть-притча Ричарда Баха.

— Где, папа? — в унисон спросили Тодд и Глен.

— Я собираюсь поработать на лесопилке.

— И что делать?

— Я буду в бригаде, которая пропускает толстые сосновые бревна через пилу, которая пилит их на доски.

— Марк, ты не можешь! — воскликнула внезапно побледневшая Луиза.

— Могу. Я подал заявление еще до Рождества, а сегодня, отправив книгу, заехал, и они приняли меня. Год после школы я занимался практически такой же работой на, лесопилке в Бангоре. Со мной все будет в порядке.

— Но это же было двадцать лет назад! Ты совсем не в форме для такой тяжелой работы. Это, наверное, опасно!

— Первую пару недель будет тяжело, но я справлюсь. И это совсем не опасно... если все внимательны. На этой лесопилке много лет не было несчастных случаев.

— Марк...

— Луиза, это даст нам деньги хотя бы на хлеб, да и мне будет полезно. Я весь день буду на свежем воздухе, а когда продадим книгу, уволюсь. Договорились?

Я был готов сбежать через несколько часов. Таскать огромные бревна, многие из которых были двенадцати футов длиной и по два фута в диаметре, было истинной мукой. Мои мышцы даже не болели, они пылали, тогда как ноги промерзли насквозь. В марте в Джеффри холодновато, особенно в семь утра, когда начинался рабочий день. Конечно, раннее начало работы означало, что дома я буду в половине четвертого. Вполне достаточно времени на мальчишек, да только они, вернувшись из школы, находили меня спящим на диване в гостиной, пока Луиза не оживляла меня к ужину.

“Лучший способ жить” снова вернулся к нам в конце апреля. Столь же неутешительным было письмо из банка, информирующее, что наши платежи по закладной просрочены на месяц. После долгого и болезненного обсуждения с участием двух рыдающих мальчишек мы поместили объявление в местном еженедельнике и продали наш джип, наш ковер-самолет, который так часто катал нас по самым чудесным местам. На часть выручки мы купили старый пикап “шевроле”.

Когда книга была отвергнута третий раз, Луиза предложила свои услуги, чтобы спасти тонущий корабль. Она направила пикап в Кин и нашла работу. Официанткой. С пяти до полуночи, шесть вечеров в неделю. Сейчас мы вместе зарабатывали за месяц меньше, чем мое недельное жалованье в “Сокровищнице”. Совсем не об этом я мечтал, когда прощался с мистером Хадли в его библиотеке три года назад. Три года! Неужели прошло так много времени с тех пор, как я самоуверенно объявил ему, что лучше многих справлюсь с ненасть-

ем?

Четвертый издатель из нашего списка вернул рукопись в сентябре, тоже сопроводив ее лишь официальным письмом. Как мы все четверо подумали, книга, очевидно, даже не подвергалась достойной и конструктивной критике ни одним из издателей. Я решил походить за нее кое перед кем. Я отправил второй экземпляр “Лучшего способа жить” моему старому другу Адриану Крошо, антиквару с улицы Бостонского маяка, у которого покупал все мои нежно любимые первые издания. Мое сопроводительное письмо было кратко. Ради старой дружбы не будет ли он любезен пожертвовать временем, чтобы прочесть то, что я написал, и высказать свое мнение, не жалея пинков. Он ответил быстро, и в его драгоценном письме сообщалось, что книга вполне достойная, превосходно читаемая и определено такого качества, какое нечасто найдешь среди гор печатного мусора (его слова), претендующего на роль книг о помощи себе. Кроме того, он очень дипломатично напомнил, что мог бы найти покупателей на некоторые из первых изданий, которые продавал мне долгие годы.

В начале января, когда горы досок наполнили склад доверху, лесопилка встала на неопределенное время, которое, как нам сказали, продлится месяца три. Возвращаясь домой со своей последней зарплатой в кошельке и комом в горле, я остановился заправиться на бензоколонке Мака. Не дождавшись заправщика, я вышел из машины и сам включил насос, когда подбежал запыхавшийся Мак.

— Простите, мистер Кристофер.

— Где все ваши помощники?

— Вы что, смеетесь? Кто захочет сегодня работать на заправочной станции?

— Я захочу.

Мак был кудесник гаечного ключа и отвертки, и мы распределили обязанности соответственно. Он делал весь ремонт и регулировку, а я командовал насосом, менял колеса и выполнял прочие работы, какие нам попадались. Я занимал свой новый “пост” меньше недели, когда рано утром выбежал встречать зеленый “кадиллак”. И немедленно пожалел, что земля не разверзлась под ногами и не поглотила меня. Боб Бойнтон, менеджер филиала “Сокровищницы” в Кине, который нашел для нас имение Кройдонов, смотрел из-за руля, разинув рот.

— Марк, это ты?

— Привет, Боб, как дела?

— Что ты здесь делаешь? Как оказалось, что ты не на своем холме и не стучишь на своей машинке?

Что я мог сказать? Помню, пробормотал что-то, мол, первая книга закончена и ожидаю ответа от издателя.

— Великолепно! А это что такое? — спросил он, кивнув на мою

спецовку.

— О, просто помогаю приятелю. Маку не хватает рук и...

— Я слышал, ты работал на лесопилке, Марк.

Я кивнул. В тихом сельском Нью-Гемпшире найдется не так много секретов.

— Просто дожидаясь, пока продам книгу, Боб. Ты знаешь, каковы детки. Они любят покушать не реже трех раз в день.

Он выдал из себя усмешку и кивнул.

— Нам не хватает тебя, Марк. Всем. В том числе мистеру Хадли.

— Как поживает старик?

— Прекрасно. Шлет тебе наилучшие пожелания. На той неделе у нас была конференция в Бостоне. Без тебя совсем не то...

Боб начал играть рулем. Я подошел ближе и наклонился к нему.

— Брось, старина, мы слишком долго знаем друг друга, чтобы играть в игры. Что у тебя на уме?

— Ну... — Он колебался. — Черт побери, Марк, Хадли слышал, что у тебя дела не ахти, и просил меня передать, что ты мог бы как-нибудь позвонить ему, если не против. У нас вышла заминка в новоанглийском отделении, и мы не справляемся...

— Ты справишься. Боб.

— Никак. Я слишком стар, чтобы скакать по шести штатам, трясясь над семью сотнями агентов, а после тебя нужно быть дураком, чтобы пытаться повторить такую классную работу. Нет. Лучше я буду сидеть в Кине и запросто зарабатывать свои пятьдесят штук. Что-то я обленился после двадцати пяти лет работы. Нет больше мотивации, Марк. Понимаешь, о чем я говорю?

Я похлопал его по плечу, и он укатил. Даже не купил бензина.

Луиза нашла меня в тот вечер в маяке, упаковывающим по коробкам мои первые издания.

— Что ты делаешь, Марк?

— Собираюсь завтра отвезти эти старые пылесборники в Бостон и узнать, не сможет ли мистер Крошо конвертировать их в доллары.

— Милый, ты не можешь! Эти книги слишком много значат для тебя.

Я уложил издание Алджера в коробку, потом поднялся и взял ее за руки.

— Платежи снова просрочены? Она вздохнула и кивнула.

— Сегодня утром на заправку заезжал Боб Бойнтон. Думаю, Хадли знает о нашей... о нашей нищете. Он хотел бы, чтобы я позвонил ему. Стоит ли? Должен ли я позвонить ему, милая?

Ее карие глаза блеснули, и ответ последовал немедленно.

— Продавай книги, Марк! Мы найдем им замену. Мы не поднимем белый флаг. Никогда! Переживем. Просто помни о "Чайке по

имени Джонатан Ливингстон”.

Мистер Крошо взял девять из моих первых изданий и выписал чек на тысячу семьсот долларов. Как ни отчаянно мы нуждались в деньгах, я был почти рад, что он не забрал все. Пришлось везти их назад в Джеффри. Расстаться с моими драгоценными книгами — словно продать часть семьи.

В марте мы сменили тактику. Поскольку нам не удалось достучаться ни до одного крупного издателя, Луиза предложила попробовать издателей помельче и обвела кружком три названия в “Писательском рынке”. Одно из них привлекло мое внимание.

— Я знаю его. “Чарльз Берген Паблишере”. Они издали несколько превосходных книг по психологии, торговле и принципам успеха. Качественный материал и уважаемые авторы. Я так понимаю, этот Берген не только издатель, он же и единственный редактор в списке. Возможно, зарабатывает только на спички, но что-то подсказывает мне, что он — наш парень.

Итак, в сопровождении обычного короткого письма — две фразы о моей карьере — рукопись “Лучшего способа жить” отправилась в “Чарльз Берген Паблишере”.

Наша судьба была готова перемениться. К счастью, мы этого еще не знали.

Глава седьмая

Теплым майским днем я передвигал по нашему огороду древний культиватор, чтобы подготовить почву для весенней рассады, когда вопль Луизы перекрыл шум и гипнотизирующее пыхтение малосильного моторчика. Она неистово махала рукой с заднего крыльца — как это не похоже на нее. Я бросился к дому, даже не заглушив мотор.

— Телефон, — только и проговорила она, сияя так, словно минуту назад выиграла первый приз в нью-гемпширской лотерее.

Я бросился внутрь, но она повисла на моем рукаве и, едва я повернулся, поцеловала меня.

— Это Чарльз Берген, Марк! Голос по телефону был гулкий и хриплый, и я сразу же представил себе древнего старца с зеленым пластиковым козырьком на лбу и в забавных нарукавниках, сидящего за старомодным бюро.

— Мистер Кристофер, вы написали чудесную книгу. Я почту за честь опубликовать ее.

— Сэр, какая прекрасная новость! Я буду очень рад, если вы опубликуете ее!

— Как я понял из письма, вы много лет были руководителем страховой компании. Признайтесь мне, много ли вам приходилось писать на этом посту?

— Не слишком. Я произнес много спичей, обычно побудитель-

ных, перед моими агентами и обычно тщательно готовил наброски, но это значит, что не писал почти ничего.

— Поразительно. У вас огромный талант. Вы выражаете свои мысли с замечательной ясностью и красноречием, но в вашем стиле столько духовной силы, иногда даже поэзии, что я сразу подумал о Маркусе Бахе или Лорен Эйзели.

— Я знаком с их работами, мистер Берген, и не мог бы придумать лучшего комплимента.

— Мистер Кристофер, мы — небольшое издательство, но мы вправе гордиться прекрасными книгами и авторами, которых опубликовали за годы работы. Собственно говоря, один из наших талантливых авторов жил в ваших местах. Возможно, вы знаете его?

— Кто, сэр?

— Джошуа Кройдон, натуралист.

— Мистер Берген, я живу в его доме и пишу в его студии; однако мне не довелось лично познакомиться с этим человеком. Он умер, если вы знаете, три года назад. Мы купили этот дом у его вдовы.

— Я вспоминаю, отец говорил об уникальном сухопутном маяке мистера Кройдона. Он, будто бы, сделал в нем свою студию. Отец однажды посещал Кройдонов, и у нас в кабинете до сих пор висит фотография мистера Кройдона вместе с ним на фоне маяка. Отец основал издательство более пятидесяти лет назад и руководил им до самой смерти в 1975 году. Его звали Чарльз, как и меня, так что нам не пришлось менять название “Чарльз Берген Паблишер”.

— Понятно.

— Мистер Кристофер, за вашу прекрасную книгу мы готовы заплатить вам аванс в размере трех тысяч долларов. Если издание будет успешным, а я искренне верю & огромный потенциал вашей книги, вы будете в дальнейшем щедро вознаграждены. Гонорар будет начисляться с каждого проданного экземпляра дважды в год. Я направлю вам два экземпляра нашего стандартного договора. Пусть ваш адвокат прочитает его, и если условия вас устроят, приступим к работе. Хотя на дворе уже май, я верю, что мы, если поспешим, сможем включить вашу книгу в осенний каталог и доставим в магазины к праздничной распродаже.

Я знал, что следовало задать еще множество вопросов, но события развивались слишком быстро, и я мог думать только о том, что наконец-то продал мою книгу.

— Все это звучит прекрасно, — это были мои единственные слова.

— Позвольте уверить вас, мистер Кристофер, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы донести вашу книгу до читающей публики. Людям нужна ваша книга. Отчаянно нужна. В последние десять — пятнадцать лет хорошая книга о самопомощи стала раритетом. Мой отец все время спрашивал, где новые Наполеоны Хиллы и

Дэйлы Карнеги. Он бы влюбился в вашу книгу. Она вобрала в себя старый классический стиль лучших книг об успехе, содержит обилие практической информации, с помощью которой каждый может изменить свою жизнь к лучшему, и, что важнее всего, ее легко читать. Я действительно верю, что вы победите, мистер Кристофер!

— Мистер Берген, надеюсь, вы правы. Я немало потрудился над этой книгой. Последовала долгая пауза.

— Вы сейчас не имеете постоянной работы?

— Работаю неполный день. На заправочной станции. Я уволился из моей компании почти четыре года назад и вместе с женой и двумя сыновьями переехал сюда из Массачусетса. Чтобы писать.

Я услышал сдавленный смешок.

— Я вижу, вы следуете собственному совету, мистер Кристофер.

— Вот как?

— В одной из глав вы говорите о преимуществах, иногда даже о необходимости сжечь за собой мосты. Вы объясняете, сколько я помню, что, если дорога к отступлению отрезана, остается только один путь — вперед. Прежде чем мы расстанемся, мистер Кристофер, я хотел бы спросить еще об одном. Интересно, во сколько издательств вы посылали свою книгу, прежде чем направить ее мне?

Я колебался. Посмею ли я- открыть ему, что четыре крупнейших издательства отвергли мою работу? Как он воспримет это?

— В четыре, — сказал я. И перечислил. Я услышал нечто напоминающее смешок.

— Замечательно, — проговорил он. — Я определенно не из их лиги. Что заставило вас выбрать именно меня?

— Моя жена сузила круг до трех небольших издательств, и только ваше имя и заслуженная репутация были мне знакомы. Вот и все.

— Потрясающе. Подумать только, вы написали эту прекрасную книгу в старой студии Джошуа Кройдона. Помните, Шекспир сказал: “Скрывают небеса от тварей всех земных ту книгу судеб”. Уверяю вас, мы приложим все силы, чтобы не скрыть вашу книгу от публики. Будьте счастливы, сэр.

Благодаря бесценной помощи Луизы, в конце июля я закончил проверку корректуры. Мы сидели на кухне, разложив листы по всему столу, пока не добрались до последней пронумерованной страницы. Луиза закрыла колпачком свой красный фломастер и вздохнула.

— Ты заметил, Марк, насколько убедительнее выглядят слова, набранные типографским способом? Они по-прежнему твои, но у них совершенно другой вес. Я впервые начинаю понимать, сколь влиятельна может быть любая книга, хорошая или плохая. Человеческий разум почти. автоматически полагает, что все написанное в книге — правда. Знаешь, я нередко ощущала это, даже читая фантастику. Немного страшновато, правда? Ну, мы закончили. Что дальше?

— Мы упакуем корректуру и отправим Бергену. Потом будем

ждать нашего великого дебюта в мире книг. Чарльз назначил дату — седьмое октября.

Через несколько недель позвонил Чарльз Берген.

— Мистер Кристофер, в спешке мы запоматовали один вопрос. Это старинная традиция, но большинство авторов по-прежнему придерживаются ее. Есть ли человек, кому вы хотели бы посвятить вашу книгу? Это посвящение печатается на отдельном листе, следом за титульным. Если хотите сделать посвящение, вы можете продиктовать мне слова прямо сейчас, по телефону.

— Я перезвоню через двадцать минут, мистер Берген. Идет?

— Очень хорошо.

Я позвонил уже через десять минут и прочитал слова, которые только что нацарапал на задней стороне конверта...

“Той рыжеволосой красавице, которой мне не хватает много, много лет, — моей матери Маргарет”.

Глава восьмая

Октябрьский дебют “Лучшего способа жить” в безбрежном море более чем 20 000 новых осенних изданий привлек такое же внимание, какое привлек бы одинокий болельщик на переполненном стадионе перед воскресным матчем.

Никто не заметил. В первые несколько недель после публикации служба газетных вырезок, на которую подписался Чарльз Берген, не могла найти ни одного отзыва, ни положительного, ни отрицательного, хотя он уверял, что отправил более четырех сотен экземпляров редакторам книжных обзоров.

Сейчас я начал понимать то ужасное чувство безысходности, о котором говорили многие авторы в ток-шоу. Новая книга подобна малому ребенку. Рано или поздно она должна выйти в мир и своими силами добиться успеха или провалиться, независимо от волнений и тревог одного или двух любящих людей, сомневающих, все ли они сделали правильно, чтобы подготовить свое дитя к жестокому рынку жизни.

С каким восторгом я впервые держал в руках свежотпечатанный экземпляр моей книги, в прекрасно оформленной алой обложке с заголовком золотыми буквами. Еще с большей радостью мы обнаружили книгу на витрине книжного магазина “Яблоня” в Конкорде, по соседству с последними работами Тома Вулфа, Генри Киссинджера и Эдмунда Морриса. Мне едва не пришлось зажимать Луизе рот, так ей хотелось рассказать каждому продавцу и каждому покупателю в магазине, что именно этот мужчина рядом с ней, ее муж, написал вот эту книгу в этой замечательной, красной с золотом, обложке. И хотя дома у нас лежало двадцать пять экземпляров, полученных от Чарльза, Луиза настояла купить еще один “для почина”.

Тем не менее отвратительный страх провала отказывался поки-

дать мои мысли — вопреки всему моему прежнему опыту и умению справляться с этим чудовищем. Что, если книжонка — дрянь? А как с доставкой? Завезли ли книгу во все магазины страны? У Чарльза Бергена нет собственных торговых представителей, как у крупных издателей, нет агентов, которые регулярно звонят в магазины и проталкивают свой товар. Вместо этого он и пять других небольших издательств пользовались услугами независимых комиссионеров. Большую ли работу они проделали с моей книгой? И насколько они влиятельны по сравнению с представителями, скажем, “Даблдей” или “Харпер энд Роу”?

Но чудо свершилось. За два дня до Дня Благодарения позвонил Чарльз Берген, как обычно спокойный и немногословный.

— Мистер Кристофер, у меня есть новости, от которых наша праздничная индейка будет вдвое вкусней!

— Я бы попробовал кусочек, сэръ.

— Если вы стоите, советую вам сесть. Я сел.

— Мистер Кристофер, как я -вам, конечно, говорил, первый тираж вашей книги был десять тысяч экземпляров. Обычно для первого издания неизвестного автора я рекомендую пять тысяч, но в эту книгу я верил и удвоил тираж. Так вот, дорогой друг, весь первый тираж распродан, и мы заказали в типографии еще двадцать тысяч! Ведущие книготорговцы, “Далтон” и “Уолденбукс”, каждый заказали по три тысячи экземпляров! Это два самых крупных заказа, которые были в нашей истории. Вся информация о сотнях магазинов у них в компьютере, и я понимаю так, что ни в магазинах, ни на складах не осталось ни одного экземпляра вашей книги. Думаю, мы на пороге чего-то грандиозного.

— Ух ты! И как вы это объясните? В конце концов, не было никакой рекламы. Ни одного упоминания в обзорах. Что подтолкнуло торговлю, мистер Берген?

— Здесь нет логического объяснения, Марк. Между прочим, могу я, наконец, называть вас просто Марк? И пожалуйста, зовите меня Чарльз... но не Чарли. Полагаю, мы наблюдаем таинственный процесс, который озадачит даже экспертов по рекламе. То самое “петушиное слово”. Новая книга, фильм или песня всегда появляются без шума и треска, но публика находит их, и любовный роман начинается. В издательском деле такое случается каждые пять — десять лет, и, когда случается, результат может быть умопомрачительным. “Игры, в которые играют люди” Берна были последней книгой на моей памяти, которая подняла такую волну. Если так пойдет дальше, предел — только небеса.

— Вы получили повторные заказы из всех частей страны, или мы...

— Отовсюду! — прервал он. — И многие магазины даже не связываются со своими представителями. Они звонят прямо мне!

Такого раньше не бывало! Сегодня утром я продал по телефону больше двух тысяч экземпляров. Магазины в Такоме, Батте, оба магазина в Канзас-Сити, в Мемфисе. Когда я собрался звонить вам, “Книжная лавка Варда” в Норфолке, штат Виргиния, только что заказала у меня пятьсот экземпляров! Потрясающе! Никогда не видел ничего подобного и не могу поверить, что отец видел такое. Если заказы продолжат поступать, я вскоре закажу в типографии третий тираж. Я уже нанял еще двух человек в экспедицию, чтобы следили за заказами.

Он снова позвонил через две недели, на этот раз совсем не такой невозмутимый.

— Марк, мы заказали следующий тираж. На этот раз сорок тысяч, и почти восемнадцать тысяч из них покрыто заказами! Каждый день поступают звонки из магазинов, с которыми прежде мы не имели дела, и мы наняли еще трех человек, чтобы заполнять счета и помогать с отправкой. Я не в силах поверить! Не в силах!

— Чарльз, у вас уже есть профиль покупателя? Кто покупает эту книгу? Мы заделали за живое, определенную группу, или еще слишком рано говорить об этом?

— Мы уже имеем некоторые отчеты. Из книжных магазинов сообщают, что покупают все слои населения. Подарки. Подарки — это великое дело. Очевидно, человек покупает книгу для себя, читает, потом возвращается, чтобы купить еще три. Детям. Начальнику. Любимому человеку. Торговые менеджеры покупают дюжинами для своих подчиненных. И женщины. Женщины, как меня проинформировали, составляют более половины покупателей. Вы тронули всех, Марк. Это чудо... это истинное чудо!

Три недели спустя он позвонил и сказал, что четвертый тираж составляет потрясающие сто тысяч экземпляров. Потрясающие потому, что девяносто девять процентов всех опубликованных книг никогда не дотягивают даже до десятитысячной отметки продаж. Чарльз повторил тираж десять дней спустя, и сейчас общий тираж достиг ошеломляющей цифры — двести семьдесят тысяч! По моим нервным подсчетам, если все это будет продано, я заработаю с объема продаж более трехсот тысяч долларов. Неплохой доход для семьи официантки и помощника на бензоколонке.

“Ньюсуик” наконец опубликовала рецензию на мою книгу, назвав ее вехой на поле литературы о самопомощи, сравнимой с “Думай и богатей”, “Как завоевать друзей” и “Энергией позитивного мышления”. К концу мая был отпечатан миллионный экземпляр “Лучшего способа жить”; книга возглавила общенациональный список бестселлеров, и я становился миллионером. Чудо из чудес!

Телефонные звонки Чарльза вскоре стали ежедневным ритуалом. Каждое утро, ровно в десять он был на линии и говорил голосом довольного собой брокера, который сообщает клиенту, что его акции поднялись на очередные десять пунктов. Я был даже информирован,

что типография в Джерси-Сити перешла на двухсменную работу, чтобы справиться с заказами, и что у них возникают проблемы с бумагой, чтобы напечатать такой огромный тираж.

Затем однажды утром он позвонил и сообщил, что есть две серьезные проблемы.

— Марк, вы не можете больше скрываться в этом своем маяке. Пресса доводит меня до безумия. Некто из “Сегодняшнего обозрения” уже неделю звонит каждое утро; я только что повесил трубку после разговора с ассистентом продюсера телепрограммы “Доброе утро, Америка”, а сейчас нападают люди Джонни Карсона¹⁶, а они, между прочим, не привыкли просить. Им нет в этом нужды.

— О чем это вы говорите?

— О том, о чем вы говорили. Что не даете интервью. Что книга говорит за вас, и этого довольно. Вы уверены, что не передумаете? Такую общенациональную рекламу мы не сможем купить ни за какие деньги.

— Боже мой, Чарльз, вы не успокойтесь, пока не заставите типографию работать круглые сутки.

— А почему нет? Такое бывает раз в жизни.

— Никаких интервью, Чарльз. Я видел слишком много авторов, делающих из себя ослов на ток-шоу. Загоните меня на одно из больших телешоу, и я буду обязан укунить себя за локоть, но довести продажи книги до головокружительных высот. А я не хочу снова и снова отвечать на дурацкие вопросы о том, что я ем за завтраком, какое у меня хобби или сплю я голый или в пижаме. Для большинства авторов, думаю, это льстит самолюбию, но многие из них уже так раздулись от воображаемой важности, что даже не замечают, насколько глупо выглядят на экране.

— Вы действительно так считаете, Марк? А как насчет репортеров? Послушайте, у меня здесь такой список заявок на интервью, что вы не поверите. Любой другой автор в мире застрелился бы ради шанса поговорить с этой бандой... “Уолл-Стрит Джорнал”, “Нью-Йорк Тайме” “Психология сегодня”, “Вашингтон Пост”, “Сан-Франциско Кроникл”, даже “Нэшнл Инкуайер”...

— А журнал “Пипл”?

— Хотите “Пипл”, будет вам “Пипл”! Дайте тридцать минут...

— Чарльз, я шучу. Я не хочу никого из них. Я слишком занят в своем огороде. Плюс тренирую бейсбольную команду моего младшенького. Да и в этой части мира слишком много нами еще не виденного.

— А как насчет вашей почты?

— Какой почты?

— От ваших поклонников, Марк, от поклонниц! Она стекается

¹⁶ Джонни Карсон — известный ведущий телепередач. — Прим. ред.

сюда со всей страны. Из Канады тоже. Что нам с ней делать?

— Отправьте письма мне, я отвечу. Согласны?

— Все письма?

— Конечно.

— На письма ответите, но никаких интервью?

— Это большая разница, Чарльз. Если человек настолько впечатлен книгой, что удосужился написать, он заслуживает ответа.

— Но если вы ответите на письма, каждый узнает, где вы?

— Не обязательно. Я напишу на обычной почтовой бумаге и отправлю письма из Конкорда. Без обратного адреса.

Он повесил трубку, крайне разочарованный.

На следующее утро я ездил за покупками и пропустил его звонок. Когда я вернулся, Луиза сидела за кухонным столом, и я с первого взгляда понял, что она собирается переложить на меня что-то тяжелое. Я свалил две сумки с продуктами на разделочный стол и уселся в кресло рядом с ней.

— Ну, выкладывай, пока не лопнула от нетерпения.

— “Тайм” хочет напечатать большую статью о тебе. С портретом на обложке!

Я начал привставать, но она легким движением усадила меня в кресло.

— Не торопись, Марк. Ты действительно должен обдумать это предложение. Бедняга Чарльз был почти в слезах. Он умолял меня попытаться переубедить тебя. Они хотят прислать двух репортеров и фотографа, и хотели бы сделать это как можно раньше. Очень немногих писателей фотографируют для обложки “Тайм”. Почему бы тебе не согласиться?

Прежде чем отвечать, я налил себе чашку кофе.

— Ты знаешь, почему я не хочу, Луиза. Мы обсуждали это пару недель назад, и ничего не изменилось. Как только мы начнем заигрывать с прессой, наша жизнь станет постоянным цирком, а дом превратится в зверинец.

Она подалась вперед и погладила мою руку.

— Успокойся и послушай. Подумай о том кошмаре, который мы пережили в прошлом году. Ни ты, ни я даже во сне не мечтали о такой славе. Конечно, если бы тебе рассказали заранее, что такое случится, ты, наверное, даже не взялся бы писать эту книгу. Но... это случилось, и я не вполне уверена, отдаешь ли ты себе отчет в том, что сделал. Чарльз сказал мне, что продажи продолжают расти и ты определенно станешь наиболее популярным автором книги о помощи себе, превзойдя даже Пила и Карнеги. И эти милые люди, которые так много почерпнули из твоей книги, заслуживают знакомства с автором. Забудь о деньгах и славе, о всей так называемой выгоде, которую ты получишь от появления на телевидении и в прессе, и подумай о тех тысячах людей, которые стремятся увидеть тебя. Ты не можешь

повернуться к ним спиной только потому, что это не соответствует твоему образу жизни. Не можешь! Если ты действительно веришь в свою книгу, а я это знаю, ты обязан выйти из своей башни, позволить миру увидеть тебя, узнать тебя... и полюбить тебя. Обязан...

Звонок в дверь спас меня, такова была первая мысль. На крыльце стоял мистер Слаттери, наш почтальон, вертел шляпу в руках, тер лысину и ухмылялся. На дорожке перед домом стоял большой грузовик, а не его обычный джип.

— Мистер Кристофер, я привез вам письма, но они просто не вместились в ваш почтовый ящик.

— О'кей, давай их сюда. Том.

— Куда прикажете, сэр? У меня в грузовике восемнадцать мешков. Мы посчитали, должно быть не меньше шести тысяч писем. Никогда не видел ничего подобного. Найдется вам работка на время. — Он засмеялся.

Мистер Слаттери помог перенести мешки в маяк. Но еще долго после этого мы с Луизой, все еще в шоке, молча стояли и смотрели на гору мешков. Наконец она наклонилась, развязала мешок, опустила руку внутрь, извлекла один розовый конверт, открыла его и пробежала глазами по странице.

Потом посмотрела на меня, убедилась, что я внимательно слежу за ней, прочистила горло и прочитала: “Дорогой мистер Кристофер... Вы спасли мою жизнь. Недавно я пережила ужасный развод и оставила двоих детей на попечение бывшего мужа. Я была уверена, что в этой жизни терять мне больше нечего. Из-за собственной глупости я потеряла всех, кто был дорог мне, кто любил меня. Я была готова покончить с собой, когда моя сестра Энн, которая всегда была очень добра ко мне, подарила вашу книгу. Она целую неделю лежала на ночном столике непрочитанная, потому что я ревела целыми ночами. Наконец, месяц назад, что-то заставило меня открыть вашу книгу, когда я забралась в постель. Я читала до рассвета. Вы глубоко тронули меня. Вы заставили меня понять, что я еще могу многое предложить миру, что я, при всей своей слабости, творение Божье, что у меня есть шанс” жить лучшей жизнью, если я сделаю этот выбор. Вы вернули мне смелость, дорогой мистер Кристофер, и я благодарю вас от всего сердца. Бог благословит вас за то, что вы зажгли свечу в потемках моей несчастной души”.

Глаза Луизы следили за мной, пока я расхаживал вперед и назад. Только поскрипывание винтовой лестницы нарушало тишину маяка.

— Хорошо, — пробормотал я наконец. — Звони Чарльзу. Скажи, что я встречу с теми людьми из “Тайм”.

Глава девятая

Меньше чем через час после звонка Луизы ликующий Чарльз позвонил снова. Луиза сняла трубку, выслушала, сказала “О”кей” и закончила разговор.

— Люди из “Тайм” будут здесь в пятницу утром, Марк. Приедут из Бостона. Нам остается меньше четырех дней на организацию.

— Почты?

Она кивнула.

— Если мы не возьмем ее под контроль, через месяц будем похоронены под горами писем.

После короткой остановки в банке, чтобы перевести часть гонорара со сберегательного на текущий счет, мы направились в наш любимый магазин письменных принадлежностей в Питерборо. В покупательской оргии, которая продолжалась больше трех часов, мы потратили почти четыре тысячи долларов! Владельцы магазина были в таком восторге, что погрузили все покупки в собственный грузовик, который сопровождал нас до дома, а потом расставили все в маяке” именно так, как указывала Луиза.

— Итак, сэр, — провозгласила Луиза, когда они уехали, — займемся бизнесом!

— Я все еще ничего не понимаю, леди. Возможно, вы соблаговолите объяснить мне, зачем нам еще два письменных стола и две пишущие машинки?

— Только так мы сможем разобраться с твоей почтой. За одним столом буду работать я, за другим — Мэри Меллон. Вместе мы сможем...

— Подожди, подожди! Какая еще Мэри Меллон?

— Марк, почему ты так плохо запоминаешь имена? Ты знаком с Мэри. Она живет в городе, рядом с каланчей, у нее калека-отец. Она — школьная учительница в Риндже. Я знаю, что она умеет печатать, и уверена, что ей не помешают деньги.

— Ничего не понимаю. Я всегда полагал, что у девушки, на которой я однажды женился, есть этика и принципы. Вы с Мэри не можете ответить на мои письма. Это некрасиво.

Она бросила на меня свой патентованный раздраженный взгляд и вихрем умчалась в дальний угол маяка, потом вернулась с четырьмя большими пакетами.

— Марк, в нашей помощи нет ничего бесчестного. Ты что же, полагаешь, Миченер и Херриот лично отвечали на каждое полученное письмо? Вчера утром, пока ты гонял мяч с Тоддом, я зашла сюда и выбрала наудачу сотню писем из всех мешков. Полагаю, это предствительная выборка того, что мы найдем во всех этих письмах.

— И что же вы нашли, миссис Гэллап?

— Похоже, твою почту можно разделить на четыре категории. Больше половины — пятьдесят пять из сотни — от людей, которые просто хотели поблагодарить тебя за то, что ты написал “Лучший способ жить”. Ты мог бы ответить всем им в двух строках. Просто поблагодарить. Я права?

— Ну, допустим, права.

— Итак, ответив на любое письмо, которое попадает в первую категорию, ты отдаешь его Мэри и мне, и мы печатаем одинаковый ответ на все письма подобного сорта. Тебе остается только подписать их. Идет?

Я не мог сдержать улыбку.

— Идет.

— Далее, в тридцати четырех письмах из выбранной сотни содержится просьба прислать твою фотографию с автографом.

— Так вот зачем ты купила две тысячи специальных конвертов для фотографий. Но у меня нет даже одной достойной карточки.

— Нет проблем. У нас будет фотограф из “Тайм”. Когда он придет, мы попросим сделать подходящие фотографии и купим их у него. Потом выберем лучшую и размножим. Я нашла одну компанию в Конкорде, которая может напечатать столько гляцевых открыток, сколько нам потребуется. А при крупном заказе все обойдется не слишком дорого. Ты можешь оставить автограф прежде, чем мы с Мэри отправим их.

— Хорошо, вы позаботились о пятидесяти пяти процентах моей почты, которая попадает в первую категорию, и, скажем, о тридцати четырех процентах во второй категории, где просят фотографию. Это восемьдесят девять процентов писем. А как же?..

Она подняла руки над головой.

— Терпение. Не забегай вперед меня. Третья категория, всего восемь из прочитанной сотни, это письма от людей, которые кажутся очень искренними и просят тебя дать тот или иной совет. На эти письма, Марк, я уверена, ты ответишь сам, хотя некоторые истерзают твое сердце. Я не представляла, как много людей взывает о помощи.

— Людей с самыми разными способностями, Луиза. Но их сбивали с ног так часто, что они потеряли веру в себя и всех остальных. Итак, как я догадался, согласно твоей статистике, я буду отвечать примерно на восемь писем из ста. Это третья категория. Что же в четвертом конверте?

— Странные и дурацкие письма. Я нашла только три таких в сотне. Один просит денег, много денег, потому что ты, несомненно, богат. Другое письмо. Женщина пишет, что ты, без сомнения, воплощение Христа, потому что никто другой не мог бы написать такие красивые слова, наполненные такой мудростью. Она хочет с твоей помощью организовать новую церковь. А в третьем письме — грязная ругань.

— Ни одного брачного предложения? Я думал, знаменитости всегда получают тонны брачных предложений.

— Ну, в первой выборке их не было, но, готова поспорить,, ты их получишь. Особенно когда увидят, как ты выглядишь. Уверена, будет и множество других соблазнительных предложений.

— И ты, конечно, будешь их отсеивать.

— Мэри тоже. Милой старой деве не повредит немного пощекотать нервы. Если серьезно, Марк, я думаю, мы будем складывать странные письма с теми, на которые ты будешь отвечать лично. Сам посмотришь и решишь, что с ними делать. Наверное, самое мудрое — игнорировать письма, попадающие в четвертую категорию.

Я поцеловал ее.

— Спасибо. Я в восторге от твоего плана. Одно “но”. Как я смогу сидеть здесь и писать новую книгу, если здесь же рядом вы двое будете целыми днями стучать на машинке?

— Я и об этом подумала. Такая расстановка сил будет лишь временной. Как только вынесем весь мусор из большой гостевой комнаты, мы переместим наш офис в дом. Мы с Мэри сможем работать там, а когда рассортируем почту, будем каждый день приносить тебе небольшую кучку, которой займешься ты, когда будет время. Ты можешь заглядывать к нам по вечерам, чтобы подписать остальные письма. Если хочешь, ты снова будешь в одиночестве примерно через месяц.

Мэри Меллон начала работать на следующее утро, и я, хотя и не планировал, был вынужден присоединиться к чтению и сортировке писем по крайней мере на несколько первых дней. Душераздирающий опыт. Письма от крупных руководителей, продавцов, учителей, заключенных, домохозяек, раковых больных, спортивных тренеров, студентов и прочих, и прочих. Я понял, что Чарльз Берген был прав. Книга затронула все слои общества и зажгла пламя потерянной надежды почти в каждом читателе. В тот первый день мы все трое постоянно прерывали молчаливое чтение взволнованными возгласами. “Послушайте-ка!” “Невозможно поверить!” “Это лучшее из всего, что было!” И много раз я замечал то Луизу, то Мэри в слезах.

В конце дня меня окликнула Луиза из-за своего стола.

— Марк?

— Да?

— Ты знаешь человека по фамилии Салом?

— Нет. Откуда мне знать? Она поднялась, принесла мне письмо и бросила конверт на лист, который я читал.

— Взгляни-ка.

Мы женаты уже давно. И эта странная, незнакомая дрожь в ее голосе заставила меня немедленно поднять глаза на жену.

— С тобой все в порядке, Луиза?

— Прочитай.

Я извлек почтовую карточку — квадратик четыре на четыре дюйма — из конверта цвета кожи буйвола. По краю карточки шла золотая кайма, а слова были выведены изысканнейшим каллиграфическим почерком...

В своей превосходной книге ты напомнил миру, что величайший Божий дар человека — его право выбора.

Твой выбор в последние годы требовал смелости и веры. Рано или поздно ты будешь призван использовать это право еще раз, и тот выбор будет самым трудным в твоей жизни.

Карточка была подписана А. В. Салом. Я выдавил из себя улыбку.

— Еще одно дурацкое письмо по нашей классификации, дорогая?

— Марк, я лично достала это письмо из почтового мешка. Переверни конверт и посмотри на адрес.

Я схватил конверт и увидел: Марку Кристоферу. Тем же каллиграфическим почерком.

— Здесь нет адреса, Луиза! Все остальные адресованы мне через “Чарльз Берген Паблишере”. Но здесь нет ничего, кроме моего имени. Как же смогли доставить его?

— Ты больше ничего не заметил, Марк? — Сейчас в ее голосе звучала детская задиристость.

Я снова уставился на конверт.

— Боже мой, здесь нет марки! Нет даже почтового штемпеля!

Глава десятая

Держа свое слово, через три недели Луиза, при посредстве двух дюжих школяров, живущих по соседству, перенесла наш “почтовый департамент” из маяка в большую гостевую комнату. На память о своем кратком пребывании в моем логове она оставила на стене рядом с моим столом небольшую доску объявлений в сосновой рамке, объявив, что планирует часто использовать ее, чтобы напоминать о важных грядущих событиях — скажем, отвезти мальчишек к парикмахеру — и о других миссиях, о которых я всегда забывал, пользуясь удобным предлогом занятости книгой.

Хотя мы больше не обсуждали его, еще одно напоминание было заткнуто за угол нашей доски объявлений — таинственное шифрованное послание мистера Салома.

Интервью для “Тайм”, которого я так боялся, оказалось презанятным опытом. Джон Кристи и Донна Темплтон, как оказалось, внимательно прочли мою книгу, что было очевидно из разумных вопросов; более того, их добродушная манера вести разговор быстро сняла напряжение и с меня. Наша беседа¹ да вышла далеко за рамки моего прошлого и принципов достижения цели, описанных в “Лучшем способе жить”. Хотя оба корреспондента — два трудолюбивых репорте-

ра, как отрекомендовал их “Тайм”, — включили магнитофоны, они безостановочно строчили в своих блокнотах, пока мы обсуждали эволюцию американской литературы о помощи себе.

Еще до начала разговора Джон Кристи принес извинения за отсутствие их фотографа. Роджер Мейер задержался в Бостоне ради других съемок; он подъедет завтра утром. Джон еще раз извинился за неудобства, которые это может причинить мне, и предупредил, что Роджер, наверное, останется здесь на два-три дня и не уедет, пока не будет уверен, что запечатлел на пленке истинного Марка Кристофера.

В конце дня, сидя за кофе, Донна Темплтон вытянула свои длинные, затянутые в джинсы ноги, посмотрела на поленья в камине и вздохнула:

— Не хочу, чтобы этот день кончался. Здесь так спокойно и мирно. Я так много узнала сегодня. Я сейчас совершенно по-новому представляю принципы истинного успеха, мистер Кристофер, и знаю, что отныне буду работать лучше просто потому, что послушала вас.

Джон Кристи погладил свою подстриженную бородку и кивнул.

— Вы — счастливчик, Марк. Немногие смогут не завидовать вам. У вас была мечта, и вы сделали ее явью.

Я подошел к окну и поманил Джона.

— Видите этот старый, побитый пикап? Больше года он был нашим единственным средством передвижения.

Джон усмехнулся.

— А сейчас вы и Луиза можете позволить себе “мерседес”.

— Дело не в этом. Мы собираемся сохранить навсегда эту старую развалину, пусть даже придется поставить его на заслуженный отдых в сарай. Он будет всегда напоминать нам о тяжелых временах. Мечты и цели — прекрасная вещь, но если они того стоят, за них нужно заплатить достойную цену. Я подчеркивал это в моей книге. Пожалуй, великая формула Черчилля “кровь, пот и слезы” — вот лучший рецепт успеха, но сегодня такой коктейль не слишком хотят покупать.

Донна взглянула на свои часики и многозначительно посмотрела на Джона. Он кивнул.

— Думаю, мы поговорили обо всем, Марк, но перед отъездом я хотел бы задать еще один вопрос. Сейчас, после того как вы написали этот великий бестселлер и получили все деньги и уверенность, которые хотели получить, какова ваша цель в жизни?

Это был невинный и вполне законный вопрос, но впервые за день я колебался с ответом. Я чувствовал, что оба в ожидании следили за мной, пока я нервно тербил” ремешок наручных часов. Наконец я услышал свой голос.

— Я хотел бы иметь счастье прожить достаточно долго и увидеть, что оба моих мальчика стали мужчинами.

Садясь в их взятый напрокат “олдсмобиль”. Донна чмокнула меня в щеку. Мне грустно было расставаться с ними.

Между тем на следующее утро, когда я подстригал лужайку, прибыл, наш фотограф — на рычащем спортивном автомобиле. Роджер Мейер остался у нас на уик-энд и ночевал в комнате Глена, а мальчишки вдвоем в комнате Тодда. Он сфотографировал их, сидящих вечером на кровати, и рассказал о множестве своих приключений с фотоаппаратом. Он учил их, как ставить выдержку, наводить резкость и снимать своим “Найконом”, и покатал их — в стиле гран-при — по окрестностям Джеффри, причем Тодд не сводил глаз со спидометра и визжал от восторга.

Поиграв с моими сыновьями, Роджер снимал меня во всех мыслимых позах. Культивирующим огород. Тренирующим детскую бейсбольную команду. За пишущей машинкой. На вершине башни, обозревающим ландшафт. Прислонившимся к пикапу. Колющим дрова. И больше всего на фоне нашего маяка, руки в бока, смеющимся, хмурым, гримасничающим, указывающим пальцем. Глядя через широкоугольный объектив, он двигал меня вперед и назад, так чтобы башня была позади меня и все здание поместилось в кадр. В целом, закончив, он отснял двадцать три пленки по тридцать шесть кадров. Некоторые цветные, но больше черно-белых, в том числе две пленки портретных фотографий, которые он подарил Луизе “за крышу над головой”, как он выразился.

Несколько дней после отъезда Роджера мальчишки не могли ни на что смотреть.

В понедельник в конце июля знакомый голос Чарльза Бергена по телефону повторял одно слово. “Грандиозно!”

— Вы еще не видели, Марк? Грандиозно! Грандиозно!

— Не видел что?

— “Тайм”! Обложку! Статью! Да, они постарались! Славно поработали... и не допустили никакой грубости. Я тревожился. А на фотографии вы выглядите замечательно молодым. И привлекательным. Возможно, нам следует поместить вашу фотографию на обложку. Мы заказали следующий тираж. Четырнадцатый. В сумме получается — поверите? — два миллиона экземпляров! Два миллиона! Надеюсь, у вас есть хороший налоговый консультант? Он вам потребуется. И ваш телефон. Лучше, чтобы Луиза поскорее установила для вас номер, не внесенный в телефонную книгу. Как только этот журнал поступит в продажу, вам начнутся звонки отовсюду. Что я могу сказать? Поздравляю! — Его голос сорвался. — Если бы только... если бы отец мог это видеть.

Мистер Слаттери лично доставил нам свежий номер “Тайм” на следующее утро. Не мог же он, как он выразился, засунуть такую важную вещь в почтовый ящик. На обложке, как я и предполагал, была фотография на фоне маяка, причем Роджер снимал снизу, и я

казался ростом со здание на заднем плане. Жирным шрифтом под логотипом “Тайм” было напечатано: “Маяк надежды в бурном мире”. Внизу, справа от фотографии красовалась надпись помельче: “Эксклюзивное интервью с Мистером Успех!”

Луиза пролила апельсиновый сок на себя и Мэри, когда я вошел на кухню с журналом в руках. Пришлось сидеть и терпеливо ждать, пока она не прочтет всю статью и не изучит каждую фотографию, так и сяк наклоняя голову.

— Ну?

— Безумно нравится... все это. Но вот что понравилось больше всего, Марк, — проговорила она и вернула мне раскрытый журнал, указывая на последний абзац. — Они завершили статью словами о том, что фамилия идеально подходит тебе, потому что слово “Кристофер” означает “Христоносец”.

Глава одиннадцатая

Местная статья в “Тайм”, как и следовало ожидать, обрушила лавину запросов на интервью, от которых я не мог справедливости ради отказаться, и мой краткий обет молчания был нарушен. В Нью-Йорке доведенный до изнеможения Чарльз Берген наконец решил, что нам обоим нужна фирма по связям с общественностью, не для повышения популярности, поторопился объяснить он в ответ на мои стоны, а для обследования, координации и составления расписания — после консультаций со мной — визитов репортеров в наш дом на холме.

За последние пять месяцев 1981 года, согласно подсчетам Луизы, я давал интервью девяносто шесть раз! Стало почти невозможно пройти мимо журнального стенда или, что особенно обидно, мимо нашего любимого бакалейного магазинчика, чтобы не столкнуться с одной или несколькими физиономиями Марка Кристофера, улыбающегося прохожим с блестящих обложек журналов, иногда совсем не блестящих. В конце концов, даже “Ньюсуик” опубликовал хвалебную статью, без единого намека на то, что их обошел конкурирующий “Тайм”. Ведь именно они первыми опубликовали рецензию на мою книгу. А наш маяк был сфотографирован и описан в таком множестве статей, что быстро становился общеамериканской достопримечательностью, как горделиво объявил Чарльз.

По большей части мне нравилось давать интервью. После первой дюжины я наловчился и отполировал свои ответы, поскольку снова и снова слышал одни и те же вопросы. Совсем как футбольный тренер, который просматривает видеозапись игры своей команды, чтобы заметить и исправить недочеты, я внутренне повторял все интервью после его окончания и, если замечал слабый ответ на один из вопросов, решал, что следует сказать, если вопрос зададут снова. Всегда задавали.

Я продолжал отклонять все приглашения лететь куда-либо ради появления на радио или телевидении. Эти отказы вскоре сменились предложениями записать интервью “на месте”, внутри или поблизости нашего маяка, особенно для телевидения. Эти предложения я тоже отвергал, надеюсь, достаточно грациозно, хотя беднягу Чарльза едва не хватил удар, когда он узнал от нашей службы по связям с общественностью, что я отказал Барбаре Уолтере.

Однако, несмотря на мое упорное нежелание, рекламная карусель крутилась и крутилась. Сам президент открыл одну из своих телевизионных пресс-конференций цитатой из “Лучшего способа жить”. Франк Рейнолдс в вечернем выпуске новостей произнес “как писал Мистер Успех”. В Маниле едва не случился переворот, когда моя книга прошла таможенную и появилась на прилавках двух крупнейших книготорговых сетей, “Алемар” и, “Национальная книжная лавка”. Многие игроки футбольной команды Клемсонского университета, как и тренер Данни Форд, заявили, что использовали “Лучший способ жить” во время их победного сезона. И в начале декабря типография Чарльза Бергена, уже круглосуточно печатавшая только мою книгу, объявила о пятимиллионном экземпляре!

Подумать только, какая ирония судьбы. Я отказался от прежнего способа жизни, чтобы нюхать розы, но сейчас я провожу так много времени в маяке, давая интервью и отвечая на письма, что те чудные чайные розы, которые годами возделывали Кройдоны, сейчас пожираются гусеницами и жуками. Хуже всего, наши семейные экскурсии, для которых сейчас самое время, так и не возобновились. Нет времени. Самые грустные слова, когда-либо сказанные или написанные.

Однажды, во время долгой январской вьюги, Луиза сделала драматическое заявление. Мы все четверо сидели вместе за ужином — снова редкость в последнее время, — когда она внезапно постучала вилкой по бокалу с водой и произнесла:

— Эй, вы все, послушайте-ка меня! В следующий понедельник мы летим в Финикс, штат Аризона, и проведем десять дней под солнцем, просто чтобы получить удовольствие. Будем купаться, есть, ходить в кино, загорать, ходить по магазинам и музеям и делать все, что, придумаем. Как вам?

Я дождался, когда крики восторга утихнут настолько, что меня услышат.

— Луиза, это невозможно. Мы не можем уехать отсюда. Слишком много творится вокруг.

— Послушай, муженек, я читала твою книжку. Нет ничего невозможного. А вся эта чепуха подождет. Нам снова нужно побыть вместе. Прошел еще один трудный для всех нас год, и мы не часто были вместе, особенно с мальчиками. Мы просто соберем вещи и уедем. Мэри и все остальные присмотрят за домом, пока мы не вернем-

ся. Все наши дела можно отложить на две недели, а если мы вдруг потребуемся, есть телефон.

— Но уже поздно, и нам не удастся снять достойный номер в Финиксе. Лучшие места забронированы, наверное, с... с сентября.

Она усмехнулась.

— Именно тогда я сделала заказ. Как только увидела твой гоноар. Два смежных номера забронированы для нас в “Аризона Билтмор”. Лучше “Билтмора” нет ничего, сказали мне.

Во время нашего полета в Финикс Тодд и Глен расположились прямо перед нами и попеременно усаживались у иллюминатора гигантского ДС-10, чтобы в благоговейном молчании посмотреть на величественную и незнакомую панораму, раскинувшуюся под нами. Это был их первый полет. В какой-то момент озадаченное личико Тодда появилось над белым подголовником.

— Мама?

Луиза оторвалась от своей книжки с кроссвордами.

— Да, милый?

— А почему я не вижу людей?

— Потому что мы летим очень высоко, почти в семи милях¹⁷ над землей. Отсюда даже горы и реки выглядят крошечными.

— А Бог выше, чем мы?

— Намного выше.

— Тогда... как же Он слышит наши молитвы и следит за нами?

— Потому что, Тодд, Бог может все. Потому что Он — Бог.

— Угу. — Все еще нахмуренное личико исчезло из виду.

Я погладил ее руку.

— Хороший ответ.

Кто бы ни посоветовал Луизе остановиться в “Аризона Билтмор”, совет был прямо в цель. Главное здание в конце длинной извилистой дорожки, обсаженной пальмами и цветами, несло на себе благородный отпечаток другой, менее сумасбродной эры. Тем не менее все современные удобства для гостей были на месте. Тридцатиградусная жара тоже была благословенной переменной после двадцатиградусных морозов и снежных бурь, которые мы оставили дома.

За эти слишком короткие десять дней в Солнечной долине мы получили множество бесценных впечатлений. Мы. Какое милое слово. Мы делали покупки в гигантском “Метроцентре” Финикса. Мы ели огромные, поджаренные на углях бифштексы в патио у, остроконечной скалы и подбадривали криками хороших парней, устроивших инсценированную “перестрелку” после нашего обеда. Мы впервые видели настоящих ковбоев. Мы фотографировались у “Молящегося монаха” на горе Верблюжья Спина. Мы катались по пустыне на

¹⁷ 1 миля = 1853 м.

очень спокойных индейских лошадях. Мы карабкались на пик Скво. Мы катались в дилижансе и пили холодное имбирное пиво в салуне “Золотая красавица”.

Однажды днем, сидя у бассейна и нежась под южным солнцем, мы с Тоддом наблюдали, как его старший брат собирается выполнить свой клоунский прыжок в воду. Луиза лежала рядом. Я наклонился и обнял своего младшего парня.

— Ты счастлив?

— Еще как!

— Говорят, если начнешь год счастливым, будешь счастлив весь год. Ты с этим согласен?

Он вытирал голову большим полотенцем, так что его ответ оказался несколько смазан.

— Не-не-не-не знаю, папа.

— Что значит, не знаешь?

— Папа, ты сейчас все время в маяке с этими репортерами. Новый год будет счастливым, если все мы всё будем делать вместе. Как сейчас.

— Хорошо, сынок, здесь и сейчас даю тебе торжественное обещание, — проговорил я своим лучшим судейским голосом, поднимая правую руку. — Божьей волей, да проведет сия команда этот, 1982-й, год так же счастливо, как провела первый год после переезда в Джеффри.

Тодд наморщил лоб.

— Зачем ты сказал “Божьей волей”?

— Ну, это просто старая привычка, которой я научился у своего папы. Это значит, если Бог позволит мне жить, то мы...

Тодд крепко сжал мою руку.

— Ты что, собираешься умереть?

— Нет, нет, Тодд. Просто так говорят. Луиза внезапно вскочила на ноги.

— О’кей, банда, кончаем болтовню и, одеваемся. Примерно через час у нас свидание с обедом, и эти хорошенькие официантки из “Оранжевой” не любят долго ждать.

Дни пролетали так быстро, что в день нашего вылета в комнатах 212 и 214 были четыре вытянутых лица. Пока коридорные загружали чемоданы в багажник такси, я остановился у стойки и оплатил счет, а уже подходя к двери, я обнаружил, что ключ от комнаты мальчиков все еще у меня в кармане. Я вернулся, положил ключ на мраморную стойку и собрался идти.

— Мистер Кристофер!

Хорошенькая дежурная, которая только что заполнила мой счет, держала в руке конверт.

— Как хорошо, что вы вернулись. Забыла передать послание, которое лежит в вашем ящике.

Я стоял неподвижно, разглядывая конверт цвета кожи буйвола, на котором синими каллиграфическими буквами было выведено мое имя. Наконец я открыл конверт, извлек карточку с золотой каймой и прочитал:

Пей до дна из чаши удовольствий.

Никто не заслуживает их больше тебя.

Но готовься духовно.

Твой момент выбора стремительно приближается.

Эта карточка, как и первая, была подписана А. В. Салом. Никто из служащих не мог вспомнить, как этот конверт попал в мой ящик. Я скомкал и конверт, и карточку и бросил их в бронзовую урну, прежде чем выйти под слепящее солнце Финикса.

Глава двенадцатая

В конце марта 1982 года Чарльз Берген в сопровождении Давида Коронета, президента издательства “Голиаф”, крупнейшего в мире издателя книг в мягкой обложке, неожиданно появился перед нашей дверью. Чарльз неубедительно извинялся за незваный визит, но мы с Луизой были так рады наконец встретиться с этим парнем, что приветствовали его как блудного сына. Конечно, нам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к его появлению. Как я уже говорил, из-за постоянно охрипшего голоса мы представляли его стариком, но Чарльзу, как оказалось, едва перевалило за тридцать. Он передвигался с изяществом атлета и был одет в узкие джинсы и вязаный кашемировый жакет. Вряд ли типичный для издателя имидж.

Напротив, Давид Коронет прекрасно соответствовал образу. Тонкая талия, массивные, слегка округлые плечи, квадратная челюсть, рубленые черты лица и шапка снежно-белых непослушных волос. Даже темно-синий полосатый костюм и грудной баритон, казалось, соответствуют характеру этого легендарного гения книжного мира, который превратил “Голиаф” в издательский гигант, почти в одиночку и менее чем за двадцать лет.

В конце концов, после обычной экскурсии по дому и огороду, мы расположились в маяке. Луиза подала нам кофе и булочки и поспешно умчалась встретить Глена из школы.

Дэвид Коронет откинулся на спинку дивана, расстегнул пиджак, скрестил ноги и поднял свою чашку над головой.

— Здесь все — чудо! Башня Успеха! Самое подходящее название. Здесь все — холм, ваш дом, этот маяк — выглядит именно так, как описано во множестве статей. И вы с Луизой, Марк, именно такие, какими я надеялся вас найти, очаровательные, скромные, воистину практичные. Как здесь великолепно!

— Спасибо. Для нас большая честь, что вы заглянули к нам.

— Много лет назад я был знаком с Джошуа Кройдоном, — прозвучал голос пожилой издатель. — Между прочим, напечатал почти всю

серию его книг для детей. Это был блестящий талант. Много мог и умел сказать.

И только подумать, все его книги начинались здесь.

Я указал на рабочий стол.

— Это его пишущая машинка. Подарок мне от его жены.

Коронет поднялся, медленно подошел к столу и легко ударил по нескольким клавишам “Ундервуда”.

— И вы написали “Лучший способ жить” на этом реликте?

— От первого до последнего слова.

— Потрясающе! Как вы думаете, получилась бы книга такой же, если бы писалась на другой машинке и в другой обстановке?

Такой вопрос мне не задавал еще никто.

— Ну, не могу припомнить ни одного случая, чтобы призрак Джошуа Кройдона коснулся моего плеча и напечатал за меня пару предложений, если вы это имеете в виду. Это его студия и его пишущая машинка, но книга, уверяю вас, полностью моя. Без соавторов, тем более покойных.

Пожилой издатель усмехнулся.

— Простите меня. В последнее время “Голиаф” напечатал столько книг, связанных с оккультизмом, что я начал искать привидения под каждым фонарем. Расскажите мне о вашем домашнем почтовом офисе. Сколько писем вы получаете сегодня?

— Похоже, сейчас поток стабилизировался на восьми сотнях в неделю. Он в изумлении покачал головой.

— Невероятно, учитывая, что книга в продаже уже восемнадцать месяцев. И много писем от психов?

— По пачке в неделю, но мы не отвечаем на них, хотя и не выбрасываем.

— Они тревожат вас? Я колебался.

— Сначала тревожили, но сейчас мы смеемся над ними. Наверное, это часть платы за популярность, за добрую или дурную славу или как вы назовете это.

Чарльз наконец прервал продолжительное молчание.

— Марк, как замечательно, что мы в конце концов встретились, и как мне приятно обнаружить, что вы — именно тот человек, которого я надеялся увидеть. Вы, конечно, понимаете, что наш сегодняшний визит совсем не случаен.

Я усмехнулся.

— Как, разве вы не просто проезжали мимо?

Он нервно улыбнулся.

— Нет. Мы с Дэвидом несколько недель вели переговоры в Нью-Йорке и обсуждали возможность уступить “Голиафу” права на издание “Лучшего способа жить” в мягкой обложке на территории Соединенных Штатов.

Я повернулся к Дэвиду Коронету.

— Я не слишком хорошо знаком с издательским бизнесом, особенно по части книг в мягкой обложке, но разве не редактора и юристы занимаются у вас переговорами об уступке прав?

— И очень успешно занимаются. Но ваш издатель, вот этот, оказался крепким орешком, да и ваша книга так хорошо расходуется в твердом переплете, что он даже не желал обсуждать издание в мягкой обложке. Два моих редактора несколько месяцев занимались этим делом, пока не капитулировали и не перевалили его на мои плечи, потому что я ужасно хочу получить эту книгу для “Голиафа”. Марк, я упросил Чарльза привезти меня сюда, чтобы лично поговорить с вами. Я подготовился и хочу сделать вам предложение, от которого издательская индустрия встанет на уши, когда узнает новость. Предложенная сумма намного превысит все, что когда-либо выплачивалось авансом за права на издание книги в мягкой обложке.

Я повернулся к Чарльзу.

— Ничего не могу понять. По контракту вы вправе распоряжаться всеми вторичными правами на переиздание, не спрашивая моего разрешения. Вы уже продали права на издание в несколько стран, и это огромная работа. Почему вы решили проконсультироваться со мной на этот раз?

Чарльз откинулся на спинку кресла и наморщил лоб.

— Потому что контракт с “Голиафом”, Марк, зависит от вашего согласия на определенную деятельность в связи с продвижением на рынке этого издания в мягкой обложке.

— Вы имеете в виду один из тех безумных рекламных туров и проталкивание книги в радио- и теле-шоу по всей стране? Это вы хотите сказать?

Прежде чем Чарльз ответил, Коронет был уже на ногах. Он снял пиджак и бросил его на диван, предварительно достав из внутренне-го кармана длинную сигару. Потом закурил и произнес:

— Позвольте мне вкратце обрисовать наше предложение. Вы разрешите?

Я пожал плечами и откинулся на спинку.

— Марк, я действительно верю, что вы написали величайшую книгу об успехе. Она не только наполнена теорией и эффектными примерами, но и содержит разумные и практичные советы, следуя которым, каждый может изменить свою жизнь к лучшему. Я очень хочу заполучить эту книгу для “Голиафа” и уже изложил свою позицию перед нашим советом директоров. Их пришлось уговаривать, и я это сделал. Вот мое предложение. Наш первый тираж будет крупнейшим в истории книгоиздания — пятнадцать миллионов экземпляров! Ваша книга будет продаваться на каждом прилавке по всей стране — в булочных и аптеках, в газетных киосках и книжных магазинах, в аэропортах и универмагах. Для продвижения на рынке будут использованы специальные плакаты и реклама на местном радио и

телевидении по всей стране. Вы посетите двадцать четыре крупнейших города, проведете в каждом по два дня, выступая в самых популярных теле- и радиопрограммах, плюс дадите интервью для прессы и раздадите автографы на вашей книге в крупнейших книжных магазинах. В каждом городе вас будет сопровождать наш представитель, так что вам придется беспокоиться только о том, чтобы оставаться очаровательным Марком Кристофером. В конце, после сорока восьми дней тура, кампания увенчается вашей речью на заполненном до отказа стадионе “Янки” в Нью-Йорке. Эта речь, если мы сможем договориться, будет транслироваться одним из крупнейших телевизионных каналов. Конечно, мы проработаем заранее все детали тура и приложим все силы, чтобы вы не переутомились в путешествии.

— Речь на стадионе “Янки”?

— Почему нет? Это будет крупнейшее представление после визита Папы несколько лет назад. Мы продадим билеты и пожертвуем все доходы в выбранный вами благотворительный фонд. Возможно, даже организуем парад вдоль — или, хотите, поперек — Бродвея. Все, что захотите!

Чарльз наклонился ко мне.

— Марк, это издание “Голиафа” достигнет тех, кто не может позволить себе потратить десять долларов на книгу в твердом переплете, а это именно те люди, которым ваша книга нужна больше всего. Через массовое распространение ваших принципов вы сможете сделать для этой страны больше, чем Конгресс и президент вместе взятые. Вы выведете ее из апатии, жалости к себе и страха перед будущим. Я верю в это!

— Чарльз, вы вдруг заговорили как ярмарочный зазывала. Господи, это же просто книга. Это не “Нагорная проповедь, часть вторая”.

— Это не просто книга, — возразил Коронет. — Я убежден, это лучшая книга о помощи себе, когда-либо написанная. Это грандиозная дорожная карта, указывающая маршрут к лучшей жизни для каждого, кто последует вашим заповедям. Марк, послушайте, я знаю, как вы любите ваших сыновей и Луизу. Это видно из каждой статьи о вас. Забудьте о нас, забудьте о вашей публике, забудьте о себе и на минуту задумайтесь о семье. Если вы согласитесь с моими условиями, то можете быть уверены, что вашей семье никогда больше не придется беспокоиться о будущем. Насколько это важно для вас? Неужели пятьдесят дней жизни и реклама евангелия от Кристофера по всей стране — слишком высокая цена?

Чарльз молча рассматривал свои туфли от Гуччи. Его голова склонилась, словно ожидая, когда упадет топор палача. Мой топор.

— Давид, — услышал я собственный голос, — каков рекордный аванс, выплаченный за право переиздания в мягкой обложке бе-

стселлера в твердом переплете?

Старый издатель поскреб подбородок и ответил:

— Чуть больше трех миллионов долларов.

Я едва не задохнулся.

— Три миллиона?..

Давид положил мне руку на плечо и произнес:

— “Голиаф” готов заплатить существенно больше за “Лучший способ жить”. Я сделал глубокий вдох.

— Сколько?

— Пять миллионов долларов!

Глава тринадцатая

Через две недели, оставив Глена и Тодда на попечение Мэри Меллон, мы с Луизой отправились в Бостон и самолетом в Нью-Йорк чтобы присутствовать на великосветском приеме, устроенном “Голиафом” в нью-йоркском “Хилтоне” по поводу получения прав на издание “Лучшего способа жить”. Рекламный департамент “Голиафа” заработал проворно и основательно, как только контракт был подписан. Когда мы с Луизой, охраняемые с флангов Давидом Коронетом и Чарльзом Бергеном, вошли в огромный зал приемов отеля, нас приветствовала ликующая толпа, блеск фотовспышек и пугающее множество софитов.

Луиза, улыбаясь в телекамеры, слегка толкнула меня локтем и прошептала:

— Ну, на этот раз ты действительно заварил кашу!

— Просто продолжай улыбаться, любимая. У тебя это хорошо получается.

— Мой Бог, Марк, здесь Лорен Баколл и... и Чарлтон Хестон и мэр Нью-Йорка... как его зовут?

— Коч. Возможно, он поднесет нам ключи от города.

— Я бы предпочла бутерброд с ветчиной. Умираю от голода.

— Веди себя прилично. Тебя привели ужинать.

— Я нервничаю. Почему ты не нервничаешь?

— Еще как нервничаю. Просто я слишком ошеломлен, чтобы показывать это. Продолжай улыбаться. Будь хорошей девочкой...

В конце концов Дэвид и Чарльз смогли через море протянутых рук провести нас в центр зала, где в окружении накрытых столов стоял огромный торт-мороженое — скульптурное изображение Башни Успеха. Целая армия официантов разливала шампанское.

Дэвид вручил каждому из нас пустой бокал и налил доверху искрящийся “Дом Периньон”. Но прежде чем шипучая жидкость коснулась наших губ, нам пришлось позировать с поднятыми бокалами перед бесчисленным множеством фотографов. Наконец Дэвид сказал:

— Ну, думаю, пора. Подождите, пока я поприветствую наше

впечатляющее собрание знаменитостей, репортеров и дармоедов.

Бывают мужчины, рожденные носить смокинг, и Давид Коронет — один из них. Стоя безукоризненно прямо перед единственным микрофоном на низенькой сцене, он выглядел как председатель правления всего мира. Сложив перед собой руки, он спокойно ждал, пока шум в зале стихнет.

— Друзья, я приветствую всех вас. Это очень важный вечер в истории “Голиафа”, да и всей издательской индустрии Америки. Я горд объявить, что “Голиаф”, как многие из вас уже знают, приобрел права на переиздание книги, которая за два года стала величайшим бестселлером, всех времен в этой стране — среди книг в твердом переплете.

Он сделал паузу. Секунд на десять.

— Но ни один из вас еще не знает цену покупки, размер аванса в счет гонорара за “Лучший способ жить”. Такая сумма не выплачивалась за всю сорокапятилетнюю историю издания книг в мягкой обложке... пять миллионов долларов!

Старый издатель снова остановился. На этот раз у него не было выбора. Стоящая толпа издавала громкий рев, смесь звуков восхищения, удивления и зависти, перемежаемых свистом и визгом. Внезапно я почувствовал, что весь зал смотрит на меня и что Луиза пугливо жметя ко мне.

Голос Давида Коронета снова раздался в зале.

— Первый тираж “Голиафа” тоже будет рекордным — пятнадцать миллионов экземпляров. Уже три наши типографии работают круглосуточно, чтобы весь тираж был готов к 11 августа, чтобы книга была на каждом прилавке, когда Марк Кристофер начнет свой рекламный тур по двадцати четырем крупнейшим городам страны. Те из вас, кто представляет прессу, могут получить список городов и приблизительные даты его появления в каждом городе. Он выступит на радио и телевидении, проведет встречи с прессой и раздаст автографы в крупнейших магазинах. Возможно, вам будет интересно узнать, что мэры всех городов, в которых он побывает, любезно согласились объявить день его прибытия в город Днем Мистера Успех. Все это увенчается через сорок восемь дней появлением мистера Кристофера, наряду с впечатляющим списком знаменитостей, в качестве гвонздя программы на грандиозном шоу “Лучший способ жить” на стадионе “Янки” в Нью-Йорке. Это случится 28 сентября. Все доходы от продажи билетов будут пожертвованы в благотворительный фонд.

Аплодисменты, казалось, не затихали целую вечность. Затем Дэвид поднял правую руку.

— Леди и джентльмены, как вы все читали, мистер Кристофер редко отваживается на дальнейшее путешествие из своего дома на холме и горячо любимого маяка в Нью-Гемшпире, который символизирует

надежду и который все мы знаем под названием Башня Успеха. Однако сегодня мы имеем честь встречать здесь его...

— Еще бы он не приехал ради пяти миллионов баксов! — прокричал мужской голос из угла зала, и вся толпа, включая Дэвида, разразилась смехом. Потом оратор снова поднял руку.

— Сегодня мы имеем честь встречать здесь его и его очаровательную жену, и я думаю, раз уж приехал, он, возможно, поднимется на сцену и скажет несколько слов. Помните, однако, что это не пресс-конференция. Придержите свои вопросы, а если хотите получить интервью, проконсультируйтесь с рекламным департаментом “Голиафа”. Мы приложим все силы, чтобы запланировать его в удобное время. А сейчас, друзья, я с огромным удовольствием представляю вам человека, которого все мы называем Мистер Успех. Итак... Марк Кристофер!

Загремели аплодисменты, когда я поднялся на сцену, подошел к микрофону и пожал Давиду руку. На мгновение ослепленный софитами, я в волнении ждал, наклонив голову, пытаясь улыбаться в темноту перед собой и все еще не вполне представляя, что собираюсь сказать.

— Леди и джентльмены, все мы, полагаю, начинаем наше беспокойное путешествие по жизни с мечты, с устремления, с цели. Многие счастливики умудряются преодолеть все опасности, выбоины и ухабы на этом пути и достичь своей цели. Большинство из нас, однако, оказываются на обочине этой дороги, и мы спотыкаясь бредем по ней все отведенные нам годы, а наши надежды и мечты постепенно тают даже в наших мыслях. Что касается меня, то моя мечта была похоронена вместе с моей благословенной матерью двадцать пять лет назад.

В зале стало необычайно тихо.

— Сегодня, здесь, своим присутствием вы чувствуете не меня, а ее... и ее мечту. И, мама, где ты сейчас, прости, что потребовалось так много времени, но знай, что твой малыш наконец-то сделал это.

Спустя несколько часов, когда шампанское еще лилось для тех, кто не хотел выходить в дождливую нью-йоркскую ночь, Дэвид и Чарльз проводили нас к лифту, пообещав позвонить утром, перед нашим отъездом в аэропорт и домой. Поднимаясь в лифте, Луиза вздохнула.

— Милый, я горжусь тобой. Сегодня ты был великолепен.

Я поднял правую руку. Она дрожала.

— Интересно, сколько рук я сегодня пожал?

— Не знаю, но боюсь, это только начало.

— Надеюсь, я выживу.

— Выживешь... а когда этот тур закончится, ты снова будешь с нами и все будет как в старые времена. Вся эта шумиха рано или поздно затихнет. Даже национальные герои каждый год отодвигают-

ся в сторону новыми идолами.

Я повернул ключ в замке и распахнул перед Луизой дверь в наши апартаменты.

— О, Марк, — воскликнула она, указывая на кофейный столик и огромную вазу фруктов, плотно завернутых в целлофан. — Как это мило со стороны отеля!

Она сбросила туфли, поспешила к фруктам и внезапно отпрянула.

— Марк!

— Что случилось?

— Посмотри! .

Квадратный конверт цвета кожи буйвола разместился рядом с вазой. На нем синими каллиграфическими буквами было выведено мое имя. Я разорвал конверт и пробежал глазами короткое послание на карточке с золотой каймой, потом вручил ее Луизе.

Мистер Кристофер, твоя матушка хорошо осведомлена о твоих превосходных успехах. Связь между родителями и их детьми длится целую вечность. Ты обязан помнить, когда тебя попросят сделать выбор. До скорой встречи.

А. В. Салом

Луиза яростно толкнула вазу, и фрукты покатались по полу.

— Марк, кто бы ни написал это, он был сегодня в зале и слышал твои слова о матери. Мне страшно!

Я больше не мог от нее скрывать. Прижав жену к себе, я рассказал ей о втором послании, которое получил перед отъездом из “Аризона Билтмор”.

— Мы должны остановить это, — всхлипывала она. — Это не похоже на письма от психов, которые приходят домой. Этот человек преследует нас! Каким-то образом он смог подсунуть первое письмо в мешок с почтой в Нью-Гемпшире. Затем оставил тебе записку в отеле в Аризоне. А сейчас это! Зачем? Возможно, следует сообщить Дэвиду, когда он позвонит завтра... или в ФБР... Нам нужна помощь. Мы должны узнать, что хочет этот Авессалом, пока он не свел нас с ума.

У меня мурашки побежали по спине.

— Что ты сказала? Кто хочет?

— Авессалом.

— Луиза, отправитель этих подметных писем подписывается

А. В. Салом.

— И что же? Как ты это произнесешь?

— Авессалом?

— Вот именно!

— Авессалом, Авессалом. Что-то из Библии.

— Именно из Библии. Авессалом, я запомнила еще со времен воскресной школы, был сыном царя Давида... но это все, что я по-

мню.

— Так ты полагаешь, в имени есть какой-то намек?

— Кто знает? Но мы твердо знаем, что наш таинственный от-правитель был сегодня в отеле. Боже мой, возможно, даже в этой комнате! Готова поспорить, если ты позвонишь вниз, то окажется, что в номер ничего не доставляли.

Я позвонил дежурному. Луиза была права. Когда я положил трубку, она яростно листала страницы Библии, которую обнаружила на ночном столике. Наконец она остановилась и начала читать, ее округлившиеся глаза бегали по страницам. Я ждал, казалось, целую вечность, прежде чем она тихо закрыла Библию.

—Ну? .

Она отвернулась.

— Я была права, Марк. Авессалом был сыном царя Давида.

Молчание. Минуты шли.

— И? — нетерпеливо подсказал я.

— Он возглавил восстание против отца и был убит одним из военачальников царя Давида. Когда царю донесли о смерти сына, он в горе рыдал “и когда шел, говорил так:

“Сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой!”¹⁸.

Глава четырнадцатая

Мы уже подлетали к Бостону рейсом 23, когда Луиза; хлопнула меня. по колену и прервала очень редкий для нас затяжной период угрюмого молчания.

— Эй, что-то мы приуныли. Можно подумать, мы возвращаемся с похорон, а не с приема, где нас чествовали сливки издательского мира. Мы должны быть счастливейшими людьми на свете. Вскоре ты получишь больше денег, чем мы сможем потратить; твое имя стало нарицательным не только в стране, но и за рубежом; знаменитости просят у тебя автограф; миллионы чествуют и любят тебя за твою книгу — и ты посмотри на нас! Мы позволили трем запискам от какого-то психа помешать нашей радости и испортить самое важное событие в нашей жизни!

— Почему-то вчера, когда опрокинула вазу с фруктами, ты говорила совсем другое.

— Я знаю, — кивнула она. — Но после того великолепного приема было не так легко справиться с еще одним сообщением из сумеречной зоны.

— А сейчас ты уже не тревожишься?

— Конечно тревожусь. Но я решила, что не позволю неизвестно кому нажимать на кнопки моего настроения и указывать, что мне чувствовать. Ты писал об этом — как мы теряем свой суверенитет, когда позволяем словам или действиям внешних сил заставлять нас

думать, говорить или действовать вразрез с собственной личностью. Этого не должно случиться, если мы ополчимся против него, правильно?

— Правильно. Когда позволяешь кому-то давить на тебя, то отдаешь свою жизнь в чужие руки, и цена, которую потом приходится платить, оказывается очень высока.

— Я знаю это, но, наверное, забыла ненадолго. Между прочим, когда Чарльз и Дэвид звонили сегодня, ты сказал им о нашем таинственном корреспонденте?

— Нет. Я не считал нужным тревожить их.

— И что же мы будем делать с этой небольшой проблемой?

— То, что следовало бы сделать сразу после возвращения из Аризоны.

Стивен и Шейла Хаммонды были нашими ближайшими соседями в последний год нашей жизни в Бруклине. С того дня, когда их грузовичок прибыл из Мемфиса, в связи с переводом Стива, наши отношения укреплялись, пока не переросли в крепкую дружбу. Поначалу мы узнали только, что Стив работает на правительство, и, помню, лишь через несколько месяцев Шейла доверительно сообщила, что он — новый глава бостонского отделения Федерального бюро расследований. По множеству причин, объяснял Стив, сотрудники ФБР предпочитают, чтобы их профессия и домашний адрес не становились достоянием общественности, и ни я, ни Луиза не открыли их тайну, даже нашим детям.

Как только наш самолет приземлился в аэропорту Логан, я позвонил Стиву. Мне повезло: он был в своем офисе, собирался оставаться там весь день и рад был встретить старых соседей.

Мы провели больше двух часов в большом угловом кабинете Стива в здании федеральных агентств имени Джона Ф. Кеннеди. Мы рассказали ему то немногое, что знали, начиная с находки первого каллиграфического письма в мешке с почтой. Он что-то записывал в своем блокноте. Когда мы закончили, знакомая улыбка почти исчезла с его лица. Наконец он взял карточку, которую мы нашли в нашем номере в “Хилтоне”, и в сотый раз внимательно рассмотрел ее.

— Та первая карточка и конверт, Марк, по-прежнему висят на доске объявлений в твоей знаменитой Башне Успеха?

— Висели, когда мы уезжали.

— Можешь прислать их мне?

— Конечно.

— Я бы хотел отправить в лабораторию и записки, и конверты. Кроме того, можно взять отпечатки пальцев у тебя и Луизы? Возможно, удастся рассмотреть отпечатки, которые не принадлежат вам обоим.

— Все, что скажешь, Стив. Что ты сам думаешь? Зачем все это? У тебя, наверное, большой опыт в подобных вещах.

— Честно говоря, ребята, не знаю, что и подумать. Я добивался некоторого успеха в выслеживании вымогателей, но это — совсем иного сорта. Не так просто классифицировать. Дурацкие письма, конечно, ходят по всей стране. Получатели — президенты, кинозвезды, в последнее время спортсмены. На большинство из них проще не обращать внимания. Вы сами сказали, что получаете их множество, но Луиза правильно заметила, что этот человек, похоже, преследует вас. Он должен был быть в Нью-Гемпшире, чтобы положить конверт без адреса и штампа в мешок с почтой; он был в Финиксе, чтобы оставить второе послание для вас в отеле; он, вероятно, был в вашем номере в “Хилтоне” прошлой ночью. Конечно, при вашей нынешней популярности и, особенно, при деньгах, которые вы заработали за книгу, проще всего подумать о похищении. И ссылки в этих записках на некоторый будущий выбор, Марк, могут намекать на требования выкупа. Луиза, пожалуйста, не смотри так испуганно. Я не думаю, что речь идет о похищении вас или ваших детей. Не могу припомнить ни единого случая, чтобы похититель предупреждал свою жертву заранее, до намеченного акта. Нет... эта записка и те две, насколько я понял, скорее попытка какого-то друга предупредить вас о том, что ждет впереди.

— От какого-то друга? Тогда это очень похоже на Луизину теорию насчет Авессалома. Получается, сообщение в самом имени подписавшего?

Он пожал своими узкими плечами.

— На мой взгляд, все это слишком похоже на детективную историю со скрытыми намеками в стиле Эллери Куина. Но я так не думаю. Может быть что угодно. Там и тут встречаются странные люди. Некоторые рассылают поздравительные письма, которые взрываются, другие — собачий помет. Иные даже добавляют ЛСД в конфеты, которые, раздают маленьким детям на Хэллоуин¹⁹.

Вмешалась Луиза.

— А как насчет наших детей, Стив? Я не хочу пугать их без необходимости. Нужно ли сказать им? Господи, может нам нанять охранников? Пуститься в бега? Как нам справиться с этим? Что нам делать?

— Пока я бы не делал ничего, — сказал он, держа окаймленную золотом карточку за края. — Я знаю, что легко посоветовать, но трудно сделать, но я бы попытался выбросить все это из головы и жить своей жизнью. Эта последняя записка заканчивается словами “до скорой встречи”. Очевидно, какое бы решение ни предстояло принимать Марку, он сообщит об этом лично. Если это случится, Марк, я хочу, чтобы ты позвонил мне, как только сможешь. Я заставил себя

¹⁹ Вечер накануне Дня Всех Святых, 31 октября.

улыбнуться.

— Если представится такая возможность...

Он продолжил, словно не услышав меня.

— Свяжись со мной немедленно. Если меня не будет на месте, здесь знают, как найти меня. Оба усвоили? И если лаборатория сможет что-то вытянуть из этих карточек, я позвоню вам без промедления.

— Стив, — спросил я, — а что насчет каллиграфии? Это что-нибудь значит?

— Не обязательно. Каллиграфия есть каллиграфия. Кто угодно пользуется ей. Шейла сейчас ходит на занятия раз в неделю, чтобы научиться писать, как на этой карточке. Она собирается так подписывать рождественские открытки. Кстати, насчет подписи...

Он открыл ящик рабочего стола и извлек экземпляр “Лучшего способа жить”.

— Не будешь ли ты любезен подписать его для меня и Шейлы? Даже не могу рассказать, как эта книга помогла нам справиться с некоторыми личными проблемами. Никогда бы не подумал, что мой сосед, который всегда пережаривает барбекю и не может вбить гвоздь, обладает такой мудростью и талантом. Никто не знал.

Я подписал для них книгу и вручил ему. Наши руки на мгновение соприкоснулись.

— Наверное, иногда ужасно быть Мистером Успех, а, Марк?

Глава пятнадцатая

По моей просьбе, в конце весны и начале лета 1982 года наш дом на холме практически стал убежищем отшельников. Давид Коронет и его люди из “Голиафа” приняли на себя всю ответственность за рекламу “Лучшего способа жить” и продвижение книги на рынке и действовали великолепно. Я попросил у Давида три спокойных месяца для моей семьи перед началом ужасающего пятидесятидневного марафона по дорогам. Я решил, что мне потребуется время, чтобы морально подготовиться к атому суровому испытанию. Он неохотно согласился, хотя и сделал несколько попыток уговорить меня, но репортеры внезапно перестали каждый день стучаться в двери Башни Успеха.

Давид также проинформировал меня, что Эй-би-си²⁰ согласилась транслировать мое выступление на стадионе “Янки” 28 сентября, и моя речь должна быть не длиннее двадцати трех минут, потому что они планируют тридцатиминутный специальный выпуск в прямом эфире, который выйдет для восточного побережья в 10.30. Впечатляющая череда знаменитостей согласилась появиться в программе до моего телевизионного выступления, и я, услышав их имена, даже усомнился, смогу ли выступать после таких гигантов.

²⁰ Крупнейшая телевизионная вещательная компания США.

Вскоре я начал проводить спокойные утренние часы за трудной работой — сжать содержимое “Лучшего способа жить” для устного выступления. Вся речь на стадионе “Янки” должна вписаться в четыре тысячи слов и впитать в себя все важнейшие принципы. Не так просто. Позже я благодарил судьбу за эти вынужденные упражнения в краткости — те выдержки, которые я делал из каждой главы, чтобы отточить свою речь, во время тура стали огромным подспорьем перед выступлениями на радио, телевидении и перед прессой в каждом из городов.

Луиза и Глен, очевидно, вступившие в сговор, делали все от них зависящее, чтобы отвлечь меня от отсчета дней до 11 августа — даты начала тура, но как-то за завтраком в конце апреля Тодд по невинности нажал совершенно другую кнопку. Тренировки и сборы Детской бейсбольной лиги должны были начаться через три недели, и я, хотя и не мог из-за своего напряженного расписания тренировать команду, все же собирался по мере сил следить за моим растущим атлетом и рассчитывал, что год будет даже лучше, чем 1981-й, когда он сыграл шестнадцать игр на второй базе всего с двумя ошибками и имел счет отбитых мячей — 525, в том числе четыре законных полных пробега.

— Папа, — сказал он, отглатывая миску с кашей и дожидаясь моего полного внимания. — В этом году я попробую стать питчером.

— Тодд, ты лучше всех в лиге играешь на второй базе. Ради Бога, зачем тебе менять сейчас роль?

— Я всегда хотел подавать, папа.

— Почему же ты никогда не говорил мне этого?

— Потому что... — Он остановился, разглядывая правую ладонь в поисках нужных слов. — Потому что в прошлом году я играл в твоей команде и не хотел, чтобы остальные дети думали, что... что...

— Ты не хотел, чтобы остальные дети думали, что раз ты мой сын и я тренирую команду, то с тобой обращаются по-другому, если бы я поставил тебя питчером?

Он кивнул и посмотрел на меня с мольбой в больших карих глазах.

— Но в этом году ты не тренер, и я хочу попробовать. Ты мне можешь?

— Ты знаешь, что помогу. Все, что смогу. Что ты от меня хочешь?

— Я хочу бросать тебе мяч во дворе, каждый день. Мне нужно много работать над броском, и я хочу, чтобы ты мне помог.

— Ты настроен серьезно?

— Да, серьезно.

— Я буду отбивать. Но тебе придется трудиться больше, чем раньше. Ты готов заплатить такую цену?

— Готов, папа. Я знаю, что в этой жизни ничего стоящее не

достается легко. Луиза едва не подавилась куском тоста.

— Откуда ты узнал это, Тодд? — воскликнула она.

— Я читаю папину книгу, мама. В тот же день, пока Тодд был в школе, я съездил в самый большой спортивный магазин в Конкорде и сделал несколько покупок. Когда он вернулся домой, я уже возвел с южной стороны Башни Успеха насыпь и застелил ее резиновым ковриком для питчера. Ровно в сорока шести футах — официальная дистанция для Детской лиги — я установил снежно-белую пятиугольную пластину — “дом”.

Наши тренировки начались немедленно. Первые несколько дней мы только отработывали метательное движение Тодда, пока он не научился использовать для броска все тело, а не только руку. Постепенно его движение улучшалось, и неделю за неделей я заставлял его делать по пятьдесят подач в день, а сам считал очки и промахи. Он начал отработывать подачу на десятый день, посылая свой быстрый мяч, но потянул руку, и мяч долетал до “дома” лишь с двумя третями скорости его лучшего броска. Как большинство мальчиков его возраста, он хотел попробовать и крученую подачу, но мне удалось убедить его, что он и так превзойдет всех мальчишек, если научится как следует бросать в цель быстрый мяч.

Каждый день мой целеустремленный отпрыск улучшал свою технику, и его уверенность росла. Что более важно, он прислушивался к моим советам и старательно исправлял все, что я находил неправильным. Наши ежедневные тренировки озаряли весь мой день после утренней работы в маяке над речью. Мне снова было двенадцать лет, и я часто присоединялся к его путешествиям в славный мир бейсбольных фантазий, в те незабываемые путешествия, в которые некогда отправлялся со своим отцом.

— Давай, стрелок! — кричал я, присев за “домом” и выставив вперед ловушку. — Седьмая игра Мировой серии. Мы ведем в одно очко. Последний из девяти розыгрышей, два аута, все базы заполнены, ты только вышел из раздевалки и предстал перед Реджи Джексоном. Посмотрим, как ты справишься с ним!

Выставив вперед челюсть и наморщив лоб, Тодд свирепо смотрел со своего места и нахлобучивал свою синюю кепку клуба “Лос-Анджелес Доджерс”. Мощный замах. Выстрел. •

— Очко!

— Два очка!

— Мимо!

Он качал головой, недовольный результатом, поворачивался спиной ко мне, осматривал свою воображаемую команду. Наконец возвращался на подачу, бросал хмурый взгляд в моем направлении, изгибался, заносил обе руки за голову и... бросок!

— Три очка]

Затем я подбрасывал в воздух перчатку и бежал обнять и по-

здравить нашего героя Мировой серии.

— Я говорил, что смогу быть питчером, папа! — кричал он, повиснув у меня на шее и целуя меня, что вряд ли можно увидеть на стадионах Анахайма или Доджеров. — Спасибо за помощь. Я люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, сынок, и очень горжусь тобой. Думаю, у тебя все получится.

— В этом году я подам для тебя не берушуюся. Вот увидишь.

Я убежден, что лучшее наследство, которое мы можем оставить детям, это счастливые воспоминания: те драгоценные моменты, которые подобно цветным камушкам выкапываются из белого песка на пляже, укладываются в крошечные коробочки и хранятся неприкосновенно на высоких полках, пока однажды не забудутся, и время для ребенка, теперь уже взрослого, не повторится снова, со всеми своими горестями и радостями. Вспомнит ли Тодд эти наши тренировки в какой-нибудь из весенних дней лет двадцать спустя, когда сам будет первый раз учить собственного сына бросать мяч? Воспоминания. Лучшие хранители любви.

Нередко во время наших тренировок Луиза выходила из дома, чтобы поплодировать двум своим бейсболистам. Однажды днем, после тренировки, Тодд, вооружившись перчатками и битой, сел на велосипед в поисках дополнительных занятий, а мы двое расслабились на лавочке в тени маяка.

— Что-то ты тяжело дышишь, тренер, — подпустила шпильку она.

— И ты бы тяжело дышала, если бы тебе пришлось пятьдесят раз присесть, пытаясь защитить себя от маленького, очень твердого предмета, летящего тебе в голову со скоростью пятидесяти миль в час.

Она захихикала и прижалась щекой к моему взмокшему плечу. Трудно поверить, но мы с Луизой становились все ближе и ближе друг другу по мере приближения даты начала моего тура. После нескольких минут молчания она, наконец, спросила:

— Марк, кто такой Александр Энтони? Я словно знаю это имя, но не могу вспомнить.

— Почему ты спрашиваешь меня об Энтони?

— Сначала расскажи мне о нем, тогда отвечу почему.

— О'кей. Александр Энтони был фронтовым корреспондентом во время Второй мировой войны. После войны он написал небольшой бестселлер под названием "Как победить трудности жизни", который стал классикой литературы успеха. Если бы мне пришлось выбирать наилучшую из всех написанных книгу о помощи себе, я бы выбрал ее. Кроме того, он не написал больше ни одной книги.

Луиза хлопнула себя ладонью по лбу.

— Какая я растяпа! Конечно. Ты часто упоминал его в своих

речах в компании, и есть раздел о его принципах в твоём “Лучшем способе жить”, ведь так?

— Так. Энтони был загадочный человек. Достигнув вершины славы со своей книгой и оставаясь в течение нескольких лет на устах двух континентов, он внезапно исчез из виду, и никто больше не слышал о нём. Были написаны сотни статей о его исчезновении; он стал самой знаменитой пропавшей фигурой после Амелии Эрхарт²¹, пока публика рано или поздно не забыла о нём. Будь он ещё жив, ему было бы больше семидесяти...

— Думаю, он ещё жив, Марк, — отрывисто сказала Луиза, вручая мне открытку. — Это пришло с сегодняшней почтой.

Мелкий, неровный, но разборчивый почерк. Автор восхищался моей книгой и благодарил за теплые слова в его адрес. Он хотел бы, чтобы я посетил его, а живет он в Стоддарде, всего в двадцати милях отсюда. Я могу приехать, когда пожелаю, поскольку он всегда дома. Приложены указания, как найти его хижину. Открытка подписана Александр Энтони.

Я провел пальцами по подписи.

— Не могу поверить, Луиза.. Все равно что послание с того света. Меня приглашает в гости единственный человек в мире, поговорить с которым, поучиться у которого, я хотел бы больше всего — если бы не знал, что он давно умер. Почему меня? И где он был все эти годы? Книга этого человека изменила миллионы жизней и продолжает менять. Возможно, это просто розыгрыш. Ещё один шутник играет с нами.

— Не думаю, Марк. У меня предчувствие, что открытка настоящая. Очевидно, благодаря твоей книге он почувствовал родственную душу, которой может довериться. Так это или нет, но ты стал магнитом, и многих людей тянет к тебе, потому что твои слова глубоко тронули их души. Ты не можешь ни спрятаться, ни убежать от этого. Вскоре, боюсь, тебе придется встретиться с А. В. Саломом, кто бы он ни был. Но сейчас тебе пишет Александр Энтони, одинокий человек, которому ты нужен. Если его книга и его слова так много значат для тебя, у тебя нет выбора. Когда ты собираешься ехать к нему?

— Это охота за дикими гусями, я уверен.

Она продолжала смотреть на меня, но ничего не сказала.

— Завтра, — пообещал я.

Глава шестнадцатая

Указания на открытке соответствовали действительности. С первого же раза, сразу за деревушкой Стоддард, я нашел поворот со

²¹ Эрхарт, Амелия Мэри (1897—1937?) — знаменитая женщина-авиатор, пропавшая без вести над Тихим океаном во время выполнения кругосветного полета.

сто двадцать третьего шоссе на узкую, пыльную дорожку, красочно названную “тропинка к березе”, и протрясая по избитой колее ровно полмили. Затем я повернул направо в единственный проем в зарослях ежевики по обочинам и поехал по автомобильному следу, почти теряющемуся под осыпавшейся хвоей, который вывел меня к покосившемуся дощатому домику всего в нескольких ярдах от маленького, тихого пруда.

Рядом с открытой верандой, выходящей к воде, я увидел длинного, худого бородача между двух полениц наколотых дров. Он опирался на свой топор и внимательно наблюдал за появлением моего нового джипа 1982 года выпуска. Наконец его рот широко открылся, топор упал на землю, и линкольновская фигура торопливо захромала к моей машине, вытирая руки об истертые джинсы и клетчатую фланелевую рубашу.

Он подошел, едва я захлопнул дверцу, простирая ко мне руки и приветствуя меня самым очаровательным раскатистым басом.

— Вы, конечно, не кто иной, как великий Марк Кристофер! Приветствую вас в моей уединенной обители.

За время моего путешествия из Джеффри я думал, что подготовил себя морально к сомнительной возможности действительно встретить Александра Энтони во плоти, но сейчас, когда он усиленно тряс мне руку, потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

— Сэр, — наконец пробормотал я. — Даже не могу выразить, какая это огромная для меня честь... и потрясение. Я был уверен, что вас нет в живых.

Его полные губы, едва видимые под белой бородой и усами, растянулись в слабой улыбке.

— Есть много способов умереть, мистер Кристофер, много способов. Зайдемте-ка в дом и присядем.

Я уверен, что лагеря лесорубов в лесной глуши штата Мэн таят еще множество приятных сюрпризов. Старик провел меня через маленькую кухню, где пол был застелен протертым линолеумом, мимо почерневшей от старости дровяной плиты, круглого стола под линялой клеенкой, двух выкрашенных выцветшей зеленой краской стульев и заваленной невымытой посудой раковины из мыльного камня. Его гостиная, как он ее назвал, была обита некрашеным сосновым горбылем, а скрипучий пол местами покрыт дырявым половиком, на котором разместился шаткий кофейный столик, подпирающий небольшую гору газет и журналов. Столик окружали два продавленных кресла и диван, подлокотники которого были протерты до деревянной рамы. Одну из стен занимал огромный камин из дикого камня, выглядевший совершенно неуместно в своем убогом окружении. И повсюду были книги — целые колонны из книг, некоторые едва не касались некрашеного потолка.

Я отхлебнул из стакана холодного сидра, который он принес из

кухни, отчаянно подбирая слова, чтобы скрыть смущение, которое я ощутил, обнаружив моего давнего героя в такой жалкой обстановке. В этом не было необходимости. Присев на край дивана лицом ко мне, Александр Энтони, похоже, не собирался выражать сожаления по поводу состояния своей обители. Напротив, он изящно коснулся своим стаканом моего и заговорил с энтузиазмом.

— Я поднимаю бокал за вашу чудесную книгу и ее блестящего творца! Вам должно гордиться.

— Я горжусь, сэр, но я так многим обязан вам. Ваша великая книга направляла меня и в тяжкие, и в хорошие годы. Хорошие годы, я узнал, могут быть не менее трудны, чем плохие. Не знаю, чем была бы моя жизнь сейчас, если бы я не следовал принципам, которые узнал от вас. Вы научили меня справляться с миром, но еще более важно, вы научили меня справляться с собой.

Старик склонил голову.

— Вы очень добры. Даже после всех этих лет приятно слышать такие слова. Боюсь, тщеславие — почти неизлечимая болезнь. Но, Марк, позволь называть тебя просто Марком, мне пришлось много лет раздумывать над моим единственным литературным опытом, и я пришел к заключению, что книги, подобные нашим, книги успеха, если угодно, не заслуживают всей той шумихи, которую раздувают вокруг них. Они становятся чудачеством, мимолетной модой и не имеют почти никакого длительного влияния на человечество. Наполненные надеждой и воодушевлением, наши книги — не более чем таблетки аспирина от никогда не проходящей головной боли.

— При всем моем уважении, сэр, я не могу согласиться с вами. В прошлом году я получил тысячи писем...

Он поморщился словно от боли.

— Ах уж эти письма. Я помню их. Прости меня, сынок, но боюсь, ты тронул большинство своих читателей только на день, на неделю, на месяц. Они пишут тебе, находясь на вершине восторга, пока написанные твоим могучим пером идеи еще свежи в их памяти. На мгновение, возможно, ты убедил их, что они лучше, чем есть. Но их обновленные надежды редко выживают после следующего провала, и те же самые люди начинают сознавать, что они не подкованы выигрывать скачки и удел большинства — тянуть плуг, чтобы выжить. Я собрался ответить, но он поднял руку.

— Рано или поздно, Марк, все книги, подобные нашим, заканчивают век на полках, покрытые пылью забвения, тогда как их некогда восторженные владельцы продолжают жить, как метко определил Торо, “жизнью спокойного отчаяния”. Они отказались от себя. Они прекратили попытки. Да и вправе ли мы ожидать иного от большинства человеческого рода? В конце концов, величайшее наставление живет с нами, в той или иной форме, тысячи лет, но мы продолжаем действовать подобно животным, а не ангелам.

Он махнул рукой на газеты на кофейном столике.

— Даже сейчас, пока мы разговариваем, люди убивают друг друга в Афганистане, Иране, Ираке, Северной Ирландии, Камбодже, Намибии, Чаде, Гватемале, Ливане, Сальвадоре, Эфиопии — не говоря уже обо всех жутких преступлениях, которые совершаются ежедневно в любом городе по всему миру. Мы крадем друг у друга. Мы обманываем друг друга. Мы жестоко обходимся друг с другом. Мы пресмыкаемся друг перед другом в нашей погоне за властью, богатством и славой. Что хорошего, если праведные, подобные тебе и мне, провозглашают список принципов успеха, которые, нам известно, работают, которые, мы знаем, поведут людей к лучшей жизни, если следовать им. Но они не могут соблюсти даже десять простых заповедей. Мы зажигаем свечу во тьме, но привлечь можем только мотыльков. Так стоит ли пытаться? Стоит ли прикладывать усилия, чтобы спасти человеческую расу, которая, возможно, не стоит спасения?

Я не могу поверить услышанному. Дэйл Карнеги, советующий оскорблять каждого встречного”, или Норман Винсент Пил, проповедующий достоинства негативного мышления, не так бы шокировали меня. Что случилось с моим идолом? Неужели долгие годы отшельничества настолько отравили его? Или он просто проверяет меня, играя роль адвоката дьявола с его отвратительным презрением к человечеству, чтобы определить по моему ответу, искренен я или лицемерен? Как бы то ни было, я должен ответить. Ради себя самого. Я знал, что через несколько недель, во время моего рекламного тура, мне придется защищаться от подобных аргументов во всех двадцати четырех городах. Я — лакомая и разрешенная для отстрела дичь, а моя книга, так долго остающаяся бестселлером, делает меня превосходной мишенью для любого ведущего ток-шоу с охотничьей жилкой.

Я опорожнил свой стакан сидра и ответил:

— Алекс, я не знаю, стоит ли спасения человеческая раса, и, к счастью, не мне принимать это решение. Но я точно знаю, что многие человеческие существа стоят спасения. На каждого убийцу, которого вы мне укажете, я найду по крайней мере одного человека, который пожертвует своей жизнью ради другого, часто незнакомого. На каждого вора, в которого ткнете пальцем, я назову тысячу честных людей, которые не украдут куска хлеба, даже если их желудки будут пусты. Внутри каждой личности есть особый ингредиент. Мы никогда не видим его, мы никогда не прикасались к нему, мы не можем даже найти его место. Но он есть, и я убежден, он вложен туда Богом. Мы давали этому особому ингредиенту многие имена — душа, дух, свет, огонь, — но название не важно, если мы понимаем, что он есть особый дар, дар Божий. Беда в том, что эта таинственная сила, какой бы ярлык мы ни навесили на нее, дремлет в большинстве человеческих существ, обычно не по их вине. Мы живем в чертовски трудном

мире, и многие из нас не слишком хорошо могут справиться с ним, особенно сбиваемые с ног раз за разом. Сколько раз нужно упасть, чтобы решить отказаться от попыток? Сколько раз малыш должен услышать, от родителей или учителей, что в этой жизни ему ничего не добиться, прежде чем он смирится с этим вердиктом и проведет остаток своих дней, подтверждая пророчество? И тем не менее то особенное, невидимое внутри каждого из нас не дает болезни стать безнадежной, пока теплится дыхание жизни. Главная и самая важная функция наших книг — возвращать к жизни сей угасающий дух. Мы открываем двери темницы для миллионов, обречших себя на жизнь, которая и не жизнь вовсе. Да, Алекс, мы не можем спасти их всех, но даже величайший учитель, когда-либо ступавший на землю, не смог сделать этого — так зачем нам отчаиваться при меньшем результате? Мы можем лишь пытаться. Насколько лучше станет наш мир, если мы сможем спасти хотя бы одного человека из плена неудач и помочь ему полностью раскрыть свой потенциал? Неужели это недостаточная награда для любого человека? Для меня, я знаю, достаточная.

Морщины вокруг выцветших голубых глаз старика смягчились, и его голова почти неуловимо кивнула.

— Спасибо. Я просто хотел услышать это от тебя. Ты — хороший человек, Марк, и я прошу прощения, что провоцировал тебя, чтобы ты говорил от всего сердца. Если тебя интересует, я думаю точно так же. Мужчины и женщины могут уходить корнями в землю, и часто эти корни иссушены и голодают, но нет ни одного живущего человека, который не мог бы подняться и коснуться собственными пальцами вершины божественной радуги. И ты, и я, мой друг, лишь попытались показать им, как это сделать. Остальное зависит от них самих.

За несколько часов мы поговорили о многих вещах: о любви, надежде, неудаче, смерти, об успехе, о детях, об амбициях, авторах и даже о политике. Но до самого вечера, пока лучи заходящего солнца, отразившись в уснувшем пруду, не заиграли бликами на потолке, я не осмеливался задать вопрос, который витал невысказанным с самого момента встречи.

— Мистер Энтони... Алекс... что случилось с вами? Вы имели все: славу, деньги, восторги публики, успех. Весь мир был ваш. Вы были блистательным посланцем надежды для мира, зализывающего свои раны после самой кровопролитной войны в истории. А потом вы внезапно растворились. Почему? Почему вы бросили все, когда стояли там, где каждый мечтает стоять, на самой вершине горы?

Он вздохнул и нервно сжал свои длинные, когтистые пальцы.

— Трудный вопрос, Марк. А ответ еще труднее. Однако я сам пригласил тебя сюда, не так ли?

— Прошу прощения, сэр. Не следовало говорить об этом. Просто многие годы я чувствовал себя таким близким вам и не мог не

спросить.

— Нет, нет — ты был так любезен, что принял мое приглашение, и я обязан ответить тебе, пусть даже не обсуждал это ни с одним человеком в последние тридцать пять лет.

Он посмотрел на причудливую игру света, глубоко вдохнул и заговорил.

— Я не бросил все, Марк, я позволил всему этому убежать, просыпаться, словно песок сквозь пальцы. И виной тому моя глупость. Я мог рассказывать каждому, как справиться с жизнью и победить, но сам не мог совладать со своим успехом.

— Что случилось?

— Мы с Мардж поженились во время Великой депрессии, в 1934-м, когда я был еще неоперившимся репортером в “Ассошиэтед Пресс”. Год спустя Бог наградил нас прекрасным сыном, и Мардж настояла, вопреки моим протестам, назвать его -Александром. Мы жили в Сиракузах, когда грянула война, и мы не виделись почти три года, пока я описывал каждую крупную битву в Европе. Я вернулся домой к моей храброй леди, которая чудом умудрялась сводить концы с концами и справляться с десятилетним пацаном, который был мне почти незнаком. Но это продолжалось недолго. Бейсбол воссоединил нас. В те дни Детская лига еще делала первые шаги, но Алекс смог стать питчером в одной из новых команд, и мы отработывали бросок почти каждый день, когда я был дома.

Я улыбнулся.

— Как это знакомо. Тодд, мой младшенький, каждый день занимается со мной тем же самым.

— Лучшие денечки в моей жизни, Марк.

— Я знаю. В моей тоже.

— Я писал “Как победить трудности жизни” вечерами и по уик-эндам, основываясь на невероятных примерах смелости и воли к жизни, которым я был свидетелем на войне. Продал книгу первому же издателю, и она немедленно стала бестселлером. Это в корне изменило мою жизнь. Тогда еще не было сегодняшней рекламы книг во всех этих радио- и телевизионных ток-шоу, но однажды утром я проснулся знаменитым. Я даже проехался с туром по стране в отдельном железнодорожном салон-вагоне — на деньги издателя — и выступал в кинотеатрах, раздавал автографы в лучших магазинах и давал интервью для радио и прессы. Мне нравилось все это, особенно обожание людей. Многие хватали мою руку и целовали ее, когда я оставлял автограф на их книге, удивительные люди благодарили меня снова и снова за то, что я спас их жизни. Все это было слишком безумно для простого сельского паренька, даже немало преуспевшего в этом безумном мире. И женщины. О Боже! Я долго боролся с искушением, но чувствовал, что постепенно слабею во время затянувшихся путешествий вдали от дома. Рано или поздно я капитулировал. Они все были такие милые,

все только и мечтали быть рядом со знаменитым автором, а моя семья была далеко. Честно говоря, со временем я научился полностью выбрасывать жену и сына из головы — при помощи виски. Я даже покуривал травку, хотя тогда это еще не стало модой. Удовольствия. Удовольствия и игры... а поскольку каждый убеждал меня, что я больше чем жизнь, я не сомневался, что могу справиться со всем. Пока моя жена не прилетела в Сан-Франциско с неожиданным визитом — отпраздновать годовщину нашей свадьбы — и не обнаружила меня в отеле “Фэрмонт” в постели с молодой актрисой, которая позже стала достаточно знаменитой кинозвездой. Мардж без лишнего шума подала документы на развод и, конечно, добилась попечительства над Алексом.

— Что-нибудь просочилось в газеты?

— Нет, но за счет немалых денег моего издателя, который, я уверен, пытался лишь защитить свои вложения. В те дни новость о разводе по нравственным мотивам разрушила бы выстроенную систему торговли книгой. Но и мне не нужен был скандал, который уничтожил бы все, чего я достиг. Я продолжал разрушать себя. Я просто не мог пережить развод, не мог смириться с потерей Мардж и Алекса, поскольку понимал сердцем, что не заслуживаю быть частью их жизни после того, как надругался над их любовью и доверием ко мне. Я покатился под гору быстро и окончательно. Я проводил ночи в пьяном угаре, едва не лишился жизни в паре драк в баре и постепенно исчез из мира, который был так добр ко мне. Я не написал больше ни слова для печати. Как я мог писать и быть честным с самим собой после того, что натворил? Человек, который написал “Как победить трудности жизни”, позволил жизни победить себя. С вершины славы он свалился в грязь и с тех пор избрал для себя собственную кару. Видишь, Марк, Александр Энтони не растворился и не пропал. Он утонул в виски, унижении и жалости к себе. Я сжал его дрожащие руки.

— Кто-нибудь вокруг знает, кто вы? Он покачал головой с видом скорее заблудившегося мальчика, чем сломленного старика.

— Кто-нибудь из дорогих вам людей знает, что вы живы и здоровы? Ваш издатель?

— Нет.

— Они обязаны вам целым состоянием. Ваша книга по-прежнему хорошо продается, и гонорар с продаж поступает.

— Я никогда не смогу взять эти деньги. Я их не заслуживаю.

— А этот дом? Он ваш?

— Все мое. Куплено по дешевке много лет назад.

— Вы, должно быть, мерзнете зимой. Стены не кажутся слишком надежными.

— Да, слегка подмораживает, как говорят в этой части мира, но

я выживаю.

— А чем же вы поддерживаете себя, если не получаете, я смотрю, даже социальную пенсию?

— Разовыми работами.

— Алекс, вы больше не видели жену и сына?

— Никогда. Я слышал, Мардж снова вышла замуж...

— А ваш мальчик? Он закрыл глаза.

— Алекс был убит в Корее в начале 1953-го.

Он встал, захромал к камину взял какой-то предмет с полки, вернулся и положил его мне в руку.

— Вот все, что осталось от моего сына. Это — моя величайшая драгоценность, куда более ценная, чем моя жизнь.

Я держал бейсбольный мячик, детский бейсбольный мячик, на котором было выведено чернилами:

Папе С ЛЮБОВЬЮ. Алекс.

Слова “с любовью” были выведены большими жирными буквами и занимали почти половину белого кожаного мячика.

— Этот мячик он подарил мне после своей первой победы в роли питчера. Он сказал, что я заслужил его за все те часы, что тренировал его. Я видел ту игру и помню счет, словно все произошло только сегодня утром. Наша команда победила 8:1, и Алекс позволил отбить только три раза. Этот мячик лежал в моем чемодане, когда моя жизнь распалась. Иначе у меня не осталось бы ничего...

Тени деревьев сливались с синими сумерками, легкий туман начал подниматься над прудом, когда старик медленно проводил меня до машины. Внезапно он остановился, коснулся моей руки и спросил:

— Марк, тебе знакомо растение столетник, которое растет на юго-западе?

— Конечно. Мы видели множество их, когда были в январе в Аризоне. Такое забавное, голубоватые зазубренные клинки листьев торчат из общего основания.

— Именно так. Его называют столетником, потому что, по преданию, оно живет сто лет, но такое случается редко. Оно растет довольно медленно, десять, двадцать или даже пятьдесят лет, потом однажды, без видимых причин, внезапно выпускает из центра толстый стебель, стебель, который вырастает на двадцать футов меньше чем за месяц. Затем на верхушке стебля расцветает целый фейерверк крошечных желтых цветочков, на неделю или больше. Эти цветы выше всего живого в пустыне.

Было совсем темно, но я чувствовал, что старик неотрывно смотрит на меня и все крепче сжимает мою руку.

— Знаешь ли, что происходит потом, Марк?

— Нет, не знаю.

— Цветы уносит прочь ветром, длинный стебель засыхает и падает на землю, и столетник после краткого мига славы сохнет и умирает — грустная, но точная метафора для многих из нас, достигших огромного успеха. Кинозвезды, писатели, спортсмены, даже политики — люди, которые мгновенно врываются на сцену жизни и падают столь же быстро. Я был столетником, Марк, и уже больше половины жизни убеждаю себя, что, подобно этому растению, не имел власти над своей судьбой.

Путь домой казался бесконечным. Два вопроса вертелись в моей голове. Зачем он приглашал меня в гости и зачем ему потребовалось рассказывать мне о столетнике?

В ту ночь я спал очень мало.

Глава семнадцатая

Ранним утром 10 августа, после полусонной поездки из Джеффри, я расстался с моей семьей в аэропорту Логан на востоке Бостона. После долгих объятий и поцелуев и даже слез они трое прижались друг к другу, когда я подхватил свой кейс-атташе и дорожную сумку и ступил на трап самолета. Мне показалось, что Луиза произнесла мое имя. Я остановился и оглянулся. Тодд и Глен обнимали мать, и все трое махали руками и кричали: “Сломай себе ногу, сломай себе ногу!” Я едва не отменил тур в самом начале.

Рекламный департамент “Голиафа” составил расписание моего путешествия с точностью космического полета. Во время перелета в Сизтл, к месту моей первой запланированной остановки, я еще раз изучил содержимое толстого голубого пакета, которым снабдили меня и который содержал не только двадцать шесть авиабилетов, но и расписание на каждый из сорока восьми дней, включая Нью-Йорк. После старта на Западном побережье маршрут моего рекламного тура лежал на восток и был спланирован с минимальными возвращениями назад. После Сизтла я должен был появиться в Портленде, затем в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Сан-Диего, через Финикс на север в Солт-Лейк-Сити, на восток в Денвер, на юг в Альбукерке, далее в Даллас и Хьюстон и через всю страну в шестнадцать других городов и финишировать в Нью-Йорке 27 и 28 сентября. В одном городе за другим я давал превосходные интервью, мне задавали вопросы, по большей части доброжелательные и разумные, о жизни и успехе, о том, как выжить в мире” погрязшем в материальных ценностях. Появлялись и те немногие, кто хотел выставить меня дураком, богатым дураком, быстро уточняли они, или проходимцем, который написал книгу не для того, чтобы помочь человечеству, а для того, чтобы заработать кучу баксов. Я пытался, сдерживая свой темперамент, отвечать им, но вскоре открыл, что в этом нет необходимости, особенно во время телефонных бесед в прямом эфире. Каждый раз, когда меня атаковали ведущие этих программ, моя невидимая, но очень слыши-

мая публика всегда поднималась на мою защиту и рвала в клочья негостеприимного хозяина. Больше всего мне запомнились лица в книжных магазинах, лица, озаренные светом надежды и решимости, глаза, следящие за моими руками с почтением и благоговением, когда я раздавал автографы на книге для них или их любимых.

За первые две недели я похудел на двенадцать фунтов, и хотя моя энергия таяла и дни казались длиннее и длиннее, я не переставал каждый вечер звонить Луизе и мальчикам. Не важно, насколько поздно я возвращался в мой номер в отеле, в любой час дня или ночи я поддерживал контакт с семьей.

Однажды вечером, в середине тура я позвонил из Сент-Луиса. Луиза сняла трубку, и я почувствовал большее, чем обычно, возбуждение в ее голосе.

— Марк, у Тодда для тебя прекрасная новость, и он крутился весь вечер, дожидаясь твоего звонка. Вот, послушай его самого. Даю трубку.

— Папа?.

— Да, сынок.

— Помнишь, что я тебе говорил пару месяцев назад, во дворе, когда ты учил меня подавать мяч?

Мысли путались в моем усталом мозгу.

— Ну, Тодд, мы говорили очень о многом. Напомни мне.

— Помнишь, я говорил, что смогу в этом году выиграть для тебя целую игру без единого отбитого мяча?

— Только не говори мне...

— Я выиграл, папа! Я выиграл! Сегодня! Ни одного отбитого мяча, ни одной пробежки, а я один пробежал три базы!

— Ух ты! Это сенсация. Поздравляю, сынок! Я горжусь тобой. От этой новости и мой сегодняшний день, и все путешествие стали легче. Мне так жаль, что я не видел этого, но все равно спасибо. Спасибо! Я очень скучаю по тебе.

— И я скучаю, папа! Но ты скоро вернешься. Вот снова мама.

Я ждал. Луиза подошла к телефону не сразу.

— Луиза? Луиза, где ты?

— Я здесь, милый. Просто дожидалась, пока Тодд уйдет. Хочу сказать тебе еще кое-что...

— Что? Что случилось?

— Ну, после сегодняшней победы тренер Мэрфи наградил Тодда мячом. И всю дорогу домой он сидел рядом со мной на переднем сидении с мячом в перчатке и молчал. Наконец я спросила его, почему он загрустил после такой великолепной игры, и он заплакал и сказал, что все это ничего не стоит, потому что папа не видел.

— О Боже...

— Ты знаешь, что сегодня лежит на твоём столе?

— Что?

— Бейсбольный мяч. С этой игры. Он надписал его, когда мы приехали домой. “Папе С ЛЮБОВЬЮ. Тодд”. Слова “с любовью” выведены большими жирными буквами.

Глава восемнадцатая

Два рекламных дня в Мемфисе прошли отлично и очень продуктивно. По крайней мере на девятку по десятибалльной шкале. Великолепные интервью и восторженная толпа, штурмующая книжные магазины, плюс звонок Давида Коронета в первый же день в этом милом городе. По данным его торгового департамента и их компьютеров, за пять недель мы продали семь миллионов экземпляров книги в мягкой обложке. Это новый рекорд. Еще одна хорошая новость, которая, он уверен, обрадует меня, в том, что не только издание “Лучшего способа жить” в мягкой обложке возглавило список бестселлеров, согласно данным “Издательского еженедельника”, но и книга в твердом переплете остается во главе списка в своей категории — невиданное прежде достижение.

Обняв и поблагодарив Марсию Бечтол, представителя “Голиафа” в Мемфисе и моего прекрасного ангела-хранителя в течение последних двух суток, в девять вечера я погрузился на борт рейса 1774 компании “Дельта”. Прибытие в Атланту, следующий пункт моего путешествия, ожидалось в 23.26 с учетом перехода часового пояса, но крайне уплотненное расписание на каждый день больше не тревожило меня. Я уже привык к этой рутине, поддерживаемый мыслью о том, что после Атланты останется только семь городов и две недели, и я воссоединюсь с моей семьей.

— Похоже, вы летите в одиночестве, сэр, — заметила улыбающаяся стюардесса, принимая у меня плащ и осматривая пустой салон первого класса. — Могу я предложить вам что-нибудь перед взлетом?

Я покачал головой, радуясь, что она не узнала меня. После сегодняшней раздачи автографов в пяти магазинах в Мемфисе я, пожалуй, исчерпал свои ресурсы для ведения светской беседы.

Должно быть, я задремал, как только моя голова коснулась подголовника, и проснулся от тряски самолета, маневрирующего к месту взлета. Некто занимал сейчас кресло напротив. Воистину некто! Александр Энтони аккуратно расправил белую замшевую куртку под ремнем безопасности, потом повернулся и протянул мне свою крупную руку.

— Марк, приятно снова видеть тебя. Прекрасно выглядишь. Тур, похоже, идет тебе на пользу.

Что я мог сказать? Меньше всего я ожидал встретить именно его во время ночного перелета в Атланту. Или куда-то еще. Пока я усиленно пытался собраться с мыслями, “Боинг-727” внезапно рванулся вперед, разгоняясь по взлетной полосе с ревом всех своих лошади-

ных сил, со скрипом, стонами и толчками, и вскоре мы были в воздухе, немедленно начав правый поворот. Лишившись дара речи, я продолжал моргать, пока старик не улыбнулся и не похлопал меня по колену, словно ребенка.

— Надеюсь, ты не против, что я присел напротив тебя, учитывая, что у нас обоих достаточно длинные ноги. Ты, наверное, очень устал за день. Если хочешь, я могу пересесть, чтобы ты мог вытянуть ноги и вздремнуть. Остальные кресла пустыют, и стюардесса, думаю, не будет возражать.

— Не против? — запинаясь, спросил я. — Конечно, я не против, Алекс. Как мило встретить вас снова. Я просто пытаюсь оправиться от шока. Меньше всего я ожидал проснуться и обнаружить вас, здесь, напротив меня. Что вы делали в Мемфисе? Навещали друзей? Помните, вы говорили, что никто не знает, кто вы. Или вы путешествуете инкогнито?

Он засмеялся.

— Инкогнито? Да, да. Иногда я действительно прибегаю к этой уловке, когда выполняю свои разовые работы. Если на то пошло, сейчас я лечу с вами по обязанности.

Я покачал головой. По крайней мере, я еще способен воспринимать шутки старика.

— Надо полагать, во время этого задания вы используете другое имя? Он кивнул.

— Могу я спросить какое?

— Салом, — тихо произнес он. — А. В. Салом.

В полумраке салона я видел, как эти выцветшие голубые глаза изучают мое лицо, пытаюсь прочитать реакцию на его слова. Мое сердце колотилось, когда я расстегнул ремень безопасности и подался вперед.

— Вы? — закричал я, едва узнавая свой голос. — Вы!

Он ничего не сказал.

— Вы — тот псих, который шлет нам эти “подметные” письма, написанные каллиграфическим почерком? Они сводят нас с ума. Так вы — не Александр Энтони?

— Марк, я — настоящий Александр Энтони. Этими записками я просто пытался заранее предупредить тебя о том, что будет, и рассудил, что ты достаточно догадлив, чтобы интерпретировать их смысл, тем более, что я подписывался А. В. Салом.

Сейчас я боролся со своим гневом.

— Какой смысл? Будьте добры, я не силен в загадках.

— Авессалом. Сын царя Давида. Его смерть в битве и реакция его отца на эту трагическую развязку. Давид рыдал “и когда шел, говорил так: сын мой Авессалом! сын мой, сын мой Авессалом! о, кто дал бы мне умереть вместо тебя...”

— Алекс, я не понимаю, куда вы, черт возьми, клоните. И отка-

зываюсь верить, что человек с вашим интеллектом может опускаться до таких уродливых шуток. Не вы писали эти подметные письма.

Старик вздохнул, пожал плечами, подался вперед и взял из кармана соседнего кресла свежий номер “Неба”, рекламного журнала компании “Дельта”. Из внутреннего кармана куртки он извлек гигантскую авторучку, медленно снял колпачок, сделал надпись на обложке и вручил журнал мне. У меня засосало под ложечкой. Мое имя было выведено теми же синими каллиграфическими буквами, которые стреляли по нам во всех трех полученных записках. Внезапно я почувствовал себя словно в кресле стоматолога. Ту же беспомощность, бессилие, обреченность — вся власть отдана другому. Но я не мог сдаваться без борьбы.

— Алекс, а то приглашение посетить вас в Стоддарде?

— Да?

— Почему вы не использовали ту же бумагу и конверт, что в тех письмах, почему не написали каллиграфическими буквами и не подписали, как остальные, А. В. Салом? Он покачал головой.

— Потому что в этом случае, Марк, вы бы связались со своим приятелем из Федерального бюро расследований в Бостоне. Он бы настоял сопровождать вас, а это бы все осложнило.

— Откуда... откуда вы могли узнать о нем? Только Луиза...

— Сынок, не нападай на меня. Я мог узнать. Смирись с этим. Я хотел, чтобы ты приехал ко мне, в Стоддарт, один, потому что мне доверили передать тебе очень важное послание. Это одна из тех разовых работ, которые я время от времени выполняю. Я — просто посланец. Но чем дольше мы были вместе в тот день, тем больше ты мне нравился, пока я не понял всем сердцем, что не в силах выполнить свою неприятную обязанность. Это первое задание, которое я провалил.

Хотя мне очень хотелось услышать послание, я обязан был проверить его.

— Алекс, сколько посланий вы отправили?

— Три.

— Как вы доставили первое?

— Я подбросил его в мешок с почтой, который доставили вам домой, в Джеффри, вместе с другими мешками с письмами.

— И никто вас не заметил?

— Никто не видит меня, пока я сам этого не захочу.

— Второе письмо?

— Я оставил его у дежурного в отеле “Аризона Билтмор” в Финиксе. Оно едва не проскользнуло мимо тебя.

— Третье?

— Я принес его в ваш номер в нью-йоркском “Хилтоне” вместе с вазой превосходных фруктов.

— Вы были в зале “Хилтона” тем вечером? Вы слышали мою

речь?

— Ты очень почтительно высказался о твоей покойной матушке. Да, я слушал тебя.

— Ну, если вы были так близко от меня в Джеффри, в Финиксе и в Нью-Йорке, к чему было утруждать себя письменными посланиями? Почему бы просто не подойти и не передать на словах?

— Потому что было не время. Всею свой черед. Записки были моей идеей, и меня уже карали за них. Но я надеялся, что они откроют твой разум, немного подготовят тебя, особенно если ты поймешь, что тема Авессалома касается отца и сына.

— Моя жена подошла близко. Но я по-прежнему ничего не понимаю. Что, собственно, я должен был подумать? Я очень устал, Алекс, и я не уверен, что у трапа вас не поджидает полиция с наручниками, когда мы приземлимся в Атланте.

Он допил свой кофе, скомкал пластмассовую чашку в своем огромном кулаке и опустил получившийся шарик в карман соседнего сиденья.

— Верь мне, Марк, умоляю тебя. Я не лунатик, и это не игра. У меня просто есть послание для тебя. Я доставляю несколько таких посланий в год. Я сплоховал, когда ты был у меня в гостях в Стоддарде, но на этот раз я не ошибусь.

— О'кей, читайте послание.

— Сынок, — с дрожью в голосе проговорил он. — Я знаю, как ты любишь свою семью. Моя печальная обязанность информировать тебя, что один из твоих родных не доживет до конца года.

Мне вдруг стало трудно дышать.

— Откуда... откуда, во имя Господа, вы можете знать?

— Знаю точно.

— Что?

— Я знаю, потому что это послание от имени Господа.

— Алекс, Алекс, — застонал я. — Неужели вы рассчитываете, что я поверю, будто вы — ангел, доставляющий послание свыше? Боюсь, вы слишком долго жили в одиночестве, со всеми вашими мыслями и раскаяниями. Думаю, вам нужна помощь. Когда прилетим в Атланту, почему бы не подумать, чем я могу...

— Марк, дружище, я потерял всякое право на потребность в помощи много лет назад. Ты обязан верить, ты обязан признать мое послание как непреложный факт.

— Кто-то в моей семье собрался умирать?

— До первого дня нового года. Это уже предрешено свыше, — ответил он, указывая головой вверх.

Я закрыл глаза, рассуждая, стоит или нет позвать стюардессу. Решил, не стоит. Сыграем один на один.

— О'кей. Кто?

— Твой младший сын, Тодд.

Я взглянул через иллюминатор на безоблачное ночное небо. Полная луна сияла на отполированном алюминиевом крыле. Не поворачивая головы, я спросил:

— Известно, как умрет мой сын?

— Известно, конечно, — вздохнул он. — Но не мне. Я могу передать лишь то, что мне было поручено передать.

— Алекс, — проговорил я. — Люди умирают каждую секунду дня и ночи, по всему миру. И определенно без всякого предупреждения от нашего приятеля наверху. К чему было трудиться предупреждать меня?

— Потому что ты — особенный человек, Марк. Своей книгой ты изменил миллионы жизней, и благодаря твоим усилиям этот мир стал лучше. Огромная хвала тебе перед лицом Господа. И ты заслуживаешь особого подхода. Тебе дарована редчайшая возможность, и выбор сделать можешь только ты. Именно к этому выбору я пытался подготовить тебя своими непродуманными записками.

— Выбор?

— Марк, поскольку ты избранный, было решено, что ты можешь предотвратить смерть сына, если захочешь.

— Если захочу? Я сделаю что угодно, чтобы спасти сына. Любой отец так поступит.

Он погладил мою руку.

— Ты — не любой отец. Бесчисленные жизни, которые ты уже спас, помещают тебя в уникальную категорию.

— О'кей, что же я должен сделать, чтобы спасти моего сына?

Он продолжал гладить мою руку.

— Боюсь, есть лишь один выход. Ты можешь спасти его, если согласишься занять его место в списке. Это очень необычная милость, дарованная раз в год немногим избранным, лишь тем, кто заслужил особые привилегии и Божью благодать.

Я попытался выдавить из себя улыбку.

— Есть определенный выбор! Он нахмурился.

— Полагают, что лишь благодаря твоей глубокой любви к сыну тебе дарован этот выбор.

— Алекс, откуда мне знать, что вы — именно тот, за кого себя выдаете?

Он показал мне руки, ладонями вверх.

— Сожалею, что не могу предъявить удостоверение, подписанное Господом. Я не имею доказательств того, что мною сказанное — не пустая болтовня старика с извращенными мыслями и замогильным чувством юмора. Это всегда самое трудное в моей работе. Но ты будешь знать, ты будешь знать...

— И когда же я должен сделать выбор?

— Передай я послание в назначенный срок, в тот день, когда ты приезжал ко мне в Стоддарт, у тебя было бы больше времени раз-

мышлять над этой ужасной дилеммой, и за это я должен просить у тебя прощения. Но сейчас, боюсь, у тебя осталось совсем мало времени. Потому-то и потребовалось мне встретиться с тобой здесь, один на один, во время полета. Твое решение должно быть принято до полуночи 28 сентября.

Мой нервный смех был неискренним и кратким. Ночь 28 сентября, ночь всех ночей. Кульминация моего триумфального тура. В эту ночь я буду говорить перед переполненным стадионом “Янки” и бесчисленными миллионами телезрителей. Через четырнадцать дней!

— И как же я объявлю о моем решении, о моем выборе? Вы посетите меня в тот день?

— Нет, нет, боюсь, мы не увидимся больше, по крайней мере в ближайшем будущем. Как я прочитал в твоём расписании, двадцать восьмого ты будешь выступать на стадионе “Янки” после десяти вечера.

— В 10.30.

— Ты объявишь о своём решении очень просто. Если ты решаешь, что сын твой должен жить, а ты займешь его место и обречешь свою жизнь, ты будешь произносить речь, надев красный галстук. В любом случае, твой ответ будет замечен и зарегистрирован. Прошу, найди в своём сердце силы простить меня. Не могу передать тебе, как горько мне разносить столь печальные вести, но я давно отказался искать логику в моих посланиях. Я вызвался доставить послание тебе как брату-писателю. Я думал, возможно, мне достанет сил немного смягчить удар.

Слезы струились по его морщинистым щекам. Я наклонился вперед и взял его за руку.

— А после 28 сентября сколько времени останется до... до?.. Он пожал плечами.

— Не знаю, Марк. Не больше чем до первого дня нового года.

Я чувствовал, что обливаюсь потом, несмотря на струю холодного воздуха сверху. Неужели это происходит со мной? Или все это — безумный сон? Алекс расстегнул свой ремень безопасности, поднялся и медленно направился в туалет. Я сжал кулаки и неотрывно смотрел через иллюминатор на вспыхивающий фонарь на дальнем конце крыла.

— Сэр, будьте добры застегнуть ремень безопасности. Мы вскоре приземлимся.

— Приземлимся? Мы взлетели минут десять — пятнадцать назад!

Она странно посмотрела на меня.

— Мы в воздухе почти час, мистер Кристофер. Пожалуйста, застегните ремень.

Я кивнул на пустое кресло перед собой.

— Мой приятель все еще в туалете. Возможно, мне следует про-

верить, все ли с ним в порядке.

— Кто, сэр?

— Мой приятель, мистер Энтони... э-э... Салом. Тот мужчина, что сидел со мной. Ее улыбка немедленно растаяла.

— Сэр, никто не сидел с вами. Вы летели в одиночестве — единственный пассажир первого класса.

— О чем вы говорите? Он сидел здесь от самого Мемфиса. Она отвернулась.

— Мистер Кристофер, здесь не было других пассажиров.

Она ошибалась. Я знал, что она ошибалась. Я потянулся к карману сиденья в поисках смятой кофейной чашки, которую бросил туда Алекс. Пусто. Стюардесса протянула мне посадочную таблицу.

— Как видите, сэр, я внесла только одно имя в таблицу первого класса. Марк Кристофер. Никого больше.

— Я спал?

— Нет. Я предложила вам подушку, но вы отказались. Мы даже немного поговорили о вашей книге, разве вы не помните?

Не говоря ни слова, я расстегнул ремень безопасности, шагнул в проход и пробежал несколько шагов к туалету, куда вошел Алекс. На маленьком окошечке на дверце было написано “Свободно”. Я толкнул дверь и заглянул внутрь. Свободно!

— Будьте добры вернуться на место, сэр, — твердо проговорила юная леди, глядя в глубь салона.

Я смиренно подчинился, застегнул ремень и замер в своем кресле, пока мы заходили на посадку над международным аэропортом Атланты. Когда я повернулся, чтобы взглянуть в иллюминатор, моя нога наступила на брошенный на пол журнал. Я наклонился и поднял его.

Под ярко-красным заголовком “Небо” знакомым каллиграфическим почерком было выведено мое имя. И тогда, впервые, я обратил внимание на обложку. На мрачном фоне лиловых гор и выбеленной солнцем песчаной пустыни рос одинокий столетник его верхний зазубренный лист указывал прямо на мое имя.

Глава девятнадцатая

Упершись руками в бока, Давид Коронет стоял у окна моих апартаментов в нью-йоркском “Хилтоне” и мрачно смотрел сквозь залитое дождем стекло на потоки машин на авеню Америк.

— Проклятье, проклятье! — клял он погоду, яростно встряхивая головой. Он только что позвонил из моего номера по телефону и после долгих переговоров с Национальной службой погоды отменил грандиозный парад на Бродвее, который был запланирован для меня “Голиафом”.

— Они сказали, что мне остается уповать на милость Божью, — прорычал он, — потому что будь этот тропический тайфун чуть силь-

нее, через несколько дней его назвали бы ураганом Эрнесто. Что за дурацкое имя для урагана! Я думал, им всегда дают женские имена.

— Так и было еще три года назад, — сказал я. — Но эта чепуха о равных правах, как ты знаешь, работает в обе стороны.

— Ну, мы пока не спешим, — проворчал он, взглянув на часы. — Мальчики из службы погоды сказали мне, что окно тайфуна приблизилось с моря к Дозорному мысу и этот жалкий дождик кончится к концу дня, так что наш шабаш на стадионе “Янки”, слава Богу, не отменяется. Мне даже думать противно о том, что нам пришлось бы возвращать шестьдесят тысяч билетов, если бы пришлось менять расписание. А что Луиза? Она приедет посмотреть, как ее герой покоряет огромный город?

— Не сможет. Она позвонила из аэропорта Логан час назад. Вылет задерживается, говорят, на несколько часов. Сейчас она направляется домой, чтобы смотреть все по телевизору.

— Какой позор! Это вечер славы... и для нее тоже.

— Она будет с нашими мальчишками, и они все вместе будут помогать мне. Он закурил следующую сигару.

— Я так много хотел сказать тебе, Марк, но все забывал. Вчера, в “Сегодняшнем шоу” ты был просто великолепен.

— С Джейн Паули это было легко.

— Я пропустил твое сегодняшнее выступление в “Доброе утро, Америка”. Как все прошло?

— Дэвид Хартман продолжал рекламировать нашу телевизионную речь для Эй-би-си.

— Славно, славно.

Он снова взглянул на часы.

— Итак, каков твой распорядок на оставшуюся часть дня?

— Стюарт заедет за мной в час. Я буду около часа раздавать автографы в магазине “Мейси” и около часа в “Даблдей”, потом вернусь сюда и вздремну. Последнее время я что-то теряю силы к середине дня.

— Да, да. Отдых прежде всего. У тебя было немислимо уплотненное расписание, и мы все очень благодарны тебе за твою грандиозную работу. Программа на стадионе начнется в девять. Доктор Пил произнесет вступительную речь, затем выступят три лучших проповедника в стране, Каветт Роберт, Чарльз “Громада” Джонс и Чарльз Джарвис. Все они минут по двадцать будут болтать возвышенную позитивную чушь.

— Я слышал их всех. Ты постарался, Дэвид, мне трудно будет выступать после них. Не знаю, на что ты рассчитывал, поставив меня после этих трех профи.

Он смахнул пепел с сигары.

— Не беспокойся. Ты будешь великолепен. Итак, во сколько забрать тебя отсюда и отвезти на стадион? Ты хочешь послушать этих

говорунов?

— Если не возражаешь, Дэвид, я бы предпочел остаться здесь как можно дольше и сохранить силы.

— Нет проблем, — проговорил он, еще раз взглянув на часы. — Говорю тебе. Я буду здесь в девять. У нас будет достаточно времени, чтобы добраться до стадиона. Идет?

Когда он ушел, я открыл свой кейс-атташе и извлек карточки, на которых отпечатал свои заметки для речи. Каждая была пронумерована в верхнем правом углу, и я поймал себя на том, что рассматриваю карточку номер восемь, не прочитав ни единого слова. Я посмотрел на потоки дождя за окном, размышляя, как быстро промчались две недели после того памятного перелета из Мемфиса. Сколько бы ни пытался сконцентрироваться, я не мог вспомнить многие детали своих последующих визитов в Кливленд, Питсбург, Вашингтон, Балтимор, Филадельфию и Бостон — не считая ланча с президентом и первой леди в Белом доме и тех двух дней, что провел с Луизой во время визита в Бостон.

Целыми днями я разрывался на части, раздумывая, рассказать ли Луизе о моей второй встрече с Александром Энтони, и наконец решил, что не нужно мучить ее, не имеет смысла перекладывать часть тяжелой ноши на ее хрупкие плечи. При ее любви ко всем нам, как она сможет думать об ужасном выборе между сыном и мужем? Какая жена и мать сможет? Нет, конечное решение за мной и только за мной. Смирившись с этим леденящим душу фактом, я смог скрыть мою ужасную проблему даже от такой прозорливой женщины, как она, и мы провели в Бостоне счастливейшие сорок восемь часов во время коротких перерывов между интервью и раздачей автографов.

Стюарт заехал за мной, как и записано, в час. Я безостановочно подписывал книги и в “Мейси”, и в “Даблдей” и вернулся в свой номер к четырем. Я вздремнул, пока ровно в шесть не зазвенел будильник, заказал в номер сэндвичи с яичным салатом и молоко, принял душ и побрился. Затем, склевав половину сэндвича и выпив молоко, я в одной только рубашке рухнул на кровать и попытался сконцентрироваться на заметках.

Часом позже я все еще боролся с собой. Что со мной стряслось? Слова, которые я повторял так много раз в последние несколько недель, весомые фразы, провозглашающие наиболее позитивные и конструктивные принципы из моей книги, выглядели слабыми и неубедительными, когда я произносил их вслух. Я попытался снова, с самого начала. Ничуть не лучше. Звучит так, словно заучившийся школьник пересказывает содержание нудной книжки. Я знал, что дело не в материале. Дело во мне. Не лежит у меня сердце к сегодняшнему цирку, и слова, в которые я пытаюсь вдохнуть жизнь, звучат холодно и неуместно, потому что я повторял их из интервью в интервью, пока не начал чувствовать себя скорее попугаем, чем полномочным посланцем.

успеха.

Оставался еще час до того момента, когда мне пора одеваться. Хватит ли времени, чтобы составить другую, лучшую речь? Возможно. Я вскочил с кровати, схватил пачку чистых карточек и сел у маленького восьмиугольного столика у окна. Двадцать минут спустя я швырнул свою ручку в дальнюю стену. Бесполезно. Я написал только одно слово на единственной карточке — Авессалом! Неосознанное стало осознанным. Истина всплыла на поверхность, и мне не уйти от нее. В эту ночь Марк Кристофер обязан сделать главный выбор в своей жизни... Тодд или я... синий галстук или красный галстук.

Я снова рухнул на кровать, чувствуя тошноту и головокружение. Как могу я появиться перед огромной толпой и телекамерами, излучая чары, восторг и энтузиазм, если на сердце у меня лежит камень? Как? Даже зарывшись головой в мягкую подушку, я видел фотографию Луизы, Тодда и Глена в золотой рамке, которую ставил на каждый ночной столик в каждом отеле, в каждом городе. Я представил их, сидящих вместе в гостиной и в волнении ожидающих того великого момента, когда их отец и муж появится на телеэкране. Как могу я разочаровать их посредственным представлением? Случись такое, я воочию представляю завтрашние заголовки — Мистер Успех освистан на стадионе “Янки”! О, мой Бог!

Бог?

Библия лежала на ночном столике, рядом с фотографией. Я сел и взял ее в руки. Когда я был ребенком, мать устраивала особую игру, в которую мы часто играли вечерами. Мы открывали Библию на случайной странице, не глядя показывали пальцем и читали вслух строки, которых коснулся палец. Это, всегда уверяла она, специальное послание нам от Бога, которое поможет нам справиться с проблемами момента. Я верил ей. Что же, недавно я получил одно послание, переданное через Александра Энтони. Почему не получить следующее?

Я позволил Библии открыться в моих руках и, закрыв глаза, пробежал пальцем по правой странице. Когда я открыл глаза, мой палец указывал на два стиха из Матфея:

Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас²².

Я осторожно закрыл Библию, почувствовав себя в большем мире с собой, чем в течение двух недель.

В 10.15 Давид Корнет провел меня через просторную разде-

²² Мф. 10:19—20.

валку стадиона “Янки” и переполненный проход к сцене, где я пожал руку доктору Пилу и трем другим ораторам, которые пожелали мне удачи. Огромная сцена была возведена над “домом”, ряды кресел, все заполненные, расставлены полукругом по всему внутреннему бейсбольному полю. В центре внешнего поля я увидел уменьшенную копию Башни Успеха, вокруг которой выстраивалось действие шоу. Трибуны были заполнены, толпа уже начала скандировать: “Мистер Успех, Мистер Успех, нам нужен Мистер Успех!” Сколько раз этот клочок земли слышал подобные крики и встречал Рута, Герига, Димаджио, Мэнтла и Мариса?²³ Я оцепенел и едва поборол желание сбежать. Скрыться. Куда угодно!

Крепкая рука сжала мой правый локоть. Давид указал на три телекамеры на треногах, расставленные на небольших пьедесталах по краям поля и в самом центре, над насыпью питчера.

— Тот паренек в кепке для гольфа, тот, у третьей базы, — прокричал Дэвид мне на ухо, — режиссер нашей программы. Когда он даст мне знак, я выйду, поднимусь на сцену, пройду к микрофону и представлю тебя. Когда услышишь мои слова “Послушаем, что скажет нам Мистер Успех!”, выходи не торопясь. Дай себе время подняться по ступеням. Заведи их. Пусть аплодисменты снесут крышу. Усвоил? Я кивнул.

— А где твои заметки? — воскликнул он.

— Их нет.

— Ух ты! Ты собрался импровизировать двадцать три минуты?

— Не совсем.

Я едва слышал его сквозь рев толпы.

— Не совсем? Что ты имеешь в виду? В тот же самый момент мы увидели, как человек в кепке для гольфа сделал нам знак.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, парень, — прокричал Давид. — Желаю удачи!

— Спасибо, — сказал я, прочищая горло и выискивая носовой платок, чтобы стереть нервный пот со лба. — Боже, — прошептал я, — спаси и сохрани меня!

— Кстати, ты прекрасно выглядишь, Марк, — оглянувшись, прокричал Давид, уже направляясь к сцене. — Отличный костюм. Элегантный. И красный галстук тебе очень к лицу!

Глава двадцатая

Я абсолютно не могу вспомнить, как произносил речь. Я хорошо помню, как подходил к украшенной флагами сцене с батареей микрофонов в центре, помню, как махал рукой и улыбался в ответ на громоподобные аплодисменты.

Помню, как после выступления кланялся и посылал воздушные

²³ Бейсбольные звезды разных лет.

поцелуи в волнующийся океан улыбок во время, как позже восторженно говорил Давид, двадцатиминутной овации. Но из самой речи — ни слова. Полный ноль! Даже когда Луиза воспроизводила для меня видеозапись моего выступления, я не мог вспомнить ни одной произнесенной фразы.

Через пять дней после выступления на стадионе, в воскресенье, 3 октября, “Голиаф” напечатал рекламу в разворот в тридцати крупнейших газетах Соединенных Штатов и стенограмму моей речи, исключив только мои приветствия и благодарности Давиду Коронету за прекрасное представление меня публике.

Вот стенограмма моей речи, перепечатанная из одной из газет...

КЛЮЧ К ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

О мужчина или женщина... где бы ни нашли тебя эти слова, оторвись от трудов своих тяжких и забот сего дня и протяни мне свою руку. Отправимся в дальнее путешествие, в путешествие духа, которое, возможно, изменит всю твою жизнь, изменит к лучшему.

Мы будем, и ты, и я, искать не золото, не серебро, не нефть, но нечто более ценное — ключ, простой ключ, который откроет двери нашей темницы и освободит нас из ада несчастий, неудач и тревог. Мы выйдем на свет и получим хотя бы возможность исполнить наши мечты. И этот же ключ, найди мы его, откроет ларчик с секретом, ларчик, где хранится ответ на вопрос, который веками занимает умы человечества...

Есть ли лучший способ жить?

Нам говорили и говорят, что человек — лишь тварь, ничего не знающая и не способная узнать, пока ее не научат. Он не может ни говорить, ни ходить, ни есть по подсказке природы, он может лишь плакать.

Черета веков научила нас многому, но плач наш не ослаб, пусть даже знание возросло. Слезы отчаяния, неудачи, разочарования, жалости к себе, беспо-

мощности и страха льются сегодня, как и в те дни, когда Гомер стонал, что меж созданий земнородных, что ползают по тверди сей, вам не найти грустней, чем человек.

Отчего же так? Почему мы несчастны? Не нам ли говорили, что созданы мы по образу и подобию Бога, не нам ли даровано владычество над этим миром? Когда мы извергли из себя этот образ? Как отреклись от нашей власти? Где мы ошиблись? Почему чувствуем в наших сердцах, что и сегодня столь же далеки от счастья, как далеки были наши пращурь, чья жизнь от рождения до смерти была примитивной борьбой за существование?

Неужели Господь отвернулся от нас? Неужели Он устал от нашего неумения использовать все преимущества разума, таланта, который Он вдохнул в нас, рая, который завещал нам? Неужели Он ушел в другие миры и другие галактики, оставив нас на произвол судьбы? Мог ли Он оставить нас, вложив в каждого так много противоречий, что в своей бесконечной мудрости не мог не предвидеть неизбежных тревог?

Человек — единственное животное, которое способно смеяться и краснеть от стыда, тем не менее это создание, умеющее быть нежным и любящим, единственное из всех живых существ постоянно терзает себе подобных. Почему? Почему человек убивает, крадет, насилует, грабит, лжет и лицемерит, если он по природе своей — вершина творения? Зачем он своими глупыми действиями обрекает себя на жизнь в рабстве, нищете, несчастье и разочаровании, если он — центр мироздания, если на нем лежит

Божье благословение? Так можем ли мы, прожив в этом жалком состоянии множество веков, можем ли мы верить, что способны на перемены, что можем найти лучший способ жить?

Затем и отправляемся мы в путь, ты и я, так что внимай моим словам. От того, чего мы достигнем вместе, может зависеть, как ты проведешь остаток своих дней.

Начнем же это путешествие, как должно начинать любое путешествие, с ясного осознания, где мы находимся, когда отправляемся в путь. Твои ответы на пять вопросов должны точно определить твои координаты, твое нынешнее местоположение на дорожной карте жизни.

Управляешь ли ты своей жизнью?

В мире ли ты с собой и теми, кто окружают тебя?

Гордишься ли ты достигнутым?

Довольны ли ты и твоя семья плодами твоего труда?

Удовлетворен ли и счастлив ты?

Да, простые вопросы. Но трудно на них отвечать. Больно. Больно потому, что правдиво ответившие положительно на все пять встречающиеся реже, чем двадцатикаратный бриллиант чистой воды. Собери этих счастливиц вместе со всех концов света, и ты увидишь, что они — лишь малая толика шестимиллиардного населения Земли.

Почему? Почему мы не можем жить в мире и спокойствии, в счастье и довольстве на том благодатном шаре, что дарован нам с любовью?

Неужели мы всего лишь марионетки, актеры и актрисы на сцене? Неужели все мы обречены следовать пророчествам томимых тоской мудрецов прошлого? Прав ли был Иов, когда восклицал: “Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальюми”?²⁴ Истинную ли нашу

судьбу оплакивал Софокл, когда вопрошал: “Какой беды не сотворит человек? Какой тяжелой ноши не снесет?”, или Лукреций, окунавший свое стило в чернила и писавший: “О, жалкий разум человеческий! О, ослепленные бестии! В какой крошечной тьме, в какой величайшей опасности течет их жизнь от рождения до смерти!”

Легко насмехаться над людскими попытками жить лучшей жизнью. Эта игра существует с момента изгнания наших предков из рая. Огромное число приверженцев собирают те, кто презрительно заявляют, что всякая мораль глупа, что все мы рождены с петлей на шее. Их слова, многократно произнесенные в нашей истории и литературе, позволяют нам легко спрятаться, найти оправдание, когда мы ошибаемся, когда устаем от попыток улучшить положение, когда мы повержены силами, которые вне нашей власти, когда цепь неудач истощает наши ресурсы. Похоже, поражение легче снести, зная, что такова наша судьба, предсказанная множеством мудрецов. Итак, мы позволяем себе почти без борьбы тонуть в море заурядности. Позволяем нашему истинному потенциалу ржаветь без дела. Мы устало бредем сквозь то, что было бы лучшими годами нашей жизни, преисполненные горечи и жалости к себе, и лишь случайно выхватываем мимолетный отблеск того, что могло бы быть. Пророчество сбывается. Почему мы допустили эту трагедию, почему позволили этой чуме неудач и несчастья заразить нас? Почему мы, научившиеся побеждать смертельные болезни, летать к далеким планетам, наблюдать события в тысячах миль

от нашего уютного дома, создавать машины, стремящиеся исполнить любое наше желание, пересаживать человеческие органы и даже создавать жизнь в пробирке, почему мы так мало преуспели в том, чтобы улучшить мнение человека о себе самом и собственных талантах?

Неужели правы пророки обреченности, прежние и ныне здравствующие? Неужели мы здесь без цели? Неужели этот мир, этот вращающийся шарик, который мы населяем, не более чем муравейник, где одни муравьи добывают пищу, другие заботятся о малышах, - третьи бегают без дела и все суетятся? Неужели наша жизнь, наше ценнейшее достояние — не более чем проблеск времени между двумя вечностями, и второго шанса нам не дано?

Почему среди самого преуспевающего и жизнестойкого народа из всех живущих более трехсот тысяч человек ежегодно пытаются свести счеты с жизнью? Неужели из-за того, что все мы не можем справиться с реалиями наших дней, только за прошлый год было выписано более пятидесяти миллионов рецептов на валиум? Почему мы вынуждены лечить более четырех тысяч новых душевных расстройств каждые сутки и беспомощно оставаться в стороне, когда число наркоманов и алкоголиков растет в эпидемической пропорции? Неужели так мы должны жить, боясь неудачи и ужасаясь каждого дня с такой страстью, что готовы выброситься из окна, даже если это будет наш последний полет?

Должен быть лучший способ жить.

Есть лучший способ жить!

Когда нам было даровано владычество над миром, мы получили также власть над самими собой. Бог — не рулевой наших душ. Никогда Его намерением не было вычерчивать курс для каждого из нас — это значило бы сделать нас Его рабами. Нет, Он наделил каждого из нас разумом, талантом и зрением, чтобы прокладывать собственный путь, писать собственную Книгу Жизни так, как мы выберем сами.

Выбор! Вот наш ключ. У тебя есть выбор. Тебе не нужно проводить жизнь, погрязнув в неудачах, невежестве, горе, нищете, позоре и жалости к себе. Воспрянь! Но если это правда, почему же столь многие из нас явно предпочитают жить той жалкой жизнью? Найдется ли глупец, который предпочтет неудачу успеху, невежество знанию, нищету богатству? Нет такого глупца! Так как же мы объясним, что большинство людей продолжают влачить существование в безнадежной заурядности, с неосуществленными мечтами, в разочаровании, зависти, лишены уверенности и уважения к себе, неспособные выполнять даже повседневные обязанности? И грустно — ах как грустно — видеть, что каждый новый день, несмотря на потоки слез, не дает новых ростков надежды, а лишь новые сорняки отчаяния.

Ответ прост и очевиден. Тот, кто живет в несчастье и неудачах, никогда не исследовал свои возможности к лучшей жизни, потому что не ведал, что имеет выбор!. Жизнь для него никогда не была игрой, где побеждает мастерство, где знания, смелость, настойчивость и напряженный труд могут обратить неудачу в успех, невзгоды в счастье. Нет, эти легионы неудачников считают жизнь войной, где они всегда в обороне, где борются своими малыми талантами против превосходящих сил — войной, в которой они всегда обречены на пора-

жение, потому что свято веруют, что их единственный выбор: выжить или умереть. Как грустно!

Если тебе известно, что значит питаться горькими плодами неудач, что значит трудиться, имея несчастье быть единственным компаньоном, и засыпать со слезами отчаяния и безнадежности, отбрось черную занавесь. Осмотрись. Реши, какой выбор еще доступен для тебя. Этот выбор ты можешь сделать немедленно, каково бы ни было твое нынешнее положение, и прожить остаток жизни так, как желал твой Творец, — во славе, а не в позоре.

Прими мои слова как свои собственные слова. Вложи их в свое сердце и позволь этим старым принципам, этим забытым правилам, этим священным канонам прошлого стать публичной декларацией твоих намерений жить лучшей жизнью. Это твой личный манифест...

Как многие из нас просыпаются утром со страхом в сердце. Мучительно больно просыпаются, чтобы предстать перед однообразием еще одного дня с его бесконечным, тяжким трудом за столь малое вознаграждение. Мы умываемся, надеваем наши костюмы и нехотя представляем себя выползти из нашего уютного кокона, чтобы столкнуться с миром, который, по нашим представлениям, готов пожрать нас или раздавить своей пятой. Каждый день повторяется эта мука, и лишь часы тянутся дольше по прошествии лет. Тело изношено. Разум устал. Долги нарастают. Будущее сумрачно. Наконец день прошел. Благодатный сон. Забытье. Но поутру солнце взойдет снова.

Я выбрал лучший способ жить! В силу этого каждое утро я преклоняю колени, чтобы благодарить Бога за то сокровище, даровать которое может лишь Он — за новый день. Это мое бесценное достоинство. Почувствуй я неблагодарность и отнесись к этому чуду с пренебрежением, мне достаточно лишь открыть утреннюю газету на странице некрологов и пробежать глазами длинный список имен —

имен людей, которые поменялись бы со мною местами, несмотря на все мои проблемы. Нет проблем на кладбище. Но я, предпочитаю быть здесь, а не там. Я благодарен за эту возможность. Моей благодарностью будет все то, что я сделаю за день. Солнечные часы отсчитывают часы, лишь пока светит солнце, но я сочту их все. Я буду дорожить каждой минутой. Я бессмертен, пока моя работа не сделана, а я только начал. Спасибо, Боже, за эти новые часы и минуты. Мне нужен этот день, чтобы доказать, что Твоя вера в мои способности не была напрасной. Я покидаю дом с улыбкой. Птицы поют — когда я последний раз слышал их? Как я счастлив быть здесь.

Как многие из нас проводят свою жизнь в погоне за счастьем. Подобно детям, гоняющимся за пасхальными яйцами, мы бросаемся из стороны в сторону в надежде поймать за хвост мифическую синюю птицу. Жизнь была бы совсем другой, вздыхаем мы, улыбнись нам счастье. И вот один торопится домой, чтобы быть счастливым, другой бежит из дома в поисках счастья. Один женится, чтобы быть счастливым, другой разводится в поисках счастья. Один отправляется в дорогостоящий круиз в поисках счастья, другой трудится сверхурочно, чтобы быть счастливым. Бесконечные поиски. Растраченные годы. Безумие. До луны никогда не дотянуться, плод не созрел — вино слишком кислое. Призраки. Слезы. Лишь подушка знает всю правду.

Я выбрал лучший способ жить! В силу этого моя погоня за счастьем закончена. Как я был слеп! Сейчас я знаю, что счастье прячется не в том новом доме, не в той новой карьере, не в том новом друге. Счастье нельзя купить. Пока я не нахожу удовлетворения в себе, бесполезно искать его где-либо. Пока я ищу радость во внешнем, не зависящем от меня, я обречен на разочарование. Счастье, я сейчас понимаю, не в том, чтобы брать. Оно состоит из удовлетворения от того, что я получил, и того, чего не получил. Немногое необходимо для счастья мудрецу, но никакие богатства не принесут удовольствия глупцу. Я не глупец. Я очертил вокруг себя круг. Каждый раз, пересекая его, я буду отдавать, а не получать. Мои потребности малы. Пока у меня есть, чем заняться, кого любить и на что надеяться, я буду счастлив. Сейчас я знаю, что единственный источник счастья спрятан внутри меня, и я начну делиться им. Как духи с сильным ароматом, я

знаю, что не могу вылить их на других, чтобы ни капли не попало на меня.

Как многие из нас считают труд тяжелой повинностью, едва не рабством. С начала рабочего дня мы с трудом волочим ноги, словно они закованы в кандалы, наши руки неохотно выполняют работу, а глаза постоянно поглядывают на часы. Скорей бы прошел день, молим мы, и мы бы сбежали из этого отвратительного места и скрылись в темноте. Мы вздрагиваем от голоса начальника, презираем власть, которая командует, что нам делать и о чем думать во время работы. Мы чувствуем себя беспомощными. Подобными ребенку. Ослушайся, и ты будешь наказан. Наша потребность в пище, в крыше над головой, само наше существование предписывает, что мы должны трудиться. Неужели таков наш рок? Неужели все эти инструменты, эти переговоры, эти безжизненные компьютеры — мое единственное будущее, пока смерть не избавит меня? Неужели это все, что у меня есть? Дайте мне отдохнуть.

Я выбрал лучший способ жить! В силу этого я справлюсь с любой работой, которая выпадет мне, какой бы унижительной, тяжелой и утомительной ни казалась она, если от наилучшего исполнения ее зависит мой вход в Царствие Небесное. Сейчас я знаю надежнейший рецепт успеха, который когда-либо знал человек. Сейчас я знаю, что, всегда выполняя сверх предписанного мне, я лишь сделаю больший шаг к лучшей и более плодотворной карьере. Моя нынешняя работа — не пожизненный приговор. У меня есть ключ, чтобы освободить себя. Мне нужно лишь броситься на работу с энтузиазмом, с инициативой, с любовью, и оковы спадут с моих ног. Я не винтик в колесе. Я — все колесо и обязан доказать это. Как? Демонстрируя своими действиями, что стою больше, чем те монеты, что получаю сейчас. Эта работа — лишь промежуточная станция. У Бога есть большие планы на меня, но они не исполнятся волей случая. Я обязан заслужить привилегию справляться с более трудным заданием. Я могу расти, могу расти здесь и сейчас, чем бы ни занимались мои руки. Награда придет. Я в это верю.

Как многие из нас принижают себя, видят себя хуже, чем есть. Мы сдерживаем себя излишними предосторожностями. Мы боимся рискнуть. Мы недостаточно самоуверенны. И мы умираем, не достигнув вершины жизни, хотя могли бы не ложиться в землю до ста десяти лет. Что случилось с грандиозными мечтами юности? Убиты. Сражены нашей собственной осторожностью, неверием, в себя и свои способности. Возможности? Их было множество. Но всегда был риск. Посмеем ли мы. Мы не решаемся. Время спешит. Возможность ушла. Мы в тоске. Годы катятся дальше. Наконец мы убеждаем себя, что слишком поздно, и довольствуемся дешевой имитацией жизни. И завидуем преуспевшим. Какие они счастливичики.

Я выбрал лучший способ жить! В силу этого я иду на любой риск и хватаюсь за любую возможность, которая может создать лучшую жизнь для меня и моей семьи. Права старая поговорка — под лежащий камень вода не течет. Лучше быть в движении, даже попусту растрчивать энергию, чем навек похоронить себя в топком болоте. Удача придет достаточно скоро. Позже я буду презирать себя, если оглянувшись назад, пойму, что имел и талант, и силы добиться грандиозного успеха, но не имел смелости рискнуть. Я знаю, что могу сделать, и знаю, как мало еще сделал. Я растрчивал мои возможности, как дети на пляже набирают пригоршни песка и позволяют ему высыпаться сквозь раскрытые пальцы. Еще не слишком поздно начать. Я еще могу наполнить свои ладони. Я еще могу вылепить свой будущий успех и счастье. Я способен на великое чудо и знаю, что мои достижения никогда не поднимутся выше, чем моя вера в себя. Я имею новую веру. Я создан по образу и подобию Бога. Я создан не для провалов. Отступить? Возможно. Бежать? Никогда!

Эти четыре позитивных жизненных выбора — лишь малая выборка из бесчисленных возможностей, открывающихся тебе каждый день. Сейчас, когда ты понял ход мысли, когда увидел, как легко отделить зерна от плевел твоей жизни, когда узнал правду о том, что выбор у тебя есть

всегда, нет нужды продолжать список наших обычных бед и средств их исцеления. Этот мир уже переполнен руководствами, рекомендациями, “как сделать”, курсами и кассетами, распространяющимися по свету секреты успеха, которые ни для кого не секрет. Меньше всего тебе нужен еще один набор принципов или наставлений, как стать большим, как накопить богатство, как восстановить пошатнувшееся уважение в себе. Если бы истина была известна, мы, люди, редко уделяли бы внимание столбцам с инструкциями, правилами, законами и канонами, какими бы важными и полезными они ни казались. Подумайте только о важнейшем руководстве для нас, живущих, о Десяти заповедях. Даже эти священные заповеди часто остаются в забвении, потому что меньше половины из нас, благочестиво верующих — или ханжески притворяющихся — способны процитировать хотя бы пять!

А как же счастье, душевный покой, удовлетворение и достоинство? Если твой выбор — оторваться от земли и добиться успеха, если твой выбор — стремление к известности и славе, должно ли пожертвовать этими неотъемлемыми свойствами хорошей жизни? Будут ли они той ужасной ценой, которую придется заплатить тебе и твоей семье за достижение новых целей?

Выбор за тобой. Ты хочешь получить все — успех плюс счастье, душевный покой, удовлетворение и достоинство? Не слишком ли многого ты ожидаешь? Нет! Открой свое сердце, и ты найдешь, что это не трудно. Просто проживи каждый день так, как молились жить те двое в давние времена, те двое, что были

*специальными посланцами Бога.
Остановись и вспомни их смиренные
молитвы, соединенные здесь лишь
потому, что исходят они из того же
любящего сердца:*

*Господи, сделай меня орудием Твоей
воли;*

*И там, где ненависть, дай мне увидеть
любовь;*

Там, где сомнения, — веру;

Там, где отчаяние, — надежду;

Там, где тьма, — свет;

И там, где печаль, — радость.

Я пришел в этот мир лишь один раз. Дай мне совершить все доброе, что я могу совершить. Не дай мне ни отступить, ни пренебречь добром, ибо второй жизни мне не дано.

Итак, ты свободен!

*Ты можешь, наконец, открыть двери
своей темницы и с высоко поднятой
головой шагать к тому будущему,
которого заслуживаешь. Знай, что
Бог не требует от тебя жить в
кредит; Он платит нам тем, что мы
заслужили — добром или злом, раем
или адом, по нашему собственному
выбору.*

*Есть лучший способ жить... и ты на-
шел потерянный ключ!*

Сделай свой выбор! Воспользуйся им!

Глава двадцать первая

На следующий день после выступления на стадионе “Янки” я вернулся в Джеффри совершенно опустошенный. Лишенный и эмоциональных, и физических сил. Доковыляв до своей постели после, казалось, года отсутствия, я проспал целые сутки. Тем не менее, к изумлению Луизы, всего через два дня я вернулся в свою возлюбленную Башню Успеха и застучал по старому “Ундервуду”, торопясь записать воспоминания о событиях шести прошедших лет, прежде чем закончатся мои дни и ночи. “Не позже первого дня нового года”, — предупреждал Алекс. Конечно, Луиза верила, что я начал работу над следующей книгой, вдохновленный свежим опытом и встречами во время тура. Я отнюдь не старался развеять ее заблуждение.

Работа над этим повествованием заняла пятнадцать дней, и я поставил последнюю точку 18 октября. Что касается заключительной,

двадцатой главы, я написал, как ты уже прочитал, лишь несколько слов о своей неспособности вспомнить свою речь и приложил газетную страницу с рекламой “Голиафа” и стенограммой речи, названной “Ключ к лучшей жизни”. Затем я положил все в папку, спрятал в нижний ящик моего рабочего стола и запер на ключ. Каждая из уже прочитанных тобой глав осталась именно такой, какой я написал; никаких изменений не вносилось в свете случившегося позже.

Луиза, я уверен, почувствовала перемену во мне. Возможно, сыновья тоже. Изю всех сил стараясь быть тем “же мужем и отцом, каким был всегда, я знал, что терплю фиаско. Я стал раздражительным, выходил из себя по пустякам, и та атмосфера беззлобного подшучивания, которая всегда была столь драгоценной частью нашего семейного общения, почти исчезла. Между, собой, наверное, они списывали мое странное поведение на огромное напряжение, которое я испытывал во время тура. Скоро, со дня на день, папа снова будет самим собой.

Каждое утро я просыпался с благодарностью за новый день, но эта радость быстро рассасывалась и сменялась болезненным предчувствием того, что этот день может быть последним из дней, когда я вижу солнце, вдыхаю запах сосен или слышу голоса тех, кого так люблю. Целыми днями я рылся в своей библиотеке в башне в поисках утешения и совета великих умов прошлого, которые сражались с неизбежностью смерти. И не находил ответа. Не хватало у меня смелости читать, что “смерть не враг, но невидимое приключение” или что “смерть — золотой ключ, который откроет дворец вечности”. Я мечтал о единственном приключении — о прогулке по лесу с Тоддом и Гленом, и единственный дворец интересовал меня — мой дом на холме.

Я сделался крайне забывчивым — забывал о таких мирских мелочах, как ключи от машины или мой кошелек, забывал, где оставил машину, когда выезжал в город, терял свою любимую ручку или журнал, который читал минуту назад. Имена, мелькавшие в разговорах с Луизой, ничего не значили для меня, хотя я притворялся, что помню их. И несколько раз за день и ночью я снова и снова вспоминал рассказ Александра Энтони о столетнике. Мой краткий миг славы прошел, и сейчас тот высокий стебель, который назывался Марком Кристофером, должен рухнуть на землю.

Но рано или поздно моя горечь перед безжалостной рукой судьбы начала рассеиваться — или, возможно, я просто устал бороться и смирился со словами Сенеки, старого, мудрого римлянина, который писал: “Что должно свершиться, свершится;

и если ему необходима борьба, то это лишь выбор его воли”. Снова выбор. Но никогда, ни при каких обстоятельствах я не позволял своим страхам нарушить мою веру в принципы, которые провозгласил в своей книге, веру в способность человека возвысить свою

жизнь при помощи правильного использования инструментов и талантов, полученных от Творца. Моя вера в Бога оставалась непоколебимой. Я молился о помощи, молил дать мне силы вынести то, что ждет впереди. Мистер Успех, пытающийся найти свой путь без своего надежного компаса.

Прошел День Благодарения. Я с мальчиками следил за футбольным матчем по телевизору, как делал это в течение многих лет, а Луиза колдовала на кухне. На следующей неделе Луиза и ее помощницы начали захлебываться под лавиной рождественской почты, и нам пришлось, к сожалению, отложить ежегодный предпраздничный марафон по магазинам, который она предвкушала неделями. Я был в тайне рад задержке, потому что сомневался, смогу ли, при своем состоянии духа, справиться с морем счастливых лиц и праздничного шума. Пока Луиза с помощницами сортировала поздравительные послания в поисках писем, требующих ответа, я проводил все больше и больше времени в башне, в одиночестве, в ожидании...

Однажды, сидя за столом и рассматривая календарь, я решил сжечь эти страницы. Для меня внезапно открылось, что этот мой расчет с прошлым окажется ужасным наследством для Тодда — раной, которая будет кровоточить постоянно. Как можно сообщить ему, что он жив лишь благодаря тому, что отец поступился собственной жизнью ради жизни своего сына? Каким безумцем я был! Каким слепцом! Я уже открыл ящик, где лежала рукопись, когда в башню влетела Луиза.

— Что стряслось, милая?

Задыхаясь от бега, она простонала:

— Вот, — и вручила мне знакомый конверт цвета кожи буйвола, на котором синими каллиграфическими буквами было выведено мое имя. Я открыл конверт и прочитал послание на карточке с золотой каймой. Прочитал его снова. И снова.

Ты не забыт.

Я ходатайствовал за тебя и совершил свое первое и последнее чудо.

Расписание изменено.

После долгого и тщательного обсуждения, принимая во внимание, что слова твоего могущественного послания до сих пор эхом разносятся по райским кущам, было решено, что тебе надлежит остаться тем, кто ты есть, там, где ты есть, среди тех, кого ты любишь. Таким образом, ты можешь продолжать бескорыстно делиться ключом к лучшей жизни со всем человечеством.

Возможно, тебе интересно узнать, что мое ходатайство умело поддерживал другой брат-писатель, чье мнение достаточно весомо, человек по имени Джошуа Кройдон.

Желаю тебе и твоей семье весело встретить Рождество и про-

жить много лет... вместе.

Я стоял так долго, просто разглядывая слова, что Луиза наконец выхватила карточку из моих рук и прочитала ее. Потом снова вложила в мои неподвижные руки.

— Я не понимаю, Марк. Что это значит? И карточка не подписана. Ни А. В. Салом... ни Авессалом.

Я обхватил ее за талию и высоко поднял над каменным полом. Затем усадил на диван и рассказал все. Все!

— О Боже, — повторяла она снова и снова. — И ты носил на сердце эту ужасную ношу с... с того полета из Мемфиса. Тем не менее ты закончил тур и произнес свою речь так, словно в твоём мире все превосходно!

— Я старался, леди, старался изо всех сил.

— Удивительно, что ты не разбил себя полностью. Почему ты не рассказал мне? Нет, не отвечай! Я знаю. Ты не хотел перекладывать это на меня, да?

Впервые после моего возвращения из рекламного тура в башне раздались бесценные звуки смеха. Громкого и радостного смеха.

В день Рождества, самого лучшего Рождества в моей жизни, когда последняя коробка с подарками уже была открыта, я повернулся к Луизе.

— Сколько времени ты нам даешь, прежде чем познакомишь с той очаровательной индейкой, которую жарить в духовке?

— Два часа, — сказала она. — Плюс-минус пятнадцать минут. А что?

— Я собираюсь прокатиться. Вернусь примерно через час, идет?

— Конечно. — Она вскинула голову. — В Стоддард?

— Да. Хочу поблагодарить его. Невозможно придумать лучшего дня для этого.

— Почему ты думаешь, что мистер Энтони будет там? Мне кажется, его “разовые поручения” заставляют его путешествовать.

— Стоит попробовать.

Пока я надевал плащ, в холл вышла Луиза.

— Марк, у тебя нет для него подарка. Как ты приедешь на Рождество без подарка?

— О Боже, ты права. Есть идеи?

— Да. Возьми Тодда. Думаю, старику будет приятно познакомиться со второй половиной условий.

Легкий снежок, который падал весь вечер, еще лежал на мостовой, но дорога до Стоддарда была почти пуста, и поездка заняла меньше получаса. Я без труда нашел “тропинку к березе”, проехал по узкой, запорошенной дорожке ровно полмили, как во время моего первого визита, и остановился в поисках проема в зарослях ежевики по обочинам. Проема не было. Сквозь паутину голых веток я видел всю

дорогу к пруду. Что-то было не так. Что-то изменилось.

— Пойдем пешком, Тодд.

Вместе мы преодолели упрямую стену цепляющихся кустов, и Тодд почти бегом следовал за мной по пути к огромному камину из дикого камня, который серым айсбергом возвышался среди поросли молодых сосен.

Тодд споткнулся и упал, потом вскочил и указал на обугленную балку, схватившую его за ногу.

— Здесь был пожар, папочка, но, наверное, очень давно. Посмотри, какие высокие эти сосенки.

Я медленно прошелся между молодыми деревцами, потом остановился у камина и почувствовал, что волосы на голове зашевелились. Я коснулся рукой шаткой каменной опоры, некогда поддерживавшей каминную полку, и услышал за спиной голос:

— Могу чем-то помочь, ребята? Я обернулся и увидел закутанную в шаль пожилую женщину, которая направлялась к нам. Она опиралась на клюку и раскачивалась при каждом шаге.

— Веселого Рождества, — улыбнулась она, взмахнув клюкой. — Кого-то ищите? Я живу вон там, у дороги, и знаю здесь каждого.

— Да, — ответил я, хотя голос мой звучал странно. — Мы ищем мистера Энтони...

— Кого?

— Энтони. Александра Энтони. Его дом, если не ошибаюсь, был здесь.

— Энтони. Как же, как же, он жил здесь. Совсем один. Милый человек. Никогда никого не обидел. Он умер, дайте-ка припомнить, в 1964-м... или, может, в 65-м? Родни у него не было, по крайней мере мы никого не знали. Город похоронил его на нашем маленьком кладбище за церковью. Я ходила на похороны, я и Альфред, мой муж. Он тоже покинул нас. Только мы с Альфредом и были на похоронах. Кроме священника, конечно. А потом, через неделю после похорон мистера Энтони, случилась ужасная гроза. Молнии так и сверкали. Одна угодила в его дом. От всех его книг остался один пепел.

— Спасибо, — проговорил я. Она кивнула, еще раз махнула клюкой и повернулась.

— Рада была помочь. Веселого Рождества!

— Веселого Рождества, — прокричал Тодд вслед удаляющейся фигуре и подошел ближе ко мне, чувствуя, что что-то не совсем так. — Поехали домой, папа?

— Да, так оно лучше, сынок. Он обошел вокруг камина и толкнул одинокую балку, прислонившуюся к почерневшим камням. Затем наклонился и поднял круглый предмет, обгоревший почти до неузнаваемости.

— Взгляни, папа, — закричал он, вытирая ладонями свою находку. — Это же мячик! Бейсбольный мячик! На нем что-то на-

писано!

Я протянул руку, и он положил на мою ладонь закопченный шарик. Несколько секунд я ласкал его, пока наконец не нашел силы поднести его к глазам и прочитать единственные оставшиеся слова...

С ЛЮБОВЬЮ

Оглавление

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Глава восьмая	38
Глава девятая	44
Глава десятая	47
Глава одиннадцатая	50
Глава двенадцатая	54
Глава тринадцатая	58
Глава четырнадцатая	62
Глава пятнадцатая	65
Глава шестнадцатая	69
Глава семнадцатая	77
Глава восемнадцатая	79
Глава девятнадцатая	85
Глава двадцатая	89
Глава двадцать первая	101